ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека

Государственный архив
Российской Федерации

Российский государственный архив
социально-политической истории

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

История сталинизма

История сталинизма

Андрей Котлярчук

«В кузнице Сталина»

Шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века

РОССПЭН

Москва
2012

УДК 94(477)
ББК 63.3(2Ук-4Шве)
К73

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Комитета по печати университета Содерторн
(Publikationskommitté vid Södertörns högskola)*

научный рецензент
профессор Кристиан Гернер
(Prof. Kristian Gerner, Lund University)

Котлярчук А.

К73 «В кузнице Сталина»: шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века / А. Котлярчук. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 222 с. ; ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1684-1

В этой книге рассказывается о встрече простых крестьян села Старошведское Херсонской области Украины с властью, которая не желала мириться с их самобытностью. В рамках теоретической модели Мишеля Фуко и Альберто Мелуччи автор анализирует политику сталинского государства по принудительной нормализации шведских колонистов Украины с целью переориентации их социально-политической и культурно-лингвистической идентичности. Микроисторический подход и устные свидетельства позволили автору проанализировать стратегию коллективного сопротивления шведской общины – наименее изученную часть процесса принудительной нормализации. Исследование основано на малоизвестных архивных источниках из собраний Украины, Швеции и России.

УДК 94(477)
ББК 63.3(2Ук-4Шве)

ISBN 978-5-8243-1684-1

Светлой памяти моего учителя,
профессора Александра Сергеевича Мыльникова
(Санкт-Петербург, 1929–2003)
и коллеги Виктора Темушева (Минск, 1975–2011),
к моему глубокому сожалению, не увидевших выхода этой книги в свет

ВВЕДЕНИЕ

Слова благодарности

Работа над этой книгой началась в далеком 2004 г., когда на базе шведского университета Сёдерторн (S dert rns h gskola) стартовал международный проект «Шведские колонии в Украине». Мы, участники проекта из Швеции, России и Украины, провели много времени в совместных полевых экспедициях в районах расселения старошведов на юге Украины (Бериславский район Херсонской области) и Швеции (Готланд). Нас объединила работа в архивах Херсона, Одессы, Днепропетровска, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и Стокгольма, участие в научных конференциях. Поэтому прежде всего я хочу назвать имена коллег и друзей по проекту, без которых эта книга вряд ли бы состоялась: Дэвид Гонт, Петр Вавренюк и Маргарета Совик (университет Сёдерторн, Швеция); Светлана Иосифовна Бобылева, Александр Безносов, Оксана Безносова и Юлия Малицкая (Днепропетровский национальный университет), Татьяна Алексеевна Шрадер (МАЭ РАН, Кунсткамера, Санкт-Петербург) и Александр Маньков (Российско-шведский центр, РГГУ, Москва).

Слова признательности я адресую участникам международной исследовательской сети по истории западных и северных меньшинств в сталинском Советском Союзе (www.balticnorthernminorities.org) за прекрасную атмосферу научных дискуссий.

Я хочу также поблагодарить государственные и частные научные фонды Швеции, оказавшие финансовую поддержку моей исследовательской работе: Шведский Институт (Svenska institutet), Балтийский фонд (Östersj stiftelsen), Комитет по печати университета Сёдерторн (Publikationskommitt vid S dert rns h gskola) и Балтийский фонд университета Умео (Baltic-donationen, Ume universitet).

Отдельное спасибо научным, архивным и библиотечным работникам, оказавшим неоценимую помощь на различных этапах работы над книгой. Среди них: Андреа Грациози (Университет Неаполя, Италия); Ларс Гугман (Архив рабочего движения Швеции), Даце Лагерборг и Эрланд Янссон (Библиотека университета Сёдерторн, Стокгольм); Юрген Хедман (Немецкая гимназия, Стокгольм); Улле Сундстрём и Матс Берглунд (Университет Умео); Хироаки Куромия (Университет штата Индиана, США); Николай Алексеевич Морозов и Михаил Борисович Рогачев (Мемориал, Республика Коми);

Антонина Васильевна Карпова, Елена Алексеевна Марущяк и Юлия Александровна Коник (Государственный архив Херсонской области); Лариса Ивановна Решетило (Российский государственный архив социально-политической истории).

Хочу выразить признательность Обществу старошведов Швеции (F reningen Svenksbyborna) и его председателю Биргитте Утас (Birgitta Utas), а также лично Арвиду Нурбергу (Arvid Norberg) за предоставленные иллюстрационные материалы.

Огромное спасибо респондентам, с помощью которых мне открылся взгляд обычных людей на события сталинского времени. Это Густав Аннас, Анна Портье, Анна Сигалет-Лютко, Александр Квитка и Лиля Мальмас (Змиевка), Виктория Бускас (Херсон), Андрей Утас (Камышин), Арвид Кнутас и Надежда Попова (Сыктывкар), Валентина Утас и Олег Утас (Владивосток), Матильда Нурберг и Астрид Лаунштейн Брагнум (Швеция). Многих из старшего поколения уже нет в живых, пусть земля им будет пухом!

Наконец хочется выразить самые теплые чувства моим родителям и моей семье: жене, сыновьям и дочери за их поддержку и понимание того, что процесс научной работы включает в себя не только минуты вдохновения, но и длительные командировки вдали от дома.

21 июня 2011 г., Стокгольм

Как писать историю сталинизма?

При взрывном штамповании ударная волна, возникающая при сгорании заряда взрывчатого вещества, деформирует заготовку, придавая ей нужную форму. В результате этого заготовка пластически деформируется и приобретает форму полости матрицы, на которую она установлена.

Большая советская энциклопедия.
Кузнечно-штамповочное производство

Серия «История Сталинизма» издательства РОССПЭН замечательно демонстрирует новые перспективы исследования советской диктатуры. В настоящей книге предпринята попытка локального изучения сталинизма на материале шведской колонии в Украине. Работа не ставила целью поиск ответа на вопрос: «почему». В центре исследования – поиск ответа на вопрос «Как и с помощью каких инструментов советская власть осуществляла культурно-лингвистическую и социально-политическую переориентацию идентичности херсонских шведов?» В связи с этим представляется важным высказать ряд принципиальных замечаний.

Под влиянием монументального произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» период с 1917 по 1953 г. зачастую рассматривается в российской историографии как цепочка непрекращающегося и нарастающего террора. Данная концепция, на мой взгляд, пропитана философией марксизма, признающего непрерывный характер исторического развития. Абсолютизация марксизмом причинно-следственной связи и закономерностей исторического развития привела к тенденции смотреть на сталинизм через призму континуитета. Пример шведской колонии говорит об обратном явлении, показывает, что сталинский режим предполагал комбинацию различных политических стратегий.

Последнее замечание позволяет говорить о вариативности и прерывности сталинской политики. В 1920-х гг. в шведской колонии под руководством Центральной комиссии национальных меньшинств УССР осуществлялся эксперимент по формированию национального меньшинства советской Украины из иностранных колонистов Российской империи. С начала 1930-х гг. под эгидой Коминтерна реализовывался международный проект по строительству в селе плацдарма будущей коммунистической Швеции. После депортации старошведского населения в 1945 г. из Германии в автономную республику Коми там под контролем органов госбезопасности шла «переделка» репа-

триантов в сознательных советских граждан. Все проекты сталинской власти носили тоталитарный характер, но далеко не всегда репрессии становились главным методом социальной инженерии. Цель была одна, однако средства для ее осуществления не всегда сводились к террору. Мишель Фуко говорит об удивительной способности власти сочетать насилие с мягкими мерами контроля и микро-штрафов. Например, политика коренизации 1920-х гг. осуществлялась в шведской деревне без применения репрессивных санкций.

Научная историография сталинизма изобилует цифрами и статистическими наработками, за которыми часто теряется судьба отдельного человека. Методология настоящего исследования основана на микроисторическом подходе. При таком подходе под микроскопом исследователя оказываются не тысячи разрозненных индивидов, а сплоченная и достаточно изолированная национальная община. Микроисторический метод позволяет исследователю существенно снизить шкалу наблюдений и таким образом сконцентрировать свое внимание на отдельной социальной группе, обработав массивный комплекс письменных и устных источников[1]. Таким образом, появляется возможность изучить тоталитарные технологии советской власти на примере гомогенной социальной группы, а не тысяч ничем не связанных между собой индивидов. Микроистория не означает игнорирования макроисторической перспективы. Наоборот, через прошлое скандинавского поселения на Украине раскрываются масштабные страницы советской и европейской истории. Сталинизм (как и нацизм) является феноменом общеевропейского масштаба. Последнее означает, что историю сталинизма невозможно понять вне международной коммунистической перспективы. В причудливой форме в прошлом украинских шведов соединились история международного коммунистического движения, демократической Швеции, сталинского Советского Союза и нацистской Германии. И даже тогда, когда хлебопашцы херсонских степей не покидали пределов родного села, великие державы сами являлись к ним в гости с намерением властвовать навсегда.

Несмотря на значительную историографию и литературу сталинского периода, мы по-прежнему чрезвычайно мало знаем о том, что происходило в глубокой провинции в годы коренизации, коллективизации и Большого террора[2]. Советские крестьяне не писали мемуаров. Их голос не был услышан исследователями, а память не стала частью

---

[1] Levi G. On Microhistory // New perspectives on historical writing / ed. P. Burke. Cornwall, 2001. P. 97–119.

[2] Как исключение следует назвать замечательные исследования последних лет Кейт Браун и Александра Ватлина: Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; Ватлин А. Ю.

национальной памяти. В современной независимой Украине история этнических меньшинств находится на периферии научного поиска. В Швеции трагическая судьба скандинавского поселения в СССР относится к разряду экзотических и далеких историй, не имеющих непосредственного отношения к Скандинавии. Большинство сохранившихся письменных источников по советской политике в деревне исходит от представителей власти, что существенно затрудняет задачи исследования, так как реакция населения остается неизвестной. К счастью, особенности правовой культуры и поведенческих практик шведских поселенцев предоставляют великолепные возможности для развернутого микроисторического анализа. В настоящей работе максимально используются мемуары старошведов, воспоминания и интервью очевидцев, коллективные петиции жителей села, позволяющие преодолеть существующий источниковедческий дисбаланс. В результате появляется возможность взглянуть на историю сталинизма «снизу», проследить, по словам Арона Гуревича, реакцию «безмолвствующего большинства». Эта книга рассказывает о встрече простых шведских крестьян с властью, которая не желала мириться с их самобытностью.

Историческая справка. Старо-Шведская колония на берегах Днепра

Село Змиевка (укр. *Зміївка*), известное до 1945 г. как Старошведское, расположено на правом берегу Днепра в Бериславском районе Херсонской области Украины. Из 3,5 тысячи жителей села всеукраинская перепись 2001 г. зарегистрировала 111 граждан шведской национальности[1]. Шведская земледельческая колония на берегу Днепра неподалеку от его впадения в Черное море является единственным скандинавским поселением в Евразии на восток от Финляндии[2]. Колония была основана в 1782 г. в Новороссии шведскими переселенцами с острова Даго на Балтике[3]. Сегодня этот остров носит название Хийумаа и принадлежит Эстонии. В 1791 г. на поселение в Старошведское были также отправлены военнопленные русско-шведской войны.

В 1782–1917 гг. Старошведское находилось в составе Новороссийской (позже Херсонской) губернии Российской империи, в 1918–

Террор районного масштаба: массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области в 1937–1938 гг. М., 2004.

[1] Всеукраинская перепись населения 2001 года. URL: www.ukrcensus.gov.ua

[2] См. научно-популярную историю села на шведском языке: Hedman J., Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Kristianstad, 2003.

[3] *Dag* в переводе со шведского означает «Дневной остров».

1991 гг. – в составе Херсонского округа (позже Херсонской области) СССР. Название поселения Старошведское (на немецком языке – Altshwedendorf) было официальным названием колонии с момента ее основания вплоть до 1915 г. В этот период шведская колония являлась административным центром «шведского колонистского округа» (позже волости), включая в свой состав три крупных немецких села. В 1926–1938 гг. шведская колония имела два официальных названия: украинское «Старошведське» и шведское «Gammalsvenskby». В Швеции село известно под его шведским названием «Gammalsvenskby» (более старый вариант *Gammelsvenskby*). В советских и шведских источниках 1920–1950-х гг. население колонии известно как «старошведы» (шведский вариант *Gammal-svenskbyborna*).

Новейшие археологические исследования показывают, что шведы заселили остров Даго во времена викингов[1]. Шведская «Гута-сага» (начало XIII в.) сообщает, что этот остров служил перевалочным пунктом для походов викингов по Двине и далее по Днепру через «Русь» (*Ryzaland*) в «Грецию» (Византию). Если внимательно посмотреть на карту Балтийского моря нового времени, можно заметить одну любопытную деталь. В то время как земли вокруг Балтийского моря заселены различными народностями, практически все острова (от датского острова Борнхольм у берегов Польши до Аландских островов в Финляндии) заселены скандинавами. Объектом шведской колонизации во времена викингов стало также морское побережье современной Эстонии. Во времена шведского могущества этнография имела серьезное геополитическое значение. Девиз внешней политики каролингской Швеции «Dominium Maris Baltici» означал достижение политического и экономического господства в Балтийском регионе[2]. Прибрежное шведское население, безусловно, облегчало реализацию такой экспансионистской политики.

В 1561–1721 гг. жители острова Даго были подданными Шведского королевства. Крестьяне феодальной Швеции были свободными и являлись частью политической нации (случай уникальный в европейской истории). Фракция вольных шведских крестьян заседала в шведском парламенте страны, оказывая реальное влияние на политическое развитие страны. В этот период шведские крестьяне Даго имели четко определенные права и обязанности, выбирали своего депутата в парламент, часто выезжали на работы в Стокгольм. Островом как отдельной административной еди-

---

1 Markus F. Living on another shore: early Scandinavian settlement on the North-Western Estonian coast. Uppsala, 2004.

2 Rystad G. Dominium maris Baltici – dr m och verklighet: Sveriges freder 1645–1661 // Mare nostrum. Stockholm, 1999. S. 95–105.

ницей руководил шведский губернатор[1]. Социальный контроль над прихожанами осуществляла шведская лютеранская церковь. Таким образом, жители Даго были хорошо интегрированы в политические и церковные структуры шведского государства. Политические реалии Швеции научили крестьян занимать активную общественную позицию и использовать мирный коллективный письменный протест (*supplika*) в случае нарушения властями своих обязательств. Любой шведский крестьянин или группа крестьян могли обратиться с коллективной жалобой или просьбой к верховной власти. Органы власти были обязаны рассмотреть данное обращение и принять решение[2]. Шведы острова Даго неоднократно с успехом использовали данное положение в XVII в. для защиты своих прав[3]. В результате правовая культура херсонских шведов – после их переселения в Новороссию – существенно отличалась от стратегии коллективного сопротивления других групп земледельческого населения Российской империи, зачастую предпочитавших перу топор. Это фактор сыграет важную роль в советский период шведской колонии.

Покинуть родной остров вольных шведских крестьян заставил многолетний конфликт с российскими аристократами шведского и немецкого происхождения – Карлом Магнусом Стенбоком (Carl Magnus Stenbock) и Отто фон Унгерн Штенбергом (Otto von Ungern Stenberg). Целью помещиков было закрепощение вольных шведских поселенцев. После коллективного обращения шведских жителей острова к верховной власти Российской империи по указу Екатерины II 965 крестьян острова Даго были в добровольном порядке переселены на земли Причерноморья, где для них было основано поселение[4]. Несмотря на то что на тот момент переселенцы являлись подданными Российской империи, им были предоставлены статус и

---

[1] Hedman J. N gra drag ur Dag s historia under den svenska tiden 1563–1710 // Kustbon. 1984. Vol. 41. № 1. S. 12.

[2] До 1680 г. крестьяне Швеции имели право обращаться напрямую к монарху. В 1680 г. прямое письменное обращение к монарху было ограничено жалобами, которые содержали «веские и достаточные основания». См.: Berglund M. Massans r st: upplopp och gatubr k i Stockholm 1719–1848. Stockholm, 2009. S. 44–45.

[3] Koit J. De svenska dag b ndernas kamp f r sin fri- och rättigheter 1662–1685 // Svio-Estonica. 1951. № 10. S. 50–153.

[4] Антифеодальная борьба вольных шведских крестьян в Эстляндии. Сборник документов / под ред. Ю. Мадисона. Таллин, 1978. № 70; Бобылева С. И. Шведы Украины и государственная власть // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2008. С. 247–268.

льготы иностранных колонистов. В 1805–1806 гг. на землях шведской деревни были дополнительно основаны три немецких колонии[1].

По оценке шведских и российских исследователей, несмотря на длительную изоляцию от Швеции, для старошведов в начале XX в. была характерна высокая степень национального самосознания. Колонисты считали себя шведами и свободно владели родным языком в его диалектной (*svenskbym l*) и стандартной (*rikssvenska*) формах[2]. В этом смысле миграция шведского населения на восток принципиальным образом отличается от массовой эмиграции шведов в Северную Америку, где на протяжении трех-четырех поколений скандинавы ассимилировались в англоязычной среде[3]. Последнее обстоятельство делает шведскую колонию в Причерноморье уникальной. На Украину шведские колонисты привезли рунические календари и богослужебные книги, среди них такие ценные издания, как «Библия Карла XI» и «Библия Карла XII». Согласно шведской традиции, чтение Библии было основой начального образования. Возможно, поэтому лексика и грамматика говора украинских шведов сохранила ряд архаических черт, исчезнувших в современном языке, например, множественное число глаголов[4]. С середины 19 в. жители села установили прочные связи с королевством Швеция и шведами Великого княжества Финляндского (*finlandssvenskar*[*]). С их помощью в селе был создан ряд национальных институтов (школа, шведский приход, библиотека) и, как следствие, получена «прививка» национализма[5].

---

[1] Котлярчук А. С. Немцы Украины в судьбах шведской колонии на Днепре. 1805–2007 гг. // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2007. С. 27–35.

[2] Wawrzeniuk P. Tradition and the past: The Swedes of Alt-Schwedendorf 1782–1852 // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2007. P. 12–19; idem. Formering till modernitet: Gammalsvenskby genom finländska och rikssvenska gon 1836–1904 // Historisk tidskrift f r Finland. 2010. Vol. 95. № 2. S. 249–267; idem. Resedagbok och fosterländsk mobilisering. Herman Vendells resa till Gammalsvenskby och Narg 1881 // Historiska och litteraturhistoriska studier. № 85. S. 91–106; Шрадер Т. А. Шведы в Украине (борьба за сохранение идентичности) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 104–108.

[3] Blanck D. Constructing an Ethnic Identity: The Case of the Swedish-Americans // The Ethnic enigma: the salience of ethnicity for European-origin groups / ed. by P. Kivisto. Philadelphia, 1989. P. 134–152.

[4] Маньков А. Е. Село Старошведское (Gammalsvenskby) и его диалект. Результаты исследований 2004–2006 гг. // Шведы: Сущность и метаморфозы идентичности. Сборник статей / под ред. Т. А. Тоштендаль-Салычевой. М., 2008. С. 294–314.

[*] Шведоязычные финляндцы (шведск.). (*Прим. ред.*)

[5] Wawrzeniuk P. Formering till modernitet. S. 249–267.

В религиозном плане поселенцы были лютеранами шведского обряда. Старошведская кирха являлась первым протестантским храмом Новороссии, действовавшим с 1782 г. В социально-экономическом смысле крестьяне Старошведского были иностранными колонистами империи Романовых и до буржуазных реформ конца XIX в. имели серьезные правовые и экономические привилегии и автономное самоуправление[1].

В 1923–1953 гг. шведская община стала объектом ряда социальных экспериментов. Задачей «экпериментаторов» было принудительное изменение традиционной коллективной идентичности старошведов для формирования лояльности к новой власти. В 1923–1929 гг. в деревне под руководством Центральной комиссии по делам национальных меньшинств УССР (ЦКНМ) проводилась политика коренизации, целью которой было превращение иностранных колонистов Российской империи в лояльное национальное меньшинство советской Украины.

В 1929 г. в результате переговоров между Швецией и СССР практически все село (888 человек) эмигрировало в Швецию. На исторической родине под контролем специально созданного государством органа «Комитет по делам Старошведского поселения» (*Gammalsvenskbykommittén*) проходил новый масштабный эксперимент. Целью эксперимента являлась полная интеграция архаичных херсонских шведов в современное общество путем превращения их в успешных шведских фермеров. Эмигрантам было отказано в отдельном компактном поселении, и старошведы были расселены по всей стране для обучения шведским нормам ведения хозяйства и быта. Специально назначенные инспекторы контролировали все аспекты интеграции «потерянного колена» в шведское общество[2]. Не согласные с подобной политикой колонисты (около 300 человек) добровольно вернулись в СССР. Здесь, в деревне, получившей название Красношведское, под эгидой Коминтерна и с участием шведских коммунистов с 1930 г. осуществлялся эксперимент по строительству первого в мире шведского колхоза. Однако в ходе Большого террора 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны 22 жителя села, обвиненные в создании мифической «шведской шпионской контрреволюционной националистической организации». Вслед за этим последовала ликвидация шведского сельсовета, колхоза, школы и других национальных институтов шведского села.

Проект принудительной сталинской нормализации прервала война. Немецкая оккупация Украины сделала старошведов жертвами

---

1 Шрадер Т. А. Очерки жизни шведских колонистов в России. С. 229–253.

2 Wedin A. Gammalsvenskbybornas emigration till Sverige 1929: en studie i svenskhet och etniskt ursprung. S dert rns h gskola, 2007. Неопубликованная дипломная работа (C-uppsats) по истории. Научный руководитель Андрей Котлярчук (Andrej Kotljarchuk).

очередного эксперимента по германизации шведского населения *Altschwedendorf*[1]. *В 1943 г. нацисты выселили жителей села – шведов – в Третий рейх. Как следствие, в 1945 г. десятки старошведов были депортированы НКВД в Коми АССР, где стартовал очередной этап сталинский нормализации. Основной целью изоляции шведских поселенцев была «переделка этих неблагонадежных элементов в сознательных строителей социалистического общества»*[2]. *Сегодня эмигранты, их дети и потомки объединены в Швеции в землячество «Föreningen Svenskbyborna»*[3]. *На собственные средства землячество построило в городе Рума на Готланде музей родной деревни. За пределами Швеции потомки колонистов компактно проживают в украинском селе Змиевка и канадской провинции Альберта.*

Краткая характеристика источников и теоретический подход

Настоящее исследование базируется на архивных источниках из собраний России, Украины и Швеции, большинство которых впервые вводится в научный оборот. В собрании Государственного архива Швеции (*Riksarkivet*) интерес представляет ряд коллекций. Во-первых, это разнообразные материалы Комитета по делам Старошведского поселения (*Gammalsvenskbykommittén*), известного позже как Совет по делам Старошведского поселения (*Gammalsvenskbystiftelsen*). Кроме огромного количества официальных документов эта коллекция включает переписку членов комитета со старошведами в Швеции и СССР, рукописные мемуары, подборки книжных, газетных и журнальных публикаций. Материалы бюро социальной политики Швеции (*Socialstyrelsen*) содержат переписку сотрудников бюро с жителями села, списки эмигрировавших в Швецию и выехавших обратно в СССР, документы Рабочего комитета по делам Старошведского поселения (*Arbetarnas Svenskbykommitté*), обращения советского консульства. В архиве министерства иностранных дел Швеции (*Utrikesdepartementet*) хранятся содержащие информацию о ситуации в старошведской деревне рапорты шведского посольства в Москве и консульства в Ленинграде, переписка по вопросу о возвращении на родину работавших в селе шведских коммунистов, подборка советских и шведских публикаций о старошведах.

---

[1] Gaunt D. Swedes of Ukraine as «Volksdeutsche». The experience of World War II // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2007. С. 239–250.

[2] Kotljarchuk A. Ukrainasvenskar i Gulagarkipelagen. Tv ngsnormaliseringens teknik och kollektivt motst nd // Historisk Tidskrift. 2011. № 1. S. 3–24.

[3] См. страницу землячества в Интернете: www.svenskbyborna.com

В Архиве рабочего движения Швеции (*Arbetarrörelsens arkiv*) хранятся протоколы Шведской коммунистической партии с информацией о работе среди украинских шведов. Важной является коллекция «Biografica» этого архива, включающая автобиографии составленные членами партии, работавшими в СССР. С разрешения исполнительного комитета левой партии Швеции (*Vänsterpartiet*) автор получил доступ к этому материалу.

Среди разнообразных коллекций по истории шведского поселения, хранящихся в Государственном архиве Херсонской области (ДАХО), особый интерес представляют следственные дела ГПУ–НКВД–МГБ Украинской ССР по обвинению старошведов в различных преступлениях против советской власти. В 1993–2006 гг. материалы на реабилитированных жителей шведской колонии, а также фильтрационные дела старошведов, поступили в фонды ДАХО из регионального отделения Отраслевого государственного архива службы безопасности Украины (ГДА СБУ) и наконец стали доступны исследователям. На основании доверенностей от родственников жертв автор получил разрешение на работу с этими документами. Кроме этого, в Государственном архиве Херсонской области хранится комплекс документов советских органов власти, включающий протоколы Старошведского сельского совета, церковные и школьные материалы, документы Бериславского районного исполкома, исполнительного комитета Херсонского округа, центральных учреждений УССР.

Собрание Коминтерна, входящее в состав Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве, включает фонд № 495 «Коммунистическая партия Швеции» с личными делами коммунистов, работавших в старошведской колонии. На основании доверенностей от проживающих в Швеции их родственников автор книги получил доступ к этой коллекции. В фондах РГАСПИ обнаружено также подготовленное сотрудниками секретариата скандинавских стран ИККИ дело «О старошведских поселениях на Украине», содержащее разнообразные материалы по истории шведской колонии.

При подготовке издания были также использованы материалы Государственного архива Одесской области (ДАОО), Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦДАГО), Республиканского архива общественно-политических движений и формирований Коми и Российского государственного архива кинофотодокументов. Кроме архивных источников и научной литературы в работе широко использованы публикации советских и шведских средств массовой информации того времени, документальные фильмы, плакаты и фотографии, электронные ресурсы.

Большинство традиционных источников отражают взгляд власти на проходившие в шведской колонии процессы. Поэтому было чрез-

вычайно важно определить отношение самих старошведов к осуществлявшимся в их деревне социальным экспериментам. В этом смысле шведская деревня является замечательным по своему потенциалу местом. Десятки жителей села были опрошены шведскими и украинскими историками и журналистами после очередного «открытия» деревни в конце 1980-х гг.[1] На протяжении 2004–2008 гг. автор книги работал с информаторами в республике Коми, Херсонской области Украины и Швеции. Целевой группой были представители старшего поколения херсонских шведов 1919–1931 гг. рождения. Шесть жителей села оставили мемуары, повествующие о событиях первой половины XX в., – случай уникальный для крестьянской культуры Восточной Европы[2]. Два выходца из села – Ян Утас и Сигфрид Хуас – и писатель Гарри Блумберг написали документальные романы, посвященные истории шведской колонии[3]. В 1954–2009 гг. землячество старошведов в Швеции опубликовало серию юбилейных книг с разнообразными материалами по истории скандинавской колонии на Украине[4].

В книге «Шепчущие: частная жизнь в сталинской России» британский историк Орландо Файджес показывает значимость устных свидетельств в реконструкции истории сталинских репрессий[5].

---

[1] См. публикации интервью с жителями бывшей шведской колонии в кн.: Hedman J.; Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Kristianstad, 2003; Tysk K.-E. Gryningsljus Gammalsvenskby i blickpunkten. Skara, 2007; Johansson G., Turesson R. Vi ha varit med om s dant som man inte kan tala om. Intervju med Emma Malmas // Expressen. Den 30 maj 1993; Lundquist Å. De sista svenskarna i byn // Dagens Nyheter. Den 7 oktober 2000; Чумаченко Г. Шведське поселення на Півдні України // Народна творчість та етнографія. 1997. № 2–3. С. 101–110; Піддубняк В. Г. Жниво Молоха: Голод 1932–1933 рр. на Херсонщині. Херсон, 2006.

[2] Hoas K. Gammal-Svenskby. Opublicerad uppsats [рукопись]. Visby, 1938 // Riksarkivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534; Utas J. Op.cit.; Annas A. Livet i Gammalsvenskby. S. 60–61 // www.svenskbyborna.com; H gevik [Hinas] J. Detta är mitt liv. Handskrivet manuskript; Knutas A. Mitt liv i korta sammandrag. Manuskript; Albers family genealogy, 1700's – 1992 / ed. by D. M. Albers. Brigham Young University, 2005 // Family Archives Collections. URL: http://lib.byu.edu/digital.

[3] Blomberg H. Babels älvar. Stockholm, 1928; Utas J. Vi fr n stäppen. Stockholm, 1938; Hoas S. Banditer i byn: min barndoms äventyr i Gammal-Svenskby. Stockholm, 1959. Новое дополненное издание: Hoas S. Banditer i byn: och andra texter om Gammalsvenskby. Stockholm, 2009.

[4] См.: Svenskbyborna 25 r i hemlandet / red. J. Utas, S. Hoas. Visby, 1954; Svenskbyborna 40 r i Sverige / red. P. Kr. Annas. Visby, 1969; Svenskbyborna 50 r i Sverige: 1929–1979. Visby, 1979; Svenskbyborna 60 r i Sverige 1929–1989 / red. J. Andr asson-Utas. Visby, 1989; Svenskbyborna 70 r i Sverige 1929–1999. Visby, 1999; Vems är du? Svenskbyborna 80 r i Sverige / red. K. Hedstr m. Klintehamn, 2009.

[5] В работе над этим текстом я использовал шведское издание монографии: Figes O. De som viskade: tystnad och terror i Stalins Sovjet. Lund, 2009.

Файджес анализирует, в частности, воспоминания детей жертв, голоса которых зачастую игнорировались в предыдущей историографии. В рецензии на книгу Файджеса шведский историк Кристиан Гернер справедливо отмечает, что свидетельства очевидцев так «часто одеты в костюм, заимствованный из классической литературы о ГУЛАГе, что требуют особо тщательного к ним подхода»[1]. Понимая важность источниковедческой проблемы, Файджес тем не менее считает, что выбранные им источники представляют большую ценность, нежели литературные мемуары. Устные свидетельства можно подвергнуть перекрестному анализу, сверить с данными архивных источников, с воспоминаниями других очевидцев. Таким образом, можно отделить индивидуальные свидетельства прошлого от приобретенных после чтения литературы шаблонов. Наконец Файджес подчеркивает, что устная история (oral history) – практически единственный способ исследовать террор и его последствия для жизни человека сквозь призму восприятия жертв, а не в трактовке власти.

Респонденты, с которыми я работал в ходе подготовки этой книги, в большинстве своем малограмотные крестьяне. Как правило, они не читали классических произведений Александра Солженицына и Варлама Шаламова. Вероятно, литература ГУЛАГа не оказала значительного влияния на содержание их воспоминаний. Конечно, в рассказах старшего поколения присутствуют провалы памяти, путаница и элементарные ошибки. Большинство моих информаторов считают, что они были депортированы в Сибирь, хотя республика Коми находится в Европе. Многие имена и даты не соответствуют информации, содержащейся в архивных документах. Однако в воспоминаниях стариков присутствует главное – реакция жертв на государственное насилие.

Об истории старошведского поселения в Швеции существует обширная литература, в основном научно-популярного характера. При этом сталинский период раскрывается фрагментарно и исключительно на основе воспоминаний самих старошведов[2]. В послевоенном Советском Союзе о единственном в стране скандинавском поселении было забыто. Небольшое количество выживших в годы сталинской диктатуры херсонских шведов (около 150 человек) не учитывалось советскими переписями населения. Шведской деревней не интересовались и академические центры скандинавистики. В независимой Украине село приобрело известность на региональном уровне только в конце 1990-х гг. и стало популярным в национальном масштабе после официального визита в Змиевку в октябре 2008 г. шведской

---

[1] Gerner K. Viskningarnas samhälle // Axess. 2008. № 3. S. 68.

[2] Runwall A., Hagert B. Svenskarna fr n Ukraina: ett reportage om svenskbyborna. Vällingby, 1981; Hedman J., Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Kristianstad, 2003.

королевской четы. Однако до сих пор советскому периоду истории шведской колонии посвящено лишь несколько редких публикаций украинских архивистов и журналистов[1]. В украинской национальной историографии история шведского поселения находится на периферии научного поиска, а интерпретация событий советского периода зачастую полна ошибок и неточностей[2].

Как известно, идеологические принципы ВКП(б)–КПСС восходили к немецкой философии научного социализма. Основатели коммунистического учения Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали философскую систему, которая претендовала на открытие социальных законов исторического развития. Более того, теоретики марксизма-ленинизма как никто другой верили в возможность прогнозировать и строить будущее[3]. Созданная большевиками концепция «светлого будущего» была неполной без идеи создания нового человека. Тема переделки человека в разных ее контекстах приобрела фундаментальное звучание в период правления Сталина. Достаточно вспомнить учение украинского педагога Антона Макаренко по перевоспитанию социально запущенных подростков, стройки ГУЛАГа как площадки по перевоспитанию заключенных[4]. Не была исключением и коллективизация, призванная через принудительный совместный труд сделать из консервативного мелкобуржуазного фермера сознательного колхозника – строителя социализма. Как отмечает Иоахим Клейн, идея «перековки» была чрезвычайно популярна в юридическом и политическом дискурсе сталинской власти и «неутомимо пропагандировалась в литературе и в быту. Перевоспитаны должны были быть не только заключенные, но и все население, поскольку оно в своих, еще дореволюционных воззрениях и привычках оставалось позади прогрессивного сознания партийной элиты»[5]. Несмотря на декларации вроде «все во имя че-

---

[1] Коник Ю. О. Реемiграцiя шведського населення Херсонського округу в 1929 р. За документами державного архiву Херсонської областi // Пiвденний архiв. Iсторичнi науки. Вип. 9. Херсон, 2002. С. 62–64; Сергiйчук В., Данильченко О. Земля, яка стала рiдною // Нариси з iсторiї Бериславщини. Вип. 3. Херсон; Берислав, 2003. С. 8–14; Голобородько Ю. Гiркий бiль правди // Реабiлiтованi iсторiєю. Херсонська область / ред. А. О. Бабич. Херсон, 2005. С. 303–306.

[2] Например, известный украинский исследователь сталинской национальной политики Б. В. Чирко ошибочно утверждает, что во время Голодомора 1932–1933 гг. «в Старошведском национальном сельском совете погибли почти все представители шведского национального меньшинства» // Чирко Б. В. Нацiональнi меншини в Українi (20–30 роки XX столiття). Київ, 1995. С. 158.

[3] Магочий П. Р. Iсторiя України. Київ, 2007. С. 458–459.

[4] Дюран Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 64.

[5] Клейн И. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 231–262.

ловека, для блага человека», для советского государства люди были расходным материалом. Для сталинской правящей элиты был характерен предельно функциональный подход к человеку как «винтику» государственной машины. Как никто другой большевики верили в радикальные принудительные меры по переделке личности. Не случайно эпиграфом к этой книге был выбран фрагмент статьи из Большой советской энциклопедии об изобретенном в СССР взрывном методе кузнечно-штамповочного производства. То, что сталинское руководство осуществляло грандиозный эксперимент по созданию «нового человека», ясно осознавалось отечественной интеллигенцией. Например, Лидия Гинзбург записала в 1942 году в своем дневнике:

> Строй круто поставил назревшую историческую проблему изменения субъективного человека и образования человека гражданственного. Государство, которое потребовало, чтобы все по всем пунктам хотели того же, чего оно хочет (буржуазному государству это было принципиально не нужно). Оно потребовало этого в крайней и грубой форме[1].

В настоящей работе история шведской колонии в период правления Сталина рассматривается сквозь призму теории «принудительной нормализации» Мишеля Фуко и концепции «изменений коллективной идентичности» Альберто Мелуччи[2]. Технология принудительной нормализации представляет из себя процесс, который может быть разделен на три отдельных, но взаимосвязанных фазы:

– концепция;
– реализация;
– результаты.

Каждая фаза отражает три ключевых аспекта технологии изменения коллективной идентичности:

– новый стандарт идентичности (новый исторический канон и видение будущего; новый политический, социально-экономический, культурно-лингвистический норматив);
– создание новых границ и новой социальной иерархии;
– внедрение новых групповых ценностей (через образование, пропаганду, политические ритуалы, труд, военную службу и т. п.).

Власть, согласно Фуко, является одним из важнейших аспектов встречи государства и общества, регулирующей структуру межлич-

---

1 Зорин А. Лидия Гинзбург: Опыт «примирения с действительностью» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 32–51.

2 Foucault M. Discipline and Punish. The birth of the Prison. Harmondsworth, 1979; он же. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; он же. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / ред. П. Визгин. М., 2002; Melucci A. The process of collective identity // ed. by H. Johnson, B. Klaudermas. Social movements and culture. University of Minnesota Press, 1995. P. 41–63.

ностных отношений. Разница между «старым» стандартом идентичности и новым нормативом становится почвой для конфликтов и источником изменений коллективной идентичности[1]. По мнению Фуко, малопродуктивно искать в действиях власти по принудительной нормализации своих граждан ясные экономические и другие цели логического порядка. У каждого из политических режимов собственная история, но цель всегда одна: подчинение и один, наиболее популярный метод – насилие[2]. Ситуацию насилия усиливает эффект тоталитаризма, позволяющий осуществлять безальтернативный эксперимент над своими гражданами[3]. Важным фактором является созданная самой властью чрезвычайная ситуация. Она приводит к радикализации отношений между властью и ее подданными и одновременно служит лакмусовой бумажкой для анализа целей и результатов принудительной нормализации. Фуко подчеркивает, что механизмы действия власти лучше всего изучать на локальном уровне. Микроисторический подход позволяет направить фокус исследования на конкретную группу людей или институт и определяет метод работы, который включает в себя максимально широкий анализ всего корпуса письменных и устных источников. Фуко считает, что стратегия коллективного сопротивления является наименее изученной частью процесса принудительной нормализации. Сопротивление, согласно Фуко, не является проявлением внешней альтернативы власти, а скорее процессом поиска новой модели взаимодействия между властью и группой (индивидом) по выработке механизма дальнейшего сосуществования. При этом политика власти направлена на максимальное выгодное ей изменение идентичности и поведенческих практик, что служит основанием для конфликтов. С этой точки зрения сопротивление следует рассматривать как естественную возможность для потенциальных изменений отношений между властью и ее подданными[4].

Лаура Энгельштейн отмечает, что пример советского государства является «показательным тестом дискурсивной концепции Фуко, демонстрируя как власть, используя силу принуждения и производство нового знания, добивается реализации обоснованных и узаконенных ей самой норм»[5]. В настоящей работе в рамках теоретических под-

---

1 Schaanning E. Fortiden i v re hender: Foucault som vitensh ndtør. Bd. 2. Oslo, 2000. S. 444–447.

2 Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 287–289.

3 Nilsson R. Foucault: en introduktion. Malm , 2008. S. 83–91.

4 Schaanning. Fortiden i v re hender: Foucault som vitensh ndtør. Bd. 1. 2000. S. 357–360.

5 Engelstein L. Combined underdevelopment: discipline and the law in imperial and Soviet Russia // Foucault and the writing of history / ed. by J. Goldstein. Oxford; Cambridge, 1994. P. 225.

ходов Фуко и Мелуччи анализируется технология сталинского государства по принудительной нормализации шведских колонистов Украины в целях переориентации их коллективной идентичности. В центре исследования – как изучение методов принудительной нормализации, так и исследование стратегии коллективного сопротивления шведских крестьян.

Практические вопросы и структура работы

Рассматриваемый в книге отрезок времени охватывает период политического могущества Иосифа Сталина, начиная с его назначения на пост генерального секретаря партии в 1922 г. до кончины в 1953 г. Четыре основные главы книги соответствуют четырем проектам советской власти по принудительной нормализации шведских колонистов. Первая глава посвящена эксперименту по коренизации новороссийских шведов, вторая – международному коммунистическому проекту в Красно-шведской коммуне, третья – Большому террору и ликвидации национальных институтов шведского села, четвертая – депортации жителей села в Коми-Гулаг. Особый интерес представляет изучение стратегии сопротивления шведских колонистов, а также технология внедрения нового стандарта коллективной идентичности.

Обсуждение предыдущей историографии сведено в книге до минимума, и вышедшие ранее работы по истории Старошведской колонии указаны в ссылках на источники. Содержание каждой главы сопровождается иллюстрациями, многие из которых публикуются впервые. Кроме основного текста имеются два приложения. Первое посвящено старошведам – жертвам Большого террора. Большинство этих имен отсутствует в электронных базах данных, в частности, в крупнейшей базе «Жертвы политического террора в СССР», созданной правозащитной организацией Мемориал. Второе приложение представляет собой список сотрудников НКВД и прокуратуры, ответственных за организацию Большого террора в селе Старошведское. Несмотря на то что список является неполным (из-за специфики следственной документации НКВД отсутствуют личные имена ряда сотрудников), автор считает принципиально важным публикацию данного приложения.

Жители Старошведской колонии упоминаются в источниках на русском, украинском, шведском и других языках как «старошведы», «шведские поселенцы», «шведы-колонисты» и т. п. Как правило, имена старошведов переданы в источниках на восточнославянских языках в искаженной (русифицированной или украинизированной) форме. Во избежание разночтений и искажений в книге принята транскрипция собственных имен шведских колонистов со шведского языка на

русский язык в соответствии с современной практикой такой транскрипции. Источником шведского (родного для колонистов) варианта имен служат метрические книги Старошведского лютеранского прихода и оформленные в 1929 г. на всех жителей колонии заграничные паспорта с визой в Швецию. Географические названия населенных пунктов Швеции, Украины и других стран передаются согласно литературным нормам современного русского языка. Имена граждан Швеции и других зарубежных стран приводятся в тексте (или в примечании) в транскрипции на русском языке и в оригинале.

Использованные в монографии сокращения основаны на практике современного русского языка. Исключение сделано для сокращенного обозначения органов власти и учреждений современной Украины и органов местной власти УССР, не имеющих официального эквивалента в русском языке и существующих только на украинском языке.

Согласно всесоюзной переписи 1926 г., практически все взрослое население села Старошведское было грамотным и владело шведским и русским языками. В переписке со Швецией колонисты использовали, как правило, шведский язык. В переписке с советской властью – русский (иногда с незначительными вкраплениями украинских фраз). Перевод всех использованных в этой работе цитат и документов со шведского, украинского, английского и других языков на русский язык сделан мной, и ответственность за точность перевода несет исключительно автор этих строк.

ГЛАВА 1. СТАРОШВЕДСКОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СТАРОШВЕДСЬКЕ: ИЗ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Мы не шли походом на Украину с завоевательной целью, мы шли освободить ее. Мы полегли костьми, не добившись цели, но наша кровь недаром пролилась, наши идеи о великой свободной Украине не были убиты грохотом пушек и пулями Петра, они были восприняты украинским народом...

Украина, раздавленная под сапогом Петра и его приемников, не могла отблагодарить нас за пролитую кровь и добрую волю, она могла только предоставить нам место вечного упокоения.

Из коллективного заявления жителей
Старошведского сельсовета правительству
УССР. 17 октября 1928 г.

1.1. Новый исторический канон и видение будущего

Взгляд советской власти на прошлое и будущее шведского меньшинства отражен в ряде официальных документов, предназначенных в первую очередь непосредственным исполнителям программы национального строительства – сотрудникам госаппарата и партийных органов. Советская концепция национальной политики 1920-х гг. формировалась на основе новой интерпретации истории. Ключевую роль играло противопоставление Российской империи и СССР. «Тюрьма народов» – этой известной характеристикой Ленин определял положение этнических меньшинств в империи Николая II[1]. Ав-

[1] Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 25. С. 66. Речь была написана Лениным в 1914 г. для выступления в IV Государственной думе украинского большевика, депутата от Екатеринославской губернии Г. И. Петровского.

тономия Великого княжества Финляндского и царства Польского, привилегированное положение иностранных поселенцев, свобода национальных объединений после манифеста октября 1905 г. не принимались партией большевиков во внимание.

В официальных документах УССР 1920-х гг. дореволюционная Украина рассматривалась как колония, в которой «капиталисты царской России проводили хищническую политику угнетения народов и разжигания конфликтов». В результате, по мнению украинских коммунистов, произошла «насильственная задержка культурного развития» как украинцев, так и национальных меньшинств республики. Революция 1917 г. «превратила Украину из когда-то царской колонии в независимую, равную среди равных республику»[1]. Украинские большевики считали, что признание важности национального вопроса «стало одним из факторов триумфальной победы советской власти на Украине»[2]. Поэтому такие понятия, как «равноправие всех народов» и «освобождение наций», стали ключевыми терминами советской политики на Украине.

Негативная оценка роли царской России была характерна и для национальной концепции украинской истории, получившей в 1920-х гг. официальное признание. В публичном дискурсе советской Украины такие выдающиеся деятели российской истории, как Петр I и Екатерина Великая, превратились в отрицательных персонажей. Забегая вперед, отметим, что смена исторического канона была быстро адаптирована старошведской общиной. В коллективных обращениях колонистов место «матушки Руси» заняла «мати Україна». Обращаясь к новой власти, старошведы подчеркивали вклад шведских солдат Карла XII в борьбе за освобождение гетманской Украины от власти Петра I. Колонисты не жалели черных красок и для Екатерины II, утверждая, что они, как и украинцы, являются «жертвами царизма, сосланными императрицей, чтобы исчезнуть с лица земли»[3].

Важным элементом советской концепции будущего страны стало противопоставление СССР остальным государствам мира. В интерпретации большевиков Октябрьская революция символизировала конец буржуазной истории. Первое в истории социалистическое государство было призвано показать всему миру пример окончательного решения национального вопроса. Ленинская национальная поли-

---

[1] Радянське будівництво серед нацменшостей УСРР (Тези доповіді А. Буценка на IV Сесії ВУЦВК). Харків, 1928. С. 3.

[2] Ukraine: A short sketch of economical, cultural and social constructive work of the Ukrainian socialist soviet republic. Charkiv, 1929. P. 70.

[3] Коник Ю. О. Реемiграція шведського населення Херсонського округу в 1929 р. За докуметами державного архіву Херсонської області // Південний архів. Історичні науки. Вип. 9. Херсон, 2002. С. 62–64.

тика сорвала планы «украинской буржуазной и националистической интеллигенции, которая пряталась под национальный флаг, используя национальный вопрос как карту»[1]. Большевики отрицали характерное для большинства национальных государств того времени устройство, предполагающее доминирование в обществе титульной нации и дискриминацию лишенных автономии малых народов[2]. Альтернативой национализму стала ленинская концепция «самоопределения и равноправия наций». Положительным примером такого «самоопределения наций» была для вождя социал-демократическая Скандинавия:

> Известно, что в 1905 году Норвегия отделилась от Швеции вопреки горячим протестам шведских помещиков, грозивших войной. К счастью, в Швеции крепостники не всесильны, как в России, и войны не вышло. Норвегия, имея меньшинство населения, мирно отделилась от Швеции, демократически, культурно, а не так, как хотелось крепостникам и военной партии. Что же? Проиграл ли народ? Проиграли ли интересы культуры? Или интересы демократии? Интересы рабочего класса от такого отделения? Нисколько, и Норвегия, и Швеция принадлежат к числу несравненно более культурных стран, чем Россия, между прочим, именно потому, что они сумели демократически применить формулу «политического самоопределения» наций[3].

Формула «политического самоопределения наций» стала идеологическим обоснованием для создания УССР. Пограничное положение республики придавало национальной политике местных большевиков международный аспект[4]. Как отмечал на всеукраинском совещании по работе среди национальных меньшинств Панас Буценко, «к нашей национальной политике присматриваются сотни миллионов трудящихся Востока и миллионные массы Запада»[5]. Советская власть обращала пристальное внимание на положение национальных меньшинств в соседних Финляндии, Латвии и Польше, государствах, возникших, как и СССР, в результате распада Россий-

[1] Ukraine: A short sketch of economical, cultural and social constructive work of the Ukrainian socialist soviet republic. Charkiv, 1929. P. 70.

[2] Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 25. С. 257–320.

[3] Цит. по: К вопросу о национальной политике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 25. С. 69.

[4] Mace J. E. Communism and the dilemmas of national liberation: national communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Harvard, 1983. P. 215.

[5] Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8–11 января 1927 г. Стенографический отчет. Харьков, 1927. С. 7.

ской империи[1]. Так, украинизация должна была продемонстрировать украинцам Польши успехи ленинской национальной политики. Создание в УССР польских национальных районов противопоставлялось дискриминации прав украинского меньшинства в Польше[2]. Харьковское правительство заявляло: «...мы не украинизируем поляков, как польская шляхта, которая полонизирует украинское население. Наша цель – полное национальное равноправие и свободное развитие всех народностей»[3]. На этом фоне обеспечение прав шведского меньшинства в СССР приобретало важное политическое значение. Создание шведского национального совета противопоставлялось дискриминации шведов в Финляндии, где, по словам одного из авторов украинской этнополитики, «национальные меньшинства находятся под ужасающим гнетом»[4].

Важную роль в новой национальной политике играла идея Карла Маркса о мировой революции[5]. В 1922 г. из названия страны исчезает этническая составляющая. Партия переходит от строительства Советской России к созданию наднационального Союза Советских Социалистических республик. Интернациональное устройство страны должно было стать образцом будущего «Всемирного Советского Союза» – всепланетного транснационального объединения трудящихся. В этой связи Карельская АССР, финские национальные районы Ленинградской области, норвежский национальный совет Мурманского округа и, наконец, шведский национальный совет рассматривались властью как «Пьемонт» советской Скандинавии[6]. По этой причине в Ка-

---

[1] Радянське будівництво серед нацменшостей УСРР (Тези доповіді А. Буценка на IV Сесії ВУЦВК). Харків, 1928. С. 4–5.

[2] Калакура О. Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України у XX ст. Київ, 2007.

[3] Якубова Л. Д. Національне адміністративно-територіальне будівництво в УСРР (20-ті – перша половина 30-х рр. XX ст.) // Проблеми Історії України. Вип. 12. Київ, 2004. С. 205.

[4] Глинский А. Б. Национальные меньшинства на Украине. Харьков, 1931. С. 5, 31; Глинський А. Досягнення і хиби в роботі серед національних меншостей. Харків, 1931. С. 4–5, 29; Под национальными меньшинствами Финляндии подразумевались саамы и шведы. Финские саамы были лишены основных национальных прав до 1970-х гг. См.: Nyyss nen J. «Everybody recognized that we were not white»: Sami identity politics in Finland, 1945–1990. Tromsø, 2007. В 1920–1930-х гг. ряд политических партий Финляндии поддерживал политику финнизации страны (fennomania), целью которой было ограничение сферы использования шведского языка. См.: Hämäläinen P. K. Nationalitetskampen och spr kstriden i Finland 1917–1939. Helsingfors, 1969.

[5] Калакура О. Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України. С. 165–175.

[6] Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 8–9, 50–51.

релии внедрялся мало понятный для населения финский язык[1]. На Украине грекам-эллинам Мариупольского округа было предложено изучать непонятный для них новогреческий язык – «язык коммунистической партии Греции»[2]. Руководство Херсонского округа сделало ставку на развитие в деревне литературного шведского языка, а не народного шведского диалекта. Украинская ССР должна была стать микромоделью мировой Советской Социалистической республики[3].

Согласно плану коренизации, национальная политика на Украине должна была осуществляться по двум направлениям: «украинизация» и «нацменизация». Главной целью украинизации (фактически дерусификации) было вытеснение русского языка из общественной жизни республики. Политика украинизации была нацелена прежде всего на этнических украинцев. Речь открыто велась об историческом реванше, поскольку ранее «царская политика была направлена на ликвидацию украинской культуры и языка»[4]. В рамках украинизации предполагалось, что национальные меньшинства откажутся от использования русского языка в публичной сфере и овладеют, наряду с родным говором, украинским языком[5].

Целью «нацменизация» была поддержка национальных прав меньшинств. Ряд этнических групп Украины (греки, чехи, болгары, ассирийцы, албанцы) не имели в Российской империи своих институтов и подвергались русификации. Обеспечение их прав означало претворение в жизнь государственной программы по созданию практически с нуля многих национальных институтов: литературного языка, школы, административной автономии, печати. Привлекая для решения этой задачи крупные человеческие и материальные ресурсы, большевики рассчитывали на ответную лояльность этих народов к новой власти. Власть предполагала, что школьное обучение и пропаганда на родном языке будут способствовать вовлечению на-

---

[1] Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950 годы / под ред. Т. Вихавайнен и И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

[2] Якубова Л. Д. Мовна проблема та її вплив на етнокультурне життя українських греків (середина 20-х – 30-і рр. ХХ ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 2. С. 121–132; № 4. С. 82–90.

[3] Радянське будівництво серед нацменшостей УСРР (Тези доповіді А. Буценка на IV Сесії ВУЦВК). Харків, 1928. С. 3.

[4] Ukraine: A short sketch of economical, cultural and social constructive work of the Ukrainian socialist soviet republic. Charkiv, 1929. P. 70.

[5] Німці в Україні 20–30-ти рр. ХХ ст. Збірник документів / кер. кол. упоряд. Л. В. Яковлева. Київ, 1994. С. 6–10.

циональных групп сельского населения в процесс социалистического строительства. Однако в отличие от других малых народов шведы Украины создали собственные национальные институты еще в период Российской империи. Последнее означало, что лозунги советской национальной политики изначально являлись малопривлекательными для шведского меньшинства.

1.2. Новый административный, экономический и культурно-лингвистический ландшафт

Основной политический актор

Выполняя решения XII съезда партии, взявшего курс на поддержку национальных меньшинств, в советской Украине в 1924 г. был создан специальный государственный орган с правом законодательной инициативы – Центральная комиссия национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК[1]. Руководство УССР считало, что новая национальная политика станет мощным орудием против национализма и преодолеет недоверие колонистов к советской власти. В годы Гражданской войны на Украине представители «западных» национальных меньшинств не поддержали большевиков. Теперь власть рассчитывала, что политика коренизации приведет к росту лояльности национальных меньшинств к советскому строю. Украинские коммунисты осознавали, что в отличие от еврейского или польского меньшинства немцы и шведы относились к привилегированным группам царской России. Поэтому лозунги преодоления последствий дискриминации, антисемитизма и русификации в данном случае не работали. В отношении к этим группам населения предполагалось сосредоточиться на благоприятной экономической политике и пропаганде преимуществ советского образа жизни[2].

В состав ЦКНМ вошли представители крупнейших этнических групп республики. Первым руководителем комиссии стал русский большевик Михаил Иванович Лобанов. Кроме него в ЦКНМ вошли заместитель главы от польского населения Ян Саулевич; заместитель главы от еврейского населения А. А. Левин; заместитель главы от греческого населения Савва Георгиев Яли; заместитель главы от болгарского населения Серафим Иванович Мицев[3]. Координация политики среди шведского меньшинства была поручена заместителю

---

[1] Укр. – *Центральна комісія національних меншин.*

[2] Радянське будівництво серед нацменшостей УСРР (Тези доповіді А. Буценка на IV Сесії ВУЦВК). Харків, 1928. С. 3–9.

[3] Здесь и далее деятельность ЦКНМ УССР анализируется на основе исследования Л. Д. Якубовой: Якубова Л. Д. Центральна комісія національних меншин (ЦКНМ)

главы ЦКНМ от немецкого населения Иосифу Гафтелю, однако на практике инспекции в Старошведский сельсовет возглавлял Ян Саулевич. Кроме центрального органа были созданы отделения ЦКНМ на местах: губернские бюро по делам национальных меньшинств и окружные комиссии по делам национальных меньшинств. Первое заседание ЦКНМ 3 мая 1924 г. показало, что власть чрезвычайно мало знает о собственных национальных меньшинствах, и прежде чем создавать национальные районы и сельсоветы, необходимо собрать базовую информацию. Заместитель главы Ян Саулевич признавался, что сотрудники ЦКНМ «работали вначале ощупью, не было точных сведений о численности национальных меньшинств, районах их проживания на территории республики»[1]. Поэтому первоочередной задачей ЦКНМ стало определение этнической структуры населения УССР. Было принято решение о подготовке этнографической карты республики, выявление мест компактного проживания этнических меньшинств, обследование членами ЦКНМ национальных районов. Для изучения национальной политики в столичном Харькове был создан «кабинет национальных меньшинств Всеукраинской Академии наук» под руководством профессора чешского происхождения Евгения Рихлика, а также «кафедра по национальному вопросу при институте марксизма».

Новая национальная политика должна была, по мнению заместителя главы ЦКНМ высокопоставленного сотрудника ГПУ Яна Саулевича, иметь наступательный и творческий характер. Предложенный им проект «единого фронта национальных меньшинств» предполагал новое административное устройство республики, вывод национальных общин из-под традиционного влияния церкви, формирование из числа национальной молодежи комсомольского и партийного актива[2]. В конце 1924 г. были сформированы Одесское губернское бюро национальных меньшинств и Херсонская окружная комиссия национальных меньшинств. Одесское губернское бюро ЦКНМ состояло из трех сотрудников, представлявших интересы немецкого, болгарского и еврейского населения. Штат Херсонской окружной комиссии также состоял из трех работников, представлявших немецкое, еврейское

при ВУЦВК та її місцеві органи // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2005. № 14. С. 329–365.

[1] Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8–11 января 1927 г. Стенографический отчет. Харьков, 1927. С. 25.

[2] Калакура О. Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України. С. 175–179; Рубльов О. С. Ян Саулевич (1897–1937): біографія «хрещеного батька» Мархлевського району у контексті репресій 1930-х років // Історія України: Маловідомі імена, події, факти. Збірник статей. Вип. 34. Київ, 2007. С. 143–176.

и польское национальные меньшинства[1]. Перекос между масштабными задачами и скромными ресурсами стал главной проблемой в деятельности ЦКНМ. Колоссальная работа по координации национальной политики легла на плечи комиссии, насчитывающей в своих рядах по всей республике всего 140 человек.

Решение о создании ЦКНМ и ее региональных отделений застало врасплох местные органы власти. Руководство Херсонского округа не имело ясной картины этнической структуры подначального населения и не видело смысла в национальном размежевании края. Большинство партийного аппарата на местах рассматривало новую политику как временный политический маневр, необходимый для того, чтобы привлечь на свою сторону национальную деревню. Кроме того, национальные районы и национальные сельсоветы не выводились из системы местных органов власти, что не позволяло ЦКНМ руководить релизацией национальной политики на местах. На первом всеукраинском совещании по работе среди национальных меньшинств было отмечено существование на местном уровне серьезных проблем, констатировалось, что «решающий перелом в отношении местных органов власти к нацменработе еще не наступил»[2]. Национальную политику курировали, помимо ЦКНМ, различные органы государственной власти – от ГПУ до Наркомата просвещения УССР. Обычное для советской системы дублирование институтов и размытость ответственности не способствовали эффективности выполнения поставленных задач.

Земельная реформа

29 ноября 1922 г. был утвержден первый земельный кодекс УССР, предусматривающий перераспределение земли на принципах равенства между всеми членами крестьянской общины. В результате проведенной в следующем году земельной реформы земля шведской общины была поделена поровну между 950 жителями (из расчета 2,78 десятин земли на едока). В итоге 40 семей зажиточных колонистов, владевших в среднем по 60 десятин земли (65,5 га), серьезно пострадали, лишившись значительной части своих наделов. Им также было отказано в традиционной аренде земель бывшего православного Бизюкова монастыря, владения которого отошли государству соглас-

[1] Дізанова А. В. Политика коренизации у 20-х – 30-х рр. XX ст. (на матеріалах південного регіону України) // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Вип. 24. С. 10.

[2] Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8–11 января 1927 г. Стенографический отчет. Харьков, 1927. С. 41–47; Якубова Л. Д. Центральна комісія національних меншин. С. 348.

по декрету СНК УССР от 3 апреля 1920 г. «О национализации всех бывших казенных, удельных, монастырских, городских и помещичьих земель»[1]. Семьи бедняков и середняков, наоборот, выиграли от реформы, получив дополнительные наделы. Виктор Утас (1913 г. р.) вспоминал, что его семья, владевшая до реформы средним для села наделом в 30 десятин, получила в пользовании 33 десятины земли и была этим довольна[2]. Земельным кодексом 1922 г. ликвидировалась частная собственность на землю и запрещена ее купля-продажа. Таким образом, власть лишала зажиточные хозяйства колонистов возможностей для будущего экстенсивного развития. Кодексом также устанавливались четыре законных формы землепользования: товарищеская, общинная, участковая и смешанная[3]. Большинство шведов предпочли индивидуальное хозяйство, выбрав участковый вид землепользования. Некоторые богатые семьи, например семья Юхана Бускаса, владевшая мельницей и трактором, вынуждены были объединиться с родственниками, создав товарищескую форму землепользования. Эта форма труда стала популярной и среди бедняцких хозяйств села. В 1920 г. на Украине была созданы «комітети незаможних селян» (комитеты бедноты, КНС). В УССР (в отличие от РСФСР) комбеды просуществовали до 1933 г. Экономические задачи КНС заключались в поднятии уровня жизни беднейшего крестьянства. Власть делала откровенную ставку на бедняков, обеспечивая КНС бесплатным посевным фондом и выделяя лошадей для обработки полей[4]. 70 членов КНС шведского сельсовета получили от государства в бесплатную коллективную аренду 15 гектаров земли[5]. Таким образом, проведенная земельная реформа отражала классовую доктрину большевиков. Власть стремилась привлечь на свою сторону беднейшие слои крестьянства и спровоцировать в консолидированной общине херсонских шведов социальный конфликт.

Новый административно-территориальный ландшафт

В начале XX в. украинские земли Российской империи не имели специального статуса и входили в состав 12 губерний, которые в свою очередь разделялись на 102 уезда и 1989 волостей[6]. Реформа 1871 г.

---

1 Utas J. Op.cit. S. 165–167.

2 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 147.

3 Козырева М. Э. Немецкие районы Юга Украины как национальные административно-территориальные единицы 20–30-х гг. в оценках советского государства и немецкого населения // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 298–304.

4 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 32.

5 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 558. Л. 85–93.

6 Адміністративно-територіальний устрій України. Історія та сучасність. Київ, 2002.

по унификации административного деления Российской империи привела к упразднению Шведского колонистского округа и образованию на его месте Старошведской волости, вошедшей в состав Бериславского уезда Херсонской губернии. После ликвидации системы иностранных колоний Старошведское поселение все равно часто называлось колонией, а ее жители – колонистами[1]. Накануне октябрьского переворота в Старошведской волости проживало 5595 человек. Крупнейшим населенным пунктом волости был православный Григорьев Бизюков монастырь с селом, где проживало 910 человек. В административном центре волости колонии Старошведская проживало 718 человек. В состав волости входили также немецкие колонии Костырка (707 человек), Михайловка (460), Змиевка (401), украинское село Дреймаловка (280), еврейская колония Ново-Берислав (174) и около 20 хуторов[2].

В середине 1920-х гг. в УССР проживало более 29 миллионов человек. Национальные меньшинства составляли 20 % населения республики. На Украине проживало 40 % всех немцев СССР, из которых более 300 тысяч – в земледельческих колониях юга республики. Кроме немцев на Украине проживали также русские, евреи, поляки, молдаване, болгары, греки, чехи, белорусы, татары, албанцы и шведы. Тем не менее первая советская административно-территориальная реформа 1923 г. полностью проигнорировала этнический принцип. В ходе реформы на смену трехзначной имперской системе «губерния – уезд – волость» пришла советская четырехзначная схема «губерния – округ – район – совет». В итоге территория УССР была разделена – без учета национальной специфики – на 9 губерний, 530 округов и 706 районов[3]. В 1925 г. губернии были ликвидированы, окружная система просуществовала до сентября 1930 г.

В ходе реформы 1923 г. был создан «Старошведский сельский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», вошедший в состав Бериславского района Херсонского округа Одесской губернии. Кроме шведской колонии в сельсовет вошли два немецких села: Костырка (*Klosterdorf*) и Михайловка (*Mühlhausendorf*), а также населенные украинцами поселок Куцая Балка и совхоз Червонный Маяк (бывший Бизюков монастырь)[4]. Часть территории Старошведской волости вошла в новый Дреймаловский сельсовет,

[1] Немцы Херсонщины. Аннотированный перечень дел Государственного архива Херсонской области (1919–1930) / ред. А. Карпова, А. Шинкаренко. Одесса, 2002. С. 3.

[2] Список населенных мест Херсонской губернии. Александрия, 1917. С. 126–127.

[3] Материалы по районированию Украины. Низовое районирование на 1 января 1924 г. Харьков, 1924.

[4] Отчет Херсонского окружного исполнительного комитета советов за 1922–1923 гг. Херсон, 1923. С. 233–235.

в составе которого кроме украинского села Дреймаловка оказались еврейская колония Ново-Берислав и немецкая колония Шлангендорф (*Schlangendorf*). Таким образом, Старошведское село сохранило административный статус центра сельсовета и историческое название. Соседние немецкие колонии были переименованы в ходе Первой мировой войны и получили новые, славянские названия. Советская власть не стала отменять решение 1915 г. и сохранила в качестве официальных славянские названия немецких колоний. Причиной этого было, вероятно, то, что немецкие названия на географической карте Одесской области ассоциировались с австрийской оккупацией 1918 г. Характерно, что ни одна из трех крупных немецких колоний не стала центром сельсовета. Кроме немецкого католического села Костырка в состав Старошведского сельсовета вошла также немецкая лютеранская колония Михайловка, с жителями которой шведы конфликтовали в течение многих лет.

Через год, в 1924 г., началась очередная административно-территориальная реформа, основанная на новой национальной доктрине большевиков. В ходе ее реализации была заново перекроена карта советской Украины: на территории республики были созданы Молдавская АССР, 25 национальных (русских, немецких, польских, болгарских, еврейских и греческих) районов и 1007 национальных сельских советов (10 % всех сельсоветов республики)[1]. Масштабный проект по созданию в республике национальных автономий подогревался надеждами на мировую революцию. Нарком просвещения Украины и видный деятель Коминтерна Микола Скрипник объяснял причины создания национальных районов и сельсоветов следующим образом:

> Небольшая ячейка любого народа, освобожденная в результате борьбы трудящихся, станет основой освободительного национального движения целых народов <...> и будет примером освобождения трудящихся для целого народа большой страны, а может, и всего мира[2].

Предложенный властью рецепт «окончательного решения национального вопроса» исходил из идеи придать местным органам власти этнический характер и, как следствие, привлечь изолированные группы бывших иностранных колонистов к строительству социализ-

[1] Ukraine: A short sketch of economical, cultural and social constructive work of the Ukrainian socialist soviet republic. Charkiv, 1929. P. 74.

[2] Якубова Л. Д. Національне адміністративно-територіальне будівництво в УСРР (20-ті – перша половина 30-х рр. XX ст.) // Проблеми Історії України. Вип. 12. Київ, 2004. С. 176–177.

ма[1]. Старт новой реформе был дан постановлением СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и советов». Постановление содержало важное для херсонских шведов положение. Минимальное количество компактного национального меньшинства, необходимого для создания собственного совета, было снижено с 1000 до 500 человек:

> С целью приближения советской власти к населению в срочном порядке произвести работу по расширению сети сельсоветов путем отделения всех населенных пунктов, которые имеют 1000 и больше жителей, а для национальных меньшинств – 500 жителей[2].

Данный шаг означал «зеленый свет» созданию отдельного шведского национального совета. Работу по определению границ компактного проживания этнических меньшинств и выделению новых национальных административно-территориальных единиц вела Центральная административно-территориальная комиссия при ВУЦИК.

На момент проведения реформы площадь Херсонского округа составляла 19 365 квадратных километров. На территории округа находилось 1032 населенных пункта, в которых проживало 565 865 человек, из них 476 137 человек (84 % населения) – в сельской местности. 77,4 % населения округа составляли этнические украинцы, 11,9 % – русские, 6,5 % – евреи, и 2,7 % – немцы. В Бериславском районе, входившем в состав округа, проживало 30 285 человек, из них 75 % – в сельской местности. Шведы составляли 4 % сельского населения Бериславского района[3]. В ходе административно-территориальной реформы, получившей название «национального районирования», территория Бериславского района претерпела серьезные изменения. В 1924–1928 гг. на месте бывшей шведской волости было образовано пять независимых национальных сельсоветов: шведский национальный сельсовет, три национальных немецких сельсовета и еврейский национальный сельсовет. Часть Бериславского района была передана в состав созданного национального еврейского района с центром в селе Большая Сейдеменуха (с 1927 г. – Калининдорф). В состав еврейского района вошли соседние со швед-

---

[1] Козирева М. Е. Особливості впровадження політики коренізації в німецьких районах України в 20–30-х рр. // Вопросы германской истории. Т. 1. Дніпропетровськ, 1998. С. 136–142.

[2] Цит. по: Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине. Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 70.

[3] Расчет сделан на основе данных всесоюзной переписи населения 1926 г.: Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Статистика України. Серія 1. Демографія. Т. 5. Вип. 2. Харьків, 1928.

ской колонией поселения Львово и Агротехникум им. Яковлева[1]. Население созданного в 1926 г. шведского национального совета составило 1100 человек, из которых 900 человек (81,8 % населения) были шведами. Подводя итоги реформы, ЦКНМ с гордостью рапортовала о стопроцентном охвате шведского национального меньшинства республики сельскими советами[2].

В 1924 г. было принято решение об основании в границах шведского сельсовета двух новых населенных пунктов: поселков Ново-Шведский (Nysvenskby) и Шведская поляна. Новые поселения создавались на национализированных государством землях и были рассчитаны на молодое поколение колонистов. Поселок Ново-Шведский возводился по типовому плану социалистической деревни, аграрной версии популярного в то время проекта социалистического города[3]. Принципы социалистического планирования включали единый («справедливый») жилищный стандарт, минимализм и систематичность застройки, высокий уровень общественной гигиены. Власть стремилась привлечь на свою сторону молодое поколение колонистов, показав ему преимущества советского образа жизни. Шведский эксперимент не был уникальным, соседние немецкие колонии – Змиевка (Грюнфельд), Костырка (Ново-Костырка) и Михайловка (Ново-Михайловка) – также получили свои социалистические спутники[4]. Ново-Шведский поселок был построен за два года, в 17 км западнее материнской колонии[5]. Деревня состояла из двух широких улиц, сходящихся в центре, где были возведены школа и административное здание. Все дома деревни имели одинаковую планировку и равную жилую площадь. Хозяйственные постройки включали туалет. Благодаря пробитой артезианской скважине поселок получил систему коллективного водоснабжения, на улицах были установлены колонки. В новое село добровольно переехали 53 семьи молодых и неженатых крестьян, а также 3 семьи, выехавшие в начале XX в. по переселенческой программе в Сибирь и воз-

---

[1] Пасик Я. Калининдорфский еврейский национальный район. URL: http://www.evkol.nm.ru/kalinindorf.htm; Фельдман Д. З., Панов Д. А. Бурные годы «Тихого поля» в Новороссии: Два века еврейской колонии Сейдеменуха. Историко-генеалогическое исследование. М., 2009.

[2] Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 20–21.

[3] См.: Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2011.

[4] Список залюднених місць Херсоньской округи на 1 січня 1928 р. Херсон, 1928.

[5] Открытие поселка Шведская поляна не состоялось из-за массовой эмиграции его жителей в Швецию.

вратившиеся на родину спустя 20 лет[1]. В 1926 г. шведский сельсовет посетил правый шведский политик и журналист, выходец из крестьянской семьи Пер Вильгельм Аннер[2]. Описание Ново-Шведского поселка относится к наиболее позитивным впечатлениям шведа о поездке в СССР. Аннер отметил, что дома нового села были построены самими жителями, однако все работы осуществлялись по единому плану и под контролем начальника строительства. Шведский журналист оценил наличие в селе системы водоснабжения, дамбы для орошения полей, продуманную планировку улиц. Не вызвал нареканий буржуазного политика и спартанский стандарт социалистического жилища:

> Это, конечно, был не замок или вилла, а скромный одноэтажный дом с толстыми и солидными стенами из глины и соломы. Мы зашли в пару домов. Тесновато, но красиво, чисто и уютно. В домах крестьян имеются швейные машинки, простая мебель и утварь[3].

В 1927 г. в поселке Ново-Шведский проживало 212 жителей, в то время как население Старошведского уменьшилось до 692 человек[4]. Жители нового поселка были освобождены на 10 лет от уплаты налогов, получили отсрочку от военной службы. Этот проект существенно улучшил взаимоотношения шведской общины и новой власти[5].

Таким образом, с одной стороны, административные реформы 1920-х гг. полностью разрушили исторически сложившуюся территориальную и социально-экономическую систему Старошведской волости. С другой стороны, создание национального сельсовета способствовало этнической консолидации шведской общины и создавало возможности для организации легального коллективного сопротивления от имени местного органа власти.

Новый культурно-лингвистический ландшафт

Перепись населения 1926 г. показала, что практически все взрослое шведское население УССР (741 человек) было грамотным. 482 человека владели в письменной форме двумя языками: шведским и русским. 10 шведов указали, что кроме родного языка они могли читать и писать на немецком языке. Хуже всего обстояло дело с украинским

1 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 148–151.

2 Пер Вильгельм Аннер (Per Wilhelm Ann r) (1886–1968) – известный шведский журналист и политик. Главный редактор газеты «Jämtlands Tidning», депутат парламента Швеции в 1937–1940 гг.

3 Ann r W. H rt och sett i Sovjet-Ryssland. Stockholm, 1926. S. 163–166.

4 ДАХО. Ф. 306. Оп. 17. Д. 331.

5 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 16.

языком. Только три шведа заявили, что владеют украинским языком[1]. Результаты переписи отражали культурно-лингвистическую ситуацию, сложившуюся в Российской империи. До 1917 г. херсонские шведы жили в империи Романовых – огромном государстве, где в делопроизводстве наряду с русским использовался и шведский язык. Многонациональная империя со столицей в Санкт-Петербурге, включавшая в свой состав Великое княжество Финляндское, Карелию и Кольский полуостров, имела значительное скандинавское меньшинство и в некотором смысле была развернута в сторону Скандинавии[2]. Шведские компании активно работали на территории России[3]. Мать последнего русского царя Мария Федоровна (*Dagmar af Danmark*) была урожденной датской принцессой[4]. Сам Николай II неоднократно посещал скандинавские страны и владел датским языком[5]. Одним словом, несмотря на статус иностранных колонистов, херсонские шведы не были иностранцами в империи Романовых. Победа большевиков привела к тому, что шведская колония оказалась в границах советской Украины – республики, не связанной с Северной Европой и проводившей в 1920-х гг. под руководством собственного Политбюро политику украинизации населения. Новая политическая реальность поставила херсонских шведов в сложное положение поиска путей взаимодействия с новой властью.

---

[1] Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Статистика України. Серія 1. Демографія. Т. 5. Вип. 2. Харьків, 1928. Таблица 9. «Письменність найчисленніших національностей». Показатель грамотности среди шведов был одним из самых высоких в республике. Для сравнения: только 48,9 % украинцев и 30,7 % молдаван УССР были грамотными.

[2] См.: Sohn O. De drog mod Øst: danskeres udvandring til Rusland og Sibirien 1864 til 1919. København, 2002; Шведы на берегах Невы / сост. А. Кобак и С. К. Эммрих. Стокгольм, 1998; Янгфелдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003; Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008; Йентофт М. Оставшиеся без Родины: история Кольских норвежцев / под ред. А. А. Киселева. Мурманск, 2002.

[3] Bj rklund J. From the Gulf of Bothnia to the White Sea: Swedish direct investments in the sawmill industry of Tsarist Russia // The Scandinavian economic history review. 1984. № 32. P. 17–41; Johansson A. Swedish enterprise and immigrants in the Baltic region of imperial Russia // The Baltic countries 1900–1914: proceedings from the 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia, Stockholm, 1990. P. 245–261; idem. Swedish branch factories in imperial Russia, 1885–1917 // Imperial power and development: papers on pre-revolutionary Russian history: selected papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies / ed. by D. K. Rowney. Ohio: Columbus, 1990. P. 151–174.

[4] В честь императрицы Марии Федоровны был назван основанный в 1861 г. самый западный город российского государства Мариехамн – административный центр Аландских островов, большинство населения которого составляют шведы.

[5] Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2010.

Запланированная украинизация госаппарата УССР должна была завершиться к 1 января 1926 г.[1] Предполагалось, что к этому времени все национальные районы и советы перейдут на использование в деловой переписке родного языка. В мае 1926 г. было принято постановление СНК УССР «Об обеспечении районов преимущественно населенных национальными меньшинствами специалистами и квалифицированными работниками, которые знают языки национальных меньшинств»[2]. Учитывая важность заявленной задачи, таких сотрудников в виде исключения освобождали от обязательного знания украинского языка. Согласно декрету СНК УССР от 6 июля 1927 г. «О равноправии языков и о содействии развитию украинской культуры», в национальных районах государственные органы должны были использовать язык этнической группы[3]. Однако на практике все выглядело несколько иначе. Власти Бериславского района и Херсонского округа осуществляли переписку со шведским сельсоветом на украинском языке. В то же время шведский сельсовет вел делопроизводство и отвечал на запросы вышестоящей власти исключительно на русском языке[4]. Такая ситуация была типичной для многих национальных советов Украины, сохранивших в делопроизводстве, несмотря на коренизацию, русский язык[5].

Выступая на первом всеукраинском совещании по работе среди национальных меньшинств, заместитель главы ЦКНМ от немецкого населения Иосиф Гафтель призвал государственный аппарат отказаться от идеи форсированной украинизации национальных районов, а наоборот приспособить советские учреждения к обслуживанию населения на родном языке[6]. Во многих сферах национальной политики были достигнуты (если верить советской статистике) впечатляющие успехи. В 1929 г. на языках национальных меньшинств

---

[1] Дізанова А. В. Политика коренизации у 20–30-х рр. XX ст. (на матеріалах південного регіону України) // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Вип. 24. С. 8–11.

[2] Козорог С. Б. Грецькі національні райони на півдні України у 20–30-ті роки: проблема створення та ліквідації // Південна Україна. Вип. 1. 1998. С. 195.

[3] Чирко Б. Национальные немецкие районы и сельские советы // Немцы Украины. Материалы к энциклопедии. Вып. 7. М., 2002. С. 160–163.

[4] В том числе по причине полного непонимания шведского языка работниками вышестоящих органов и отсутствия в сельсовете печатной машинки с латинским шрифтом.

[5] Козирева М. Е. Особливості впровадження політики коренізації в німецьких районах України в 20–30-х рр. // Вопросы германской истории. Т. 1. Дніпропетровськ, 1998. С. 139.

[6] Первое всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8–11 января 1927 г. Стенографический отчет. Харьков, 1927. С. 128, 174.

Украины издавалось 309 наименований газет и журналов. На языках нацменьшинств были опубликованы конституции СССР и УССР, другие законы. 62,5 % отделений милиции в немецких районах функционировали в 1929 г. на немецком языке[1]. Для открытия единственной на Украине корейской школы в Харькове были выписаны учителя из Владивостока. В 1925 г. ВУЦИК обязал почтовые отделения республики обеспечить прием телеграмм на национальных языках, написанных латинским шрифтом.

В ходе политики коренизации в Херсонском округе было создано 90 немецких школ, 88 еврейских, 10 польских, 2 шведских и одна армянская школа. В округе были также открыты национальные детские дома[2]. Всего на 1929 г. на Украине действовало 786 еврейских, 628 немецких, 381 польских, 74 болгарских, 16 греческих, 15 чешских, 10 армянских, 10 татарских и 2 шведские школы[3]. По своим масштабам национальная программа школьного образования не имела прецедентов в мировой истории. Наиболее сложной задачей было обеспечение национальных прав малых по численности народов. Не хватало учителей, отсутствовала учебная литература. Населения в местах компактного проживания малых народов не хватало для открытия национальных школ. Поэтому по инициативе ЦКНМ для национальной школы была снижена норма минимального количества учеников в классе[4]. Это позволило в 1926 г. открыть вторую шведскую школу в поселке Ново-Шведский.

Декретом СНК УССР от 21 сентября 1921 г. предполагалось введение во всех школах республики украинского языка[5]. Однако постановлением СНК УССР № 42/242 от 27 июля 1923 г. школы, в которых преподавание велось на родном языке одного из нацменьшинств, освобождались от обязательного изучения украинского языка и получили право самостоятельного выбора второго языка преподавания (русский или украинский). В итоге шведская школа сохранила изучение русского языка. Связано это было с более высоким статусом русского языка, а также с отсутствием в колонии квалифицированных учителей украинского языка. Таким образом, изменений в языковой ситуации не произошло. Как и в царское время, препода-

---

[1] Глинский А. Б. Национальные меньшинства на Украине. Харьков, 1931. С. 40–67.

[2] Москаленко В. Были ли на Херсонщине школы нацменьшинств // Взгляд. Херсон. 14.07.2005.

[3] Глинский А. Б. Национальные меньшинства на Украине. Харьков, 1931. С. 61.

[4] Weinstein H. R. Language and Education in Soviet Ukraine. P. 136.

[5] Здесь и далее используется перечень законов и подзаконных актов УССР в сфере национальной политики, опубликованный в приложении к изданию: Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927.

вание в шведской школе велось на шведском и русском языках. Статус украинского языка в национальных районах оставался низким. Политика украинизации терпела фиаско. Сложившаяся ситуация безусловно волновала украинских национал-коммунистов. Руководство республики оказывало поддержку национальным школам и не форсировало их украинизацию в надежде на общее снижение доли русскоязычного населения. Один из авторов политики коренизации нарком Микола Скрипник возмущался ситуацией в районах проживания греков, где только 26,5 % школ функционировало на родном языке, 1 % – на украинском, и 72,5 % – на русском языке. По мнению Скрипника, это означало, что «на 12-м году пролетарской диктатуры мы имеем позорный показатель, $^{3}/_{4}$ греческих детей учатся не на своем родном языке, наоборот, у нас проводится их денационализации и русификация»[1]. Поэтому 26 октября 1926 г. Наркомат просвещения УССР принимает решение об обязательном изучении в национальных школах, наряду с родным и русским языками, украинского языка. Для шведской общины новое решение советской власти означало переход к очередному лингвистическому стандарту. Предполагалось, что за годы обучения в начальной школе молодое поколение старошведов овладеет сразу тремя языками. На практике авантюрная политика обернулась психологическим стрессом для детей. Ученики начальной школы, родным языком которых был древний шведский диалект, вынуждены были одновременно изучать три литературных языка: шведский, русский и украинский. Те, кто стремился продолжить образование, переходили в семилетнюю школу соседнего села Змиевка, где основным языком преподавания был немецкий. Отсутствия в стране средней шведской школы (в царской России такие школы существовали) снижало авторитет национальной политики советской власти.

В 1926 г. ВУЦИК принял решение обеспечить все школы национальных меньшинств республики бесплатными учебниками на родном языке[2]. Наркоматом просвещения был разработан «План подготовки комплекта учебников для школ нацменьшинств». Для издания литературы на языках национальных меньшинств 25 июня 1926 г. в Харькове было образовано издательство «Укрдержнацменвидав» – филиал центрального издательства народов СССР. За 5 лет работы республиканское издательство подготовило и выпустило учебники на 15 языках. Среди них учебник по литературе на немецком, идише, польском, чешском, латышском и эстонском языках. Были подготов-

[1] Козорог С. Б. Грецькі національні райони на півдні України. С. 195.

[2] Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 73.

лены и изданы учебники для трех ассирийских школ[1]. При этом интересы шведской школы игнорировались. Власть спохватилась только после решения старошведов эмигрировать на историческую родину. «Рада у справах просвіти національних меншин»* Наркомата просвещения УССР обратилась в августе 1928 г. с просьбой к посольству СССР в Стокгольме:

> На Украине проживает небольшая группа шведов, которые сконцентрированы в 2 колониях. Поскольку они сохранили свой язык, Наркомос стремиться обеспечить их культурные потребности на родном языке, для чего существуют 2 школы, в которых обучается около 200 детей... Работа среди этих колоний усложняется отсутствием учебной и другой литературы. Издавать в Украине шведскую литературу невозможно и нецелесообразно в связи с невысоким спросом на эту литературу, поэтому мы вынуждены покупать подобную литературу за рубежом. Просим Вас прислать нам пока списки учебников, художественной литературы, познавательной, научно-популярной и политпросветительской, а также периодики, которая, по Вашему мнению, отвечает условиям работы в наших советских школах и политпросветучреждениях, а также выяснить условия ее приобретения[2].

Таким образом, вплоть до 1929 г. шведская школа не была обеспечена советскими учебниками на родном языке. Призванная «преодолеть недоверие» между новой властью и шведскими колонистами политика нацменизации провалилась. С одной стороны, власть пошла на предоставление шведам административной автономии, с другой – заявленная поддержка развития родной культуры расходилась с реальностью. Одних лозунгов было недостаточно. Шведские колонисты принадлежали к привилегированной группе населения Российской империи. Правительству Украины не удалось убедить колонистское население в преимуществах советской политики, что и послужило почвой для роста эмигрантских настроений.

1.3. Создание новой социальной иерархии и гендерная политика

Как отмечалось выше, в Российской империи шведское поселение Херсонской губернии являлось административным центром Старошведской волости (до 1871 г. Шведского колонистского округа). Несмотря на название, длительное время выборные посты в волостной

---

[1] Глинский А. Б. Национальные меньшинства на Украине. Харьков, 1931; Глинський А. Досягнення і хиби в роботі серед національних меншостей. Харків, 1931.

* Совет по вопросам просвещения национальных меньшинств (*укр.*). (*Прим. ред.*)

[2] Чирко Б. В. Національні меншини в Україні (20–30 роки XX століття). Київ, 1995. С. 110–111.

администрации занимали кандидаты от немецкого большинства[1]. Только в 1899 г., после объединения с немцами-католиками колонии Клостердорф, шведам удалось избрать на должность волостного старшины своего кандидата Матса Бускаса[2]. Назначаемые должности волостного (колонистского) правления, как правило, занимали представители украинского и русского населения. Например, в первой половине XIX в. писарем русского и немецкого языков в шведском округе работал украинец из австрийской Галиции Павел Краковский. Краковский женился на шведской девушке и стал родоначальником местного украинско-шведского рода Краковских[3].

Советская политика коренизации предполагала преимущественное право на занятие государственных должностей в национальных окраинах представителями этнических меньшинств[4]. Одним из руководителей советского государства стал выходец из семьи еврейских колонистов Херсонской губернии Лев Троцкий. Организаторами советской власти на Украине были первый секретарь ЦК КП(б)У, в прошлом немецкий колонист Эммануил Квиринг и председатель СНК УССР, болгарин Христиан Раковский. Новые принципы кадровой политики открывали для шведских поселенцев широкие возможности для административной карьеры. Одновременно благодаря реализации данной программы большевики решали задачу максимального вовлечения в целом пассивного крестьянского населения национальных окраин в дело социалистического строительства и формирования среди бывших иностранных колонистов лояльной элиты. Однако национальный критерий отбора кандидатов не означал игнорирования большевиками классового подхода. Первым председателем шведского национального совета стал 30-летний бедняк Петтер Ю. Кнутас (1894 г. р.), поддерживавший «красное» движение со времен Гражданской войны.

В 1920 г. по решению ВУЦИК на Украине была создана на основе классовой доктрины параллельная сельским советам структура местной власти – комбеды («комітеты незаможних селян», КНС), в кото-

---

[1] Немцы Херсонщины. Аннотированный перечень дел Государственного архива Херсонской области (1919–1930) / ред. А. Карпова и А. Шинкаренко. Одесса, 2002. С. 3.

[2] Котлярчук А. С. Немцы Украины в судьбах шведской колонии на Днепре, 1805–2007 // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 30.

[3] Hedman J.; Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Kristianstad, 2003. S. 54.

[4] Mace J. E. Communism and the dilemmas of national liberation: national communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Harvard, 1983; Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

рые вошли беднейшие, «безлошадные» слои крестьянства. Созданные по примеру российских комитетов бедноты они – в условиях военного коммунизма отвечали за реализацию продовольственной диктатуры. В РСФСР комбеды были распущены в 1918 г., в УССР они просуществовали до 1933 г. и рассматривались как опора советской власти в богатых немецких и шведских колониях. Дети членов КНС и работников сельсоветов освобождались от платы за обучение в школе. В 1925 г. КНС были лишены административных функций, однако продолжили свою деятельность как хозяйственная и политическая организация. Политической задачей КНС являлось ограничение влияния на сельскую общину богатых крестьян – «кулаков» (укр. *куркули*). Члены КНС, наряду с сельсоветом, отвечали за распространение в селе государственных облигаций крестьянского займа и займов на индустриализацию[1]. Деятельность шведского КНС не ограничивалась родным селом. Члены комитета «под красными флагами» ходили в соседнее немецкое село Змиевка, где проводили компанию по самообложению населения[2].

Важным направлением советской работы среди беднейших слоев населения были школы для взрослых по ликвидации безграмотности, так называемый ликбез (укр. *ликнеп*). В 1927 г. в школах ликбеза обучалось более 2 миллионов жителей УССР, из них более 700 тысяч – женщины[3]. Помимо обучения грамоте в программу ликбезов входили лекции на политические темы. Однако в шведской колонии такой школы создано не было по одной простой причине – отсутствие неграмотных среди взрослого населения[4].

Создание новой социальной иерархии осуществлялось через широкое представительство в органах местной власти членов КНС и одновременное лишение «бывших» граждан избирательных прав. Председатель и члены президиума КНС, как правило, избирались членами сельсовета. На выборах 1926 г. 11,1 % состава шведского национального сельсовета составили члены КНС. В среднем по национальным советам республики эта цифра составила 35,2 %[5]. Первый

---

[1] Протоколы заседаний старошведского сельсовета. ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31. Протокол № 2, 7, 22 за 1928 г.

[2] Протокол заседания старошведского сельсовета № 19 за 11.09.1928 // ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31.

[3] Реєнт О. П., Коляда І. А. Україна між світовими війнами (1914–1939). Київ, 2004. С. 347–348.

[4] Херсонский уездный отдел народного образования. Доклады. 1921 г. // ДАХО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 26. Л. 15. В лютеранской церкви неграмотные верующие не допускаются к обряду конфирмации, который проходит по достижению 14–15 лет.

[5] Таблица «Сравнительные результаты выборов в нацсельсоветы» // Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 33.

председатель КНС шведского национального совета Андреас Аннас был членом сельсовета и исполнял обязанности ревизора. Список граждан шведского сельсовета, лишенных избирательных прав, включал около 20 человек. В него входили священник Кристоффер Хуас, бывшие военнослужащие Белой армии, а также богатые крестьяне – использовавшие наемный труд владельцы мельниц. Число так называемых лишенцев составило в 1926 г. 5,4 % взрослого населения шведского сельсовета[1]. Лишенные избирательных прав граждане не могли выбирать и быть избранными в сельские советы. Таким образом, советской власти удалось резко ограничить традиционное влияние богатых крестьян на управление шведской общиной. Одновременно на государственные должности выдвигались представители беднейших слоев населения, не имевшие до революции больших шансов на карьеру. Кардинальные изменения в социальной иерархии разжигали в сплоченной когда-то национальной деревне классовые конфликты, что являлось частью стратегии советского режима. Сельский совет и КНС отвечали за проведение кампаний по самообложению населения и государственным займам, главной мишенью которых были богатые колонисты[2]. Доминирование в сельсовете, по словам зажиточных шведов, «голодранцев» вызывало резко отрицательную реакцию богатых фермеров, наиболее авторитетной до революции группы населения[3].

Ярким представителем новых управленческих кадров был председатель КНС Андреас Аннас (1901–1978). Выходец их бедной семьи, он был в числе первых юношей шведского села, призванных в 1922 г. на срочную службу в РККА. В армии он получил специальное военное образование, окончив артиллерийские курсы в Брянске. За время службы в РСФСР Андреас овладел русским языком, прослушал курс политграмоты. Служба в РККА была школой социализации, сформировавшей из Андреаса Аннаса сторонника советских преобразований:

> Мы переехали в красивые и хорошо подготовленные казармы в городе Брянске. Здесь все было очень хорошо. Мы получили форму, одеяла и матрасы, и пища стала хорошей: щи, картофельный суп, каша с мясом. Во время 18-месячной службы в Красной Армии я сменил много разных должностей. Сначала я служил в пехоте в качестве плотника, затем стал ездовым и отвечал за поставки на кухню. Потом я служил в полевой артиллерии, где в течение трех месяцев учился

---

1 Там же.

2 Самообложение – форма «добровольного» привлечения средств сельского населения для проведения работ по благоустройству села, ремонта дороги, школы, бани, клуба и т. п. Решение о самообложении принималось на общем заседании сельсовета и президиума КНС.

3 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 19.

на артиллерийских курсах и один месяц на курсах сигнальщиков. Наконец, я стал конюхом командира батальона. Наша зарплата была 75 копеек в месяц, при этом все – жилье, одежда, табак, спички и белье – были бесплатными. При демобилизации мы получили право сохранить военную форму. Последнее время службы я был единственный швед в части. Однако никакой дискриминации не существовало, независимо от того, был ли ты русский, немец, швед, грек или турок, все обращались только по имени, добавляя русское слово tavariche.

В своих воспоминаниях Аннас описывает шведскую общину сквозь призму классовой борьбы и интернационализма. Показательно, что в написанных в 1970-х гг. в Швеции записках автор благодарит «товарища Сталина и русское правительство за разрешение вернуться на Родину предков». Он дает отрицательную характеристику деятельности пастора Хуаса и поддерживающей его группы «богачей». По словам Аннаса, священник игнорировал интересы бедняков, распределяя материальную помощь из Швеции исключительно среди богатых крестьян. В знак протеста Андреас отправил несколько писем в Швецию, указывая на несправедливое распределение в селе материальной помощи. Аннас искренне считал огромной заслугой советской власти решение национального вопроса. Описывая мытарства старошведов в Швеции, острые национальные конфликты в царской России, он утверждал, что в СССР в 1920-х гг. не существовало дискриминации по национальному признаку[1]. По словам автора, в результате революции власть в России перешла к советскому народу, в составе которого «малые народы получили свой реванш», заняв равноправное место с русским и украинским народами; в органах советской власти «в мире и спокойствии сообща трудились шведы, немцы, русские и евреи»[2]. Интересно, что Аннас не последовал за шведскими коммунистами и не вернулся обратно в Советский Союз, несмотря на призывы односельчан. «Самое лучшее, что мы получили в Швеции, – это свобода», – так Андреас Аннас резюмировал причины своего отказа вернуться на Украину[3].

Главным источником для подготовки новых кадров была молодежь. Большевики справедливо считали, что не связанное с прошлым режимом молодое поколение является наиболее восприимчивым к советским ценностям. В 1921 г. в одном из нежилых домов села была оборудована изба-читальня (укр. *сильбудинок*), которая по замыслу власти должна была стать новым, альтернативным церкви культурным центром колонии. Тем не менее расходы на содержание

---

1 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 12–13.

2 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 20–21.

3 Ibid. S. 51.

избы-читальни было переложены на местный бюджет. На выделенный государством кредит сельсовет сделал ремонт, были закуплены баян и политическая литература. На базе избы-читальни открыли культурно-просветительский кружок, в состав которого вошли 50 жителей села. Кружок на 90 % состоял из молодежи до 30 лет, 70 % членов кружка – женщины[1]. Учитывая пожелания населения и выполняя решения партии, херсонский отдел народного образования разрешил кружку ставить спектакли на шведском языке[2]. Репертуар трудно было назвать советским. Одной из первых постановок шведского любительского театра стала пьеса по мотивам национального романтика шведско-финской литературы Захариуса Топелиуса «F gel Bl »[*] (1859 г.)[3]. В 1925 г. по коллективной подписке изба-читальня стала получать ежедневную газету Херсонского округа «Червоний селянин» («Красный крестьянин») и всероссийское издание «Крестьянская газета». Всего в 1925 г. жители села выписывали 139 экземпляров советских газет[4]. Таким образом, большая часть шведских семей была хорошо информирована об изменениях советской политики.

Другим по важности центром воспитания нового человека являлась школа. Открытая в 1922 г. на базе дореволюционной школы шведская трудовая школа первой ступени была передана на баланс сельсовета[5]. Однако учителя шведской школы стали государственными служащими – работниками отдела народного образования[6]. Учитель должен был стать проводником тоталитарной идеологии, школа – цехом по советизации молодого поколения. Таким образом, власть взяла под жесткий контроль учителей и содержание учебных программ. Учитель Кристоффер Хуас перевел на шведский язык «Интернационал», с исполнения которого начинался учебный день[7].

---

[1] ДАХО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

[2] Там же. Д. 392. Л. 36–42.

[*] Синяя птица (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[3] Utas J. Op.cit. S. 169.

[4] Протоколы общих собраний Старошведского сельсовета за 1925 г. // ДАХО. Ф. 306. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

[5] ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31; Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 40.

[6] В 1920-х гг. в шведской школе работали четыре педагога, получившие образование до революции, все – выходцы из родного села. Среди них: выпускник немецкой учительской семинарии Кристоффер Хуас, выпускник учительской семинарии Петтер Мальмас, выпускница шведского училища в Санкт-Петербурге Юлия Бускас и бухгалтер по образованию Густав Утас.

[7] Utas J. Op.cit. S. 171.

Педагоги были призваны исправить «дефекты» традиционного религиозного семейного воспитания детей шведских фермеров. Учитывая специфику немецких и шведских колоний, власть выдвинула задачу постепенной замены политически непригодных и религиозных учителей близкими советской власти работниками образования[1]. Языком преподавания оставался шведский язык, однако государство потребовало изменения системы взглядов, мировоззрения и методов преподавания. Непреодолимым барьером для эффективного контроля оставался язык преподавания. Ни один из работников Херсонского округа шведским языком не владел[2], поэтому многочисленные проверки деятельности школы ограничивались формальными мерами. Так, в 1925 г. учителям было запрещено использовать учебную литературу, полученную из Швеции в качестве благотворительной помощи: многочисленные изображения королей и храмов вызвали опасения у школьного инспектора. Взамен херсонский отдел народного образования обещал решить вопрос по обеспечению школы советскими учебниками на шведском языке. Обещание никогда не было выполнено, и спустя некоторое время поступило разрешение на использование имеющихся учебников с обязательным условием уничтожить все «антисоветские» иллюстрации[3].

Приставка трудовая означала, что на смену классическим методам обучения пришел так называемый лабораторный метод, сочетавший теоретическое обучение с трудовой повинностью. Большевики верили, что совместный бесплатный труд сформирует у детей частных фермеров навыки коллективизма и социалистического труда. Один из главных теоретиков советской школьной политики Н. К. Крупская отмечала по этому поводу следующее:

> В организации школьной жизни производительный труд детей должен играть доминирующую, господствующую роль. Тут, конечно, самое важное – выбор трудовой деятельности. И таскание воды, и колка дров – труд, и собирание лекарственных растений, и рисование плаката, и устройство школьного музея, и обшивание малышей детского сада, и собирание грибов и сучьев – все это труд... труд как

---

[1] Кондратюк Г. Н. Деятельность учебных заведений Биюк-Онларского и Тельманского немецких национальных районов Крымской АССР в 1920–1930 гг. // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 168–176.

[2] Попередні висновки про обстеження еміграційного руху серед шведів Старо-Шведської сільради Бериславського району Херсонської округи. 1928 г. Документ опубликован в кн.: Сергійчук В., Данильченко О. Земля, яка стала рідною // Нариси з історії Бериславщини. Вип. 3. Херсон; Берислав, 2003.

[3] Utas J. Op.cit. S. 170.

центр изучения школьной программы; труд как составная часть жизни школьной общины; труд как метод изучения[1].

Таким образом, советской власти удалось изменить расстановку сил в социальной иерархии шведской общины. Однако в условиях единоличного хозяйства богатые крестьяне продолжала сохранять экономические рычаги влияния на общину. В селе им принадлежали мельницы, трактора и сельхозмашины; у богатых фермеров бедняки занимали деньги. Все это вызывало закономерное беспокойство властей[2]. Однако, несмотря на все усилия, результаты советской политики по набору советских кадров из числа местной молодежи были более чем скромными. Во второй половине 1920-х гг. шведский совет оставался единственным национальным сельсоветом Украины, в составе которого не было ни одного члена комсомола, члена или кандидата коммунистической партии[3]. Власть вынуждена была констатировать: «...интереса к социалистическому строительству у жителей нет <...> дети находятся под религиозным влиянием родителей и во время религиозных праздников школу не посещают <...> школа содержится в чистом виде и ремонтируется ежегодно, однако дети не втянуты в общественную работу»[4]. Школьники переделали строчки шведского текста Интернационала и вместо оригинального рефрена «*St upp! St upp förtryckta skara, Som trälar utan ro och rast!*» (Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!») пели антисоветский по своему содержанию текст: *«St upp! St upp förtryckta skar a Som rövar bondens sista häst!» (*«Вставай, проклятьем заклейменный, Тот, кто ограбил крестьянина, Забрав его последнего коня!»)[5].

Принимая формально лозунги национально-культурной политики советской власти, шведские колонисты не стремились советизироваться, сохраняя традиционный уклад жизни. Эта ситуация была характерной для «западных» нацменьшинств СССР[6]. Фактически

---

1 Крупская Н. К. Задачи школы 1 ступени (1922 г.) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10 т. / ред. Н. К. Гончарова. Т. 3. М., 1959. С. 24–33.

2 Таблица «Сравнительные результаты выборов в нацсельсоветы» // Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 33. По результатам выборов 1926 г. в национальные советы УССР, члены и кандидаты в члены ВКП(б) составили в среднем 9,2 % от избранных в сельсоветы, комсомольцы – 14,5 %.

3 ДАХО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 40. Л. 34.

4 Акт обследования работы Старошведского сельсовета членом бюро национальных меньшинств тов. П. К. Гельбиг от 2 мая 1928 г. // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 558. Л. 85–95.

5 Цит. по: Utas J. Op. cit. S. 170.

6 Дённингхаус В. В тени Большого брата. Западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011.

община херсонских шведов пыталась выстроить свои отношения с новой властью на основании модели, существовавшей в Российской империи. Шведские поселенцы были одной из наиболее верноподданных национальных групп империи Романовых. Взамен государство признавало за поселенцами право на собственный, изолированный характер внутренней жизни. Данная модель не устраивала советскую систему, поставившую в качестве цели кардинальное изменение не только общественного строя, но и личной жизни человека.

Новая гендерная политика

У власти Российской империи было мужское лицо, женщины были лишены избирательного права и практически не участвовали в легальной политической жизни страны. По утверждению большевиков, революция освободила женщин от гнета патриархальной семьи и капиталистического государства и открыла для них дорогу к государственным постам. Однако самого призыва к освобождению было недостаточно. Большинство женщин страны были неграмотными и придерживались в основном консервативных и религиозных взглядов. Поэтому женский вопрос тоталитарное государство решало «сверху», не дожидаясь инициативы масс. «Каждая кухарка должна научиться управлять государством» – эта формула советской пропаганды определяла в 1920-х гг. подход власти к решению женского вопроса. Главным методом стало просвещение женского населения, в том числе с целью отбора подходящих кандидатов для политической работы. Большевики надеялись на позитивную реакцию женской части населения национальных окраин и массовое вовлечение женщин в социалистическое строительство[1]. Прогрессивный характер советских декретов определялся идеологией левого крыла феминизма. Советским идеалом новой женщины стали лидеры международного коммунизма Клара Цеткин и Роза Люксембург.

Крупнейшим теоретиком и практиком советской гендерной политики была Александра Коллонтай – шведка по матери и украинка по отцу[2]. В годы Гражданской войны она руководила комиссией

---

[1] Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001. С. 81.

[2] Отец А. Коллонтай – российский генерал Михаил Алексеевич Домонтович (1830–1902) происходил из рода украинского казацкого старшины. Родился в родовом имении Кудровка (*укр.* Кудрівка) Черниговской губернии, закончил Полтавский кадетский корпус. Мать А. Коллонтай – шведская дворянка Александра Массалин (Alexandra Massalin), дочь одного из богатейших лесопромышленников Финляндии. См.: Bj rkegren H. Ryska posten: de ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917. Stockholm, 1985. S. 113.

ЦК украинской компартии по агитации и пропаганде среди женщин, позже являлась начальником политотдела Заднепровской дивизии РККА, действовавшей в районе шведской колонии. В 1919 г. по рекомендации Ленина Коллонтай была назначена наркомом агитации и пропаганды УССР, а в 1923 г. – первым полномочным представителем СССР в Норвегии. В 1919 г. для практического решения женского вопроса в центральных и местных комитетах партии большевиков были созданы отделы по работе среди женщин, известные как женотделы. Основной задачей новых органов власти стало «раскрепощение женщин». Первым признаком раскрепощения партия считала массовое участие женщин в управлении государством[1]. Образ Коллонтай, первой в мире женщины-министра и женщины-посла, символизировал достижения советской политики. В 1925 г. в Старошведский сельсовет впервые в истории были избраны две женщины[2]. В первом составе шведского национального сельсовета (1926–1927 гг.) женщины составляли уже 11,1 % (3 человека), что было выше среднестатистического показателя по республике[3].

Местный женотдел (укр. *відділ робітниць і селянок*) возглавила учительница немецкой школы соседнего села Змиевка, член партии и бывший боец дивизии латышских красных стрелков Клара Невронис (Klara Newronis). Именно она в течение нескольких лет отвечала за политику раскрепощения шведских женщин. Однако ее свободный стиль жизни и радикальные взгляды на брак отталкивали патриархальных и религиозных шведских женщин[4]. 24 мая 1925 г. состоялась первая конференция женщин немецкой и шведской национальности Старошведского сельсовета, на которой шведское село представляли Лидия Утас, Каролина Кнутас и Ефелина Тинис. В повестке заседания было три вопроса:

1. «Наше внутреннее и внешнее положение».
2. «Участие селянок в социалистическом строительстве».
3. «Социалистическое движение и детское движение, и участие матери-селянки в нем».

С докладом по первому и второму вопросам выступила (на немецком языке) сотрудница губернского исполкома тов. Бергнер, которая отметила, что «наши женщины отстали от женщин русских [sic!]. Женщины на Западе добились своих прав, своего влияния на обще-

---

1 Юкина И. И. Феминизм в СССР // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы международной конференции. М., 2006. С. 154–162.

2 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 19.

3 Таблица «Сравнительные результаты выборов в нацсельсоветы» // Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 33.

4 Malm G. Svenskbyborna. Stockholm, 1939. S. 45.

ственную жизнь. Наши женщины на 65 % пассивны». Однако партия «повернулась лицом к селу, и женщины должны принять живейшее участие в общественной работе». С ответным словом от шведских женщин выступила 18-летняя Е. Тинис. Избегая дискуссии о положении женщин, она сосредоточилась на вопросах школьного образования: «Нам нужно дать детям знание вырвать их из тьмы невежества и поддержать работу в школах»[1].

По инициативе проживающей в колонии гражданки Швеции Эммы Хуас и при поддержке миссии женских миссионеров КМА в Старошведском был открыт детский сад. В 1922 г. шведский Красный Крест открыл в селе медицинскую амбулаторию на 20 мест, в которой работали врач Юхан Таубергер (Johann Tauberger), фельдшер Иван Суров и медсестра Эмма Хуас. Поддержка шведской стороны делала неактуальными советские лозунги по защите материнства и детства. Провозглашенные большевиками цели были реализованы в шведской колонии представителями капиталистической страны, что на корню подрывало усилия советской власти по внедрению в общественное сознание идеи «завоеваний Октября». Коммунистам нечего было предложить местным женщинам, кроме представительства в местных органах власти. Республиканская проверка шведского сельсовета констатировала отсутствие реальной работы среди женщин[2], женское движение не вышло за рамки формальных собраний. Например, 8 марта 1928 г. в здании сельсовета состоялось торжественное заседание в честь международного праздника работниц и крестьянок, на котором женщины села в очередной ритуальный раз «дали обещание об активном участии во всех отраслях для построения социалистического хозяйства в СССР»[3]. Лидия Утас (1906 г. р.) была единственной представительницей женского населения колонии, которая восприняла коммунистические идеи и стала активным строителем новой жизни. Находясь в эмиграции, она предложила коммунистической партии Швеции добровольную помощь по агитации среди старошведских женщин[4]. Возвратившись в СССР, она вступила в

---

[1] Протокол конференции женщин немецкой и шведской национальности Старошведского сельсовета 24 мая 1925 г. // Государственный Архив Одесской области (ДАОО). Ф. П-1. Одесский губернский комитет. Оп. 1. Д. 1558. Л. 78–79.

[2] Попередні висновки про обстеження еміграційного руху серед шведів Старо-Шведської сільради Бериславського району Херсонської округи. 1928 г. Документ опубликован в кн.: Сергійчук В., Данильченко О. Земля, яка стала рідною // Нариси з історії Бериславщини. Вип. 3. Херсон; Берислав, 2003.

[3] Протоколы заседаний старошведского сельсовета // ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31. Протокол № 9 за 8.03.1928.

[4] Arbetarr relsens arkiv (Архив рабочего движения Швеции). Vänsterpartiet Kommunisterna. Protokoll politbyr 1927–1931. Vol. A 3:1. RE 5/1.

комсомол и заняла престижную должность заведующей колхозной фермой. Тем не менее назвать результаты советской политики эмансипации старошведских женщин впечатляющими нельзя.

1.4. Новый религиозный стандарт

Svensk jag föddes, svensk jag är,
Som en svensk jag tänker.
Och det bästa, Gud beskär,
Sveriges land jag skänker.
Jag den jord, mig livet gav
Älska vill intill min grav[1].

История Старошведского прихода имела счастливое начало. В 1783 г. по распоряжению губернатора Григория Потемкина в колонию прибыл пастор Юхан Адольф Европеус со своей семьей[2]. В 1787 г. на пожертвования Потемкина в шведской колонии был построен первый в Новороссии лютеранский храм. Однако по истечении срока пятилетнего контракта Европеус покинул колонию, и шведский приход остался без пастора. Тем не менее шведская церковь продолжала быть центром духовной жизни колонистов. Служба шла на шведском языке по духовным книгам, отпечатанным в Швеции. На шведском языке обучались дети приходской школы. До 1839 г. бессменным проповедником и учителем школы был колонист Матс Магнуссон. В 1795 г. население шведской колонии вследствие голода и болезней сократилось до 140 человек. Демографический кризис привел к тому, что в 1804–1806 гг. на землях шведской колонии были основаны лютеранские колонии немецких переселенцев.

В 1836 г. после 55 лет полной изоляции произошел первый контакт херсонских шведов с соотечественниками. Центральная шведская газета Финляндии *Helsingfors Tidningar* опубликовала «Выдержку из письма в редакцию поступившего из города Херсон» от местного аптекаря финского шведа Антона Исаака Нюмана:

> Недалеко от Берислава существует так называемая шведская колония, которая состоит из 40 семей, или 208 взрослых людей, не считая детей. Они приняли меня сердечно и доброжелательно и рас-

---

[1] Отрывок из стихотворения Кристоффера Хуаса «Я швед» (1912 г.): «Шведом я рожден и буду шведом / И как швед я мыслю. / И все лучшее, что Бог дает / Шведской стране я отдаю. / Землю, что дала мне жизнь / Буду я любить до могилы».

[2] Юхан Адольф Европеус (Johan Adolf Europaeus, 1748–1802) – выпускник теологического факультета шведского университета в г. Або (Åbo Akademi). Европеус родился в селе Париккала (Parikkala) около Выборга, которое с 1721 г. принадлежало России. После окончания учебы в Швеции он вернулся в Россию. В 1777 г. Европеус получил место полевого пастора российской армии в Екатеринославе.

сказали с обидой в голосе, что немцы – наши соседи, и это русские, кто посадил их на нашу землю. Старые люди были из Финляндии, остальные родились уже здесь, но сохранили полностью язык и обычаи предков так хорошо, что можно было подумать, что все это происходит в Финляндии. Они отличаются необычной религиозностью, но, к сожалению, не имеют священника. В деревне существует маленькая древняя церковь, где каждое воскресенье и на все праздники проходит богослужение под руководством одного старого человека. Я пригласил 3 мужчин и 2 женщин из колонии к себе домой на шведское богослужение, в котором они приняли участие с воодушевлением и со слезами на глазах. Они знали мелодии и тексты старых и новых псалмов, а их манера исполнения была точно такой, как мы слышим сегодня в Финляндии. Они умоляли помочь им выписать пастора[1].

Обратим внимание на то, что в одном из первых описаний колонии упоминаются черты, которые станут определяющими для истории шведского поселения. Во-первых, это религиозность жителей колонии и их стремление сохранить шведскую обрядность. Во-вторых, конфликт с немцами, который вынуждал колонистов искать покровительства скандинавских стран. Вначале место вновь обретенной родины заняло великое княжество Финляндское. Однако в конце XIX в. в результате тесных контактов и значительной финансовой помощи роль исторической родины переходит к Швеции[2]. Для шведских интеллектуалов открытая на востоке колония стала «потерянным коленом», патриархальным раем – осколком не испорченной модернизацией и капитализмом исконной шведской культуры. Шведских путешественников поражало, что шведские колонисты на Украине не утратили средневековых навыков письма рунами и что они пользуются древними книгами времен шведского могущества[3]. Однако то, что в эпоху романтизма рассматривалось как преимущество, в эпоху национализма стало восприниматься как нуждавшееся в коррекции отклонение. Длительная изоляция привела к серьезным различиям в богослужебной практике херсонских шведов и Шведской

[1] Utdrag ur ett bref till Redaktionen, daterat staden Cherson d. 3/15 dec. 1836 // Helsingfors Tidningar. № 9. Den 1 februari 1837. S. 2–3.

[2] Wawrzeniuk P. Formering till modernitet: Gammalsvenskby genom finländska och rikssvenska gon 1836–1904 // Historisk tidskrift f r Finland. 2010. Vol. 95. № 2. S. 249–267.

[3] Два изготовленных из дерева рунических календаря херсонских шведов находятся сегодня в собраниях Северного музея (Nordiska museet. № 39524; 89901). Один из рунических календарей был вывезен из шведской колонии в 1881 г. филологом Германом Венделлем (Herman Vendell). Второй календарь был подарен музею в 1900 г. Кристоффером Хуасом.

церкви[1]. Важные для лютеранской обрядности духовные песнопения основывались у херсонских шведов на книге псалмов 1695 г. издания (*karolinska psalmboken*). Собственно Швеция еще в 1819 г. перешла на новую, «Валлинскую» редакцию книги псалмов (*wallinska psalmboken*), которая не получила распространения в Российской империи (в шведских приходах Финляндии, Эстонии и Украины)[2]. Для богослужения и обучения детей грамоте в общине использовалась так называемая Библия Карла XII (Karl XII-s bibel)[3]. Однако этот официальный перевод Библии из-за архаичности языка был в 1917 г. заменен в Швеции на текст новой редакции (*1917 rs kyrkobibel*). Попытка посещавших колонию шведских пасторов ввести в начале XX в. в старошведской кирхе современную шведскую обрядность не увенчалась успехом[4].

В 1832–1922 гг. старошведский приход управлялся Санкт-Петербургской консисторией евангелическо-лютеранской (немецкой) церкви России. В 1860 г. был создан единый лютеранский приход *Altschwedendorf*, включавший в себя население шведского села, двух соседних немецких сел, а также населения швейцарской колонии Основа, немецких поселений Дорнбург и Аскания-Нова. Данный шаг привел к значительному преобладанию среди прихожан немецкого населения[5]. Одним из прихожан и меценатов прихода был богатейший землевладелец Херсонской губернии Фридрих Фальц-Фейн (1863–1920) – основатель первого в Российской империи заповедника Аскания-Нова. Большинство пасторов прихода также были немцами[6]. Центром прихода, несмотря на его название, стала немецкая церковь колонии Шлангендорф. Доминирование немецких священников в церковной жизни привела к распространению в шведской церкви немецкого языка и утверждению обрядов немецкой церкви. Это воспринималось шведами как угроза их национальной идентичности

---

[1] Wawrzeniuk P. Tradition and the past: The Swedes of Alt-Schwedendorf 1782–1852 // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2007. С. 17.

[2] Каролинская книга псалмов, известная также как «1695 rs psalmbok», использовалась в Шведской церкви в 1695–1819 гг. В Великом княжестве Финляндском эта богослужебная книга использовалась до 1886 г., после чего была заменена книгой псалмов в редакции Захариаса Топелиуса.

[3] Изданная в правление Карла XII библия в редакции 1703 г. была доставлена старошведами на Украину вместе с другими богослужебными книгами при переселении с острова Даго.

[4] Только за 1886–1915 гг. старошведскую колонию посетило 12 священников и миссионеров из Скандинавии.

[5] Князева Е. Е. Лютеранские церкви и приходы на Украине XVIII–XX вв. Исторический справочник. Часть II. СПб., 2003. С. 282–283.

[6] F rteckning ver präster som tjänstgjort i byn // Utas J. Op.cit. S. 284.

и служило причиной конфликтов с соседями-немцами[1]. В 1885 г. на пожертвования шведов из Швеции, Финляндии и США бригадой украинских строителей под руководством Семена Соколана было воздвигнуто каменное здание шведской кирхи, шпиль которой был на полметра выше немецкой лютеранской церкви Шлангендорфа, строительство которой было закончено в 1887 г. Со строительством собственного храма религиозный конфликт достиг своего апогея. Шведы бойкотировали немецкие богослужения, отказывались от конфирмации детей немецким пастором[2]. Богатые колонисты предпочитали отсылать детей для дальнейшего образования в шведскую школу-гимназию Санкт-Петербурга, а не в немецкую школу соседнего села[3]. В свою очередь, немецкие пасторы прихода зачастую запрещали проводить богослужения приезжавшим в деревню скандинавским священникам[4]. В 1905 г. Старошведский церковный совет потребовал от консистории российской евангелическо-лютеранской церкви перенести пасторат из немецкой церкви в новое здание шведской плебании, однако получил отказ[5]. Очередная попытка архиепископа Шведской церкви Юхана Августа Экмана (Johan August Ekman) добиться раздела пастората на Украине на немецкий и шведский приходы не увенчалась успехом[6]. Существование в одном приходе двух внушительных каменных храмов не принималось во внимание, и до 1922 г. позиция евангелическо-лютеранской церкви России оставалась неизменной: Старошведский пасторат был совместным немецко-шведским приходом.

После революций 1917 г. Старошведский приход, входивший в Одесский округ евангелическо-лютеранской церкви России, переживал трудные времена. Здание кирхи было национализировано, а затем передано советским государством в бесплатное пользование общиной. Храм перестал принадлежать евангелическо-лютеранскому

---

[1] Wawrzeniuk P. Resedagbok och fosterländsk mobilisering. Herman Vendells resa till Gammalsvenskby och Narg 1881 // Historiska och litteraturhistoriska studier. № 85. S. 96–97.

[2] Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 7.

[3] Jangfeldt B. Svenska vägar till St.-Petersburg. Trelleborg, 2000. S. 252; Русский перевод: Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; Санкт-Петербург, 2003. С. 253.

[4] Котлярчук А. С. Немцы Украины в судьбе шведской колонии на Днепре, 1805–2007 // Вопросы германской истории: сборник научных трудов. Днепропетровск, 2007. С. 30; Källgren C. Upplysningen om Gammel-Svenskby // Ord och Bild. 1898. Sjunde rg ngen. S. 18–24; Isberg A. Svensk lutherdom i sterled: relationer till ryska och baltiska diasporaf rsamlingar och minoritetskyrkor 1883–1941. Uppsala, 1982. S. 10–31.

[5] Isberg A. Op. cit. S. 26–27.

[6] Gammalsvenskby // Nordisk familjebok. Stockholm. 1923. Vol. 35. S. 1211–1212.

приходу. Советское государство национализировало также здание шведской школы, возведенное в 1913 г. на собранные в Швеции пожертвования[1]. В 1921 г. религиозное обучение в старошведской школе было запрещено. Ученики должны были вырезать из учебников все связанные с религией иллюстрации и тексты[2]. Место закона Божьего заняла антирелигиозная агитация, проведение которой стала обязанностью местных учителей – выходцев из семей колонистов. Примитивные формы советской пропаганды приводили к конфликтам между родителями и учителями. Например, учитель предлагал детям помолиться о том, чтобы Бог послал классу пакет карамелей, после чего делался вывод: «Вот видите, нет карамелей, значит, нет и Бога»[3]. Перед верующими учителями встала дилемма: подчиниться власти или лишиться работы. В 1927 г. за тайные посещения храма была уволена выпускница шведской гимназии в Санкт-Петербурге учительница Юлия Бускас[4].

Большевики пытались создать конкуренцию традиционному лютеранскому исчислению в виде нового, «революционного» календаря. Праздничными датами советского календаря стали «день РККА» 23 февраля; «международный праздник работниц и крестьянок» 8 марта; «международный праздник день Интернационала» 1 мая; годовщина «Октябрьской революции» 7–8 ноября; а также «день конституции» СССР 6 июля. На советский праздник взрослое население деревни обязано было собираться в здании сельсовета на торжественное общее собрание. Заседания проходили по разработанному властью сценарию. Помещение сельсовета украшалось большевистской символикой, транспарантами и плакатами на тему дня. В начале заседания лектор знакомил колонистов со значением нового праздника, затем зачитывалась приветственная телеграмма, после чего от имени сельсовета принималось встречное обязательство государству. Советский ритуал не вызывал у шведских крестьян особого энтузиазма, и протоколы заседаний сельсовета отражают минимальный интерес населения к этой форме общественной жизни. Например, на собрании 23 февраля 1928 г. в честь 10-й годовщины РККА была зачитана телеграмма от 115 Краснознаменного стрелкового полка. После чего следует часто повторяющаяся в проколах краткая запись: «Заслушали и приняли к сведению». 6 июля 1928 г. на торжественном заседании по случаю 5 годовщины конституции СССР после доклада шведское население, вероятно, спутав этот праздник с 1 мая, вырази-

---

1 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 156–157.

2 Hoas K. Skolf rh llandena i Ukraina // Svensk Läraretidning. 1930. № 1. S. 16.

3 Utas J. Op.cit. S. 171.

4 Ibid. S. 177.

ло «свою солидарность с международным пролетариатом» и взяло на себя обязательство «справиться с засевом осеннего клина»[1].

Между тем новый календарь стал болевой точкой во взаимоотношениях власти и шведов. Согласно учебному плану, советские школы работали по воскресеньям, в основном для того, чтобы не допустить участия детей в церковной службе[2]. Школьные каникулы были приурочены к праздничным датам советского календаря и не совпадали с главными христианскими праздниками. Таким образом, власть пошла на кардинальную ломку жизненного уклада шведских колонистов. В день международной солидарности трудящихся 1 мая жители села традиционно праздновали основание колонии в 1782 г. По традиции в этот день население колонии (около 1000 человек) выходило с церковной процессией в степь, где отправлялось богослужение под открытым небом. Однако, согласно советскому декрету 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», совершение религиозных обрядов на улице допускалось только с письменного разрешения местной власти. В итоге был достигнут компромисс, и вплоть до эмиграции в Швецию 1 мая каждого года жители колонии выходили в открытое поле для празднования дня колонии. При этом вместо праздничного богослужения скромно исполнялись духовные псалмы[3].

Введение нового религиозного стандарта диктовалось несколькими обстоятельствами: (1) унификацией местной обрядности с обрядностью Шведской церкви; (2) созданием отдельного шведского прихода и очищением церковной обрядности от многочисленных немецких элементов; (3) достижением компромисса между властью и приходом.

В 1922 г. епископский совет евангелическо-лютеранской церкви России принял решение о признании декретов советской власти. Находясь в тяжелом материальном положении, немецкие епископы обратились за помощью к Шведской церкви[4]. Такая помощь была оказана, что увеличило шансы на положительное решение вопроса о создании самостоятельного шведского прихода в СССР. 15 сентября 1922 г. во время визита в Швецию учитель Кристоффер Хуас был рукоположен главой Шведской церкви архиепископом Натаном Се-

---

[1] Протоколы заседаний Старошведского сельсовета за 1928 г. // ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31; Протоколы заседаний Старошведского сельсовета за 1929 г. // ДАХО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 40.

[2] Солончук Е. А. Раскулачивание в немецких районах Одесского округа // Немцы Одессы и Одесского региона. Одесса, 2003. С. 225.

[3] Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 11.

[4] Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь в российской истории XVI–XX вв. СПб., 2003.

дерблюмом в духовный сан[1]. Церемония прошла в кафедральном соборе Упсалы. Для Хуаса как человека, не получившего теологического образования, было сделано исключение из канонического права[2]. Новый пастор Шведской церкви предназначался «для служения в Гаммальсвенскбю и Южной России». Кристоффер Хуас (1877–1941) был лидером общины херсонских шведов, автором патриотических стихотворений и гимна колонии. Один из наиболее образованных людей общины, выпускник российско-немецкой учительской семинарии в поселке Сарата, он на протяжении 33 лет работал учителем шведского языка, истории географии и являлся «главным конструктором» современной национальной идентичности украинских шведов. В конце 1922 г. Хуас как принявший сан был отстранен от педагогической работы. Решение советской власти мало повлияло на авторитет пастора. Хуас являлся представителем в СССР таких влиятельных организаций, как «Шведский Красный Крест» и «Национальное общество по сохранению шведского самосознания за границей»[3]. Через него распределялась вся поступавшая из Швеции материальная помощь, финансировалась деятельность сельской амбулатории[4]. Его жена, гражданка Швеции Эмма Хуас (урожденная Скарстедт) проработала более 30 лет в шведской колонии миссионером[5]. Являясь сотрудницей организации «Женские миссионеры» (КМА), она внесла большой вклад в развитие села и пользовалась непререкаемым авторитетом среди населения[6]. В 1900 г. по ее иници-

---

[1] Натан Сёдерблюм (Nathan S derblom, 1823–1931) – архиепископ Шведской церкви (1914–1931), академик Шведской академии наук (1921), лауреат Нобелевской премии мира (1930). Известный деятель экуменизма.

[2] Gammalsvenskby // Nordisk familjebok. Stockholm. 1923. Vol. 35. S. 1211–1212.

[3] Шведский Красный Крест (Svenska R da Korset) – одно из старейших и наиболее авторитетных отделений Международного Красного Креста; Национальное общество по сохранению шведского самосознания за границей (Riksf reningen f r svenskhetens bevarande i utlandet) – созданное в 1908 г. в г. Гетеборг общество содействия сохранению шведского языка и шведской культуры за пределами Швеции. Современное название: «Riksf reningen Sverigekontakt».

[4] Hoas K. Gammal-Svenskby. Opublicerad uppsats. Visby, 1938; Riksarkivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P 1534. S. 12–48.

[5] Эмма Хуас (Emma Hoas-Skarstedt, 1869–1952) – родилась в Мальме. Получила образование медсестры и учителя труда. В 1899–1929 гг. служила (с короткими перерывами) миссионером КМА в старошведской колонии. Старошведы называли ее тетушка Эмма (tante Emma).

[6] «Kvinnliga Missionsarbetare» – женская миссионерская организация Швеции. Создана в 1898 г. В 1922 г. организация насчитывала 130 членов. Миссионеры КМА работали в Северной Африке, Индии и России. Печатный орган организации – журнал «När och fjärran». См.: Andersson E. KMA 75 arbets r: kvinnliga missionsarbetare i text och bild. Stockholm, 1969.

ативе был открыт первый в Херсонской губернии сельский детский сад. Эмма Хуас служила диаконисой, работала медсестрой, преподавала труд и рукоделие в местной школе[1].

Созданный Шведской церковью прецедент рукоположения в сан гражданина СССР стал причиной острого конфликта между новым пастором и законным настоятелем Старошведского прихода немцем Вольдемаром Шлуппом[2]. В своем обращении к генеральному суперинтенданту евангелическо-лютеранской церкви России Артуру Мальмгрену Шлупп подчеркивал, что Швеция не имела канонического права открывать свой приход на территории СССР и что новый пастор не получил должного теологического образования. Рукоположение Хуаса было признано недействительным[3]. Однако после письменного обращения Хуаса к Натану Сёдерблюму возникший конфликт был улажен. Представитель шведского Красного Креста в Москве Юн Тунельд обратился к Мальмгрену с личной просьбой признать юрисдикцию Шведской церкви над приходом в Украине[4]. Остро нуждавшаяся в материальной помощи евангелическо-лютеранская церковь СССР изменила свое первоначальное решение и признала рукоположение Хуаса. Шлупп закончил службу в Старошведском и выехал в немецкую колонию Людвигсталь (*Ludwigstal*)[5].

Местные органы власти были хорошо осведомлены о религиозном конфликте шведов с немцами-лютеранами и считали шведов крайне религиозными[6]. Однако вместо борьбы с новой церковью власть неожиданно оказала ей поддержку. 5 мая 1923 г. Старошведский церковный совет обратился в Херсонский окружной исполком с просьбой о регистрации отдельного прихода. В прошении, которое подписали 20 членов церковного совета, подчеркивалось, что «население колонии Старошведской без исключения шведы, а

---

[1] Wawrzeniuk P. Formering till modernitet: Gammalsvenskby genom finländska och rikssvenska gon 1836–1904 // Historisk tidskrift f r Finland. 2010. Vol. 95. № 2. S. 262–266.

[2] Вольдемар Шлупп (Woldemar Schlupp, 1876–1973) – российско-немецкий лютеранский пастор. Родился в Курляндии. С 1905 г. служил в немецких приходах Украины. В 1931 г. эмигрировал из СССР в Германию. Умер в г. Рейнбек (Reinbek).

[3] Kahle W. Geschichte der lutherischen evangelischen Gemeinden in der Sovet-union, 1917–1938. Leiden, 1974. S. 247–251.

[4] Юн Тунельд (John Tuneld 1872–1947) – шведский предприниматель. С 1912 г. жил в Санкт-Петербурге. В 1921–1924 гг. – представитель Красного Креста Швеции в Москве (фактически представитель Швеции в РСФСР и СССР до установления в 1924 г. дипломатических отношений). Меценат и покровитель шведской церкви в России. О его деятельности в России см.: Jangfeldt B. John Tuneld och svenska kyrkan i St. Petersburg // Det evigt mänsklighet / red. A. Bj rnsson. Stockholm, 1996. S. 141–170.

[5] Isberg A. Op. cit. S. 51–54, 135; Kahle. Op. cit. S. 247–251.

[6] ДАХО. Ф. 306. Оп. 1. Д. 13. Л. 124.

потому немецкого языка не понимают, ввиду чего мы желаем образовать независимую от немецкой евангелическо-лютеранскую общину со шведским богослужебным языком»[1]. В действительности в селе проживало шесть украинских семей Краковских и Рябовых и несколько смешанных шведско-немецких семей. И, что самое главное, взрослое население шведской колонии хорошо понимало немецкий язык. Прошение было рассмотрено положительно, и 26 мая 1923 г. шведский евангелическо-лютеранский приход Св. Иоанна был зарегистрирован. За одним небольшим исключением: ГПУ не утвердило кандидатуру Якоба Хуаса «как лица политически неблагонадежного» на должности старосты церковного совета[2]. Таким образом, нерешенная в Российской империи проблема была решена советской властью. Важную роль сыграло то, что советское законодательство предоставляло право членам религиозной общины самостоятельно решать принадлежность прихода. Однако была и другая причина. Так, украинские жители села Старошведское получили отказ в регистрации православного прихода[3]; была закрыта и переоборудована в кинотеатр главная Херсонская синагога[4]. Эти факты наводят на мысль, что, идя навстречу шведам, власть руководствовалась принципом *divide et impera*. Раздел прихода на шведскую и немецкую паству мог стать причиной эскалации конфликта. Таким образом, власть рассчитывала на общее ослабление позиций лютеранской церкви.

Как священнослужитель Хуас был лишен избирательных прав, потерял право на земельный надел и карточки на приобретение промышленных товаров[5]. Он не имел права покидать Херсонский округ без специального разрешения милиции[6]. Однако дискриминация священника мало отразилась на его финансовом и социальном положении. Как пастор Шведской церкви Хуас получал денежное содержание – 3000 рублей в год[7]. 18 сентября 1923 г. Старошведский сельсовет принял постановление выселить пастора Хуаса и его семью из церковно-приходского дома на основании того, что в этом же здании находится школа. Однако инициатива местной власти закончилась крахом. 5 января 1924 г. в сельсовет поступил секретный циркуляр

---

1 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1377. Л. 104.

2 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1362. Л. 1.

3 Там же. Оп. 6. Д. 39.

4 Sarwe W. Bland Rysslands folk: i missionens och R da Korsets tjänst 1882–1922. Del. 3. Gammalsvenskby. Stockholm, 1929. S. 250.

5 Utas J. Op. cit. S. 173.

6 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 156.

7 Для сравнения: годовая зарплата учителя Старошведской школы составляла в 1922 г. 360 рублей.

ГПУ с требованием отменить принятое ранее постановление. Чекисты сообщали, что «сведения о выселении пастора распространились в Швеции», и полпред СССР озабочен тем, что «этот факт может быть раздут шведской прессой не в нашу пользу»[1]. Как видим, внешнеполитический фактор сыграл решающую роль в конфликте шведского пастора и местной власти. Поражение сельсовета, безусловно, усилило авторитет священника среди местного населения. Член Одесского губернского бюро национальных меньшинств П. К. Гельбих отмечал: «...влияние пастора на деревенское общество велико... интереса к социалистическому строительству у жителей нет <...> молодежь находится под религиозным влиянием родителей и во время праздников школу не посещает»[2]. В 1929 г. в отчете руководству республики Херсонская власть признавала, что «заострить классовые отношения между шведами не удалось <...> так как пастор пользуется влиянием и улаживает все споры»[3].

В 1923 г. Хуас приступает к радикальной церковной реформе с целью унификации местной обрядовой традиции с современным шведским каноном. Вместо немецкого обряда вводится шведский порядок богослужения, крещения, конфирмации, венчания и погребения согласно нормам шведского церковного права (*svensk kyrkoordning*). Новый пастор стал служить в храме в яркой шведской ризе (*mässhake*). До этого священники прихода облачались в немецкие черные мантии (*talar*) и беффхен (*beffchen*). Старинные богослужебные книги были изъяты из употребления. Им на смену пришли шведская библия в редакции 1917 г. и книга псалмов в редакции 1819 г.[4] Большинство общины поддержало реформы, однако несколько смешанных шведско-немецких семей перешли под юрисдикцию немецкого прихода[5]. Новации вызвали протест части верующих, усмотревших, например, в новом облачении священника «чистый католицизм»[6].

---

[1] Гейко С. Факт может быть раздут // Гривна. Херсон, 20 июля 2007. С. 13. Валериан Савельевич Довгалевский (1885–1934) – украинский большевик, полномочный представитель СССР в Швеции в 1924–1927 гг.

[2] Акт обследования работы Старошведского сельсовета 2 мая 1928 г. // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 558. Л. 85–94.

[3] Информация Херсонского окрисполкома управлению делами СНК УССР. 16.02.1929 г. // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109. Л. 21.

[4] «Wallinska psalmboken» – книга псалмов, получившая свое название по имени составителя книги пастора Юхана Улофа Валлина (Johan Olof Walllin). Действовала в шведской церкви в 1819–1937 гг.

[5] Отметим, что попытка шведских пасторов ввести в начале XX в. в старошведской кирхе «Wallinska psalmboken» не увенчалась успехом. См.: Isberg, Alvin. 1982. S. 22–23.

[6] Utas, Jan. 1959. S. 173–174.

В 1926 г. пастор Хуас освятил новый молитвенный дом в поселке Ново-Шведский. Церковным старостой здесь назначили Якоба Хуаса, ранее не прошедшего проверку ГПУ. Органистом молитвенного дома был назначен Густав Хуас[1]. Таким образом, исторические для прихода задачи были решены в годы советской власти. Под контролем «богоборческой» власти Кристоффер Хуас не только создал самостоятельный шведский приход, но и расширил его административные границы. Как известно, в этот период в православной церкви при негласной поддержке ГПУ развивалось обновленческое движение[2]. Основной причиной успеха реформ Хуаса было то, что предпринятые пастором меры по модернизации лютеранской обрядности оказались в русле большевистских идей по созданию лояльных религиозных объединений.

1.5. Стратегия сопротивления. Массовая эмиграция 1929 года в Швецию

Программа коренизации была одной из многочисленных ударных компаний советского аппарата[3]. Отсутствие реальных достижений прикрывалось впечатляющей статистикой, например о 100-процентном охвате шведского населения национальными советами и школами. Спустя всего пять лет после старта кампании украинские большевики уже рапортовали об окончательном решении национального вопроса. В действительности все было по-другому. Окружной исполком Херсонского округа в секретной депеше республиканскому правительству сообщал, что реальных успехов социалистического строительства в шведской колонии нет[4].

Ключевым фактором относительной независимости шведской общины и ее сопротивления советизации стала гуманитарная помощь, регулярно поступавшая в колонию из Швеции в 1920-х гг. Только в 1926–1928 гг. колония получила от различных шведских организаций продовольственную помощь на значительную сумму в 14 602 рубля[5].

---

[1] Ann r W. H rt och sett i Sovjet-Ryssland. Stockholm, 1926. S. 163–166.

[2] Не случайно в заполненной членами шведского церковного совета регистрационной анкете содержался вопрос о принадлежности к обновленческому движению, на который шведами был дан стандартный ответ: «...как лютеранин стою в стороне [от] всяких движений в православной церкви» // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1377. Л. 132–142.

[3] Weinstein H. R. Language and Education in Soviet Ukraine // Slavonic Year-Book. 1941. Vol. 1. P. 131.

[4] Коник Ю. О. Реемiграцiя шведського населення Херсонського округу в 1929 р. За документами державного архiву Херсонської областi // Пiвденний архiв. Iсторичнi науки. Вип. 9. Херсон, 2002. С. 61.

[5] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 159.

На деньги Красного Креста и миссии КМА в селе работали медицинская амбулатория и детский сад. Когда местные власти потребовали от шведского прихода плату за аренду церкви, необходимую сумму в 3000 рублей выплатил меценат из Финляндии швед Улоф Юханссон (Olof Johansson)[1]. Когда в 1927 г. из-за отсутствия средств местные власти вынуждены были закрыть школу в поселке Ново-Шведский, на помощь вновь пришла Швеция. Национальное общество по сохранению шведского самосознания за границей (*Riksföreningen för svenskhetens bevarande i utlandet*) предложило выплачивать учительскую зарплату из своих фондов, на что согласилось руководство Херсонского округа[2]. В результате местные органы власти привыкли решать все проблемы деревни за счет Швеции. Когда из-за недорода 1927–1928 гг. шведы обратились с просьбой о снижении налогов, они получили отрицательный ответ райисполкома со следующей аргументацией: «...вы хотели автономии? Хотели. Теперь выполняйте все наши требования или убирайтесь к черту»[3]. Власть слишком поздно поняла собственную ошибку, признав, что «помощь из Швеции создала у шведского населения впечатление, что о них заботится только Швеция»[4].

Вторым по важности фактором стало образование в 1926 г. национального шведского сельсовета. Большевики наступили на собственные грабли: появление собственной, шведской администрации и отделение от немецких соседей способствовало дальнейшей консолидации шведской общины. Официальный статус шведского совета позволил колонистам выдвигать требования не от себя лично, а от имени местной власти. Коллективные петиции к правительству обсуждались на общих собраниях сельсовета и оформлялись как официальный акт местного органа власти. Перед поездкой в Москву депутаты общины К. Хуас и Ю. Бускас получили от сельсовета доверенность, в которой, в частности, говорилось: «...на основании протокола № 15 от 30 июня 1928 г. шведский сельсовет уполномочивает К. Хуаса и Ю. Бускаса представлять его интересы и вести переговоры по делу добровольной эмиграции шведских колонистов в Швецию»[5].

---

[1] Utas J. 1959. S. 180.

[2] Utas J. Op. cit. S. 181.

[3] Sarwe W. Bland Rysslands folk: i missionens och R da Korsets tjänst 1882–1922. Del. 3. Gammalsvenskby. Stockholm, 1929. S. 263.

[4] Попередні висновки про обстеження еміграційного руху серед шведів Старо-Шведської сільради Бериславського району Херсонської округи. 1928 г. Документ опубликован в кн.: Сергійчук В., Данильченко О. Земля, яка стала рідною // Нариси з історії Бериславщини. Вип. 3. Херсон; Берислав, 2003.

[5] Hoas K. Gammal-Svenskby. S. 48–49.

Неурожай 1927 г. стал причиной кризиса в селе. Весной 1928 г. засуха вновь уничтожила посевы, и жители села заговорили о надвигающемся на колонию голоде, возможно, равным голоду 1922 г. Все это проходило на фоне усиливающегося налогового пресса. Принципиальный налоговый инспектор Бериславского района товарищ Зубинский стал в среде колонистов притчей во языцех[1]. Весной 1928 г. для изучения ситуации из Москвы в колонию прибыл представитель шведского посольства О. Ульсон. (O. Ohlson). Советские органы власти считали, что шведский дипломат ведет агитацию в пользу эмиграции[2]. В действительности же Ульсон выступал против эмиграции сельчан в Швецию и склонялся к оказанию деревне разовой продовольственной помощи[3]. Инициатива эмиграции принадлежала самим колонистам. Более того, они начали обращаться в советские учреждения с просьбой об эмиграции еще до получения согласия шведской стороны. На вопрос представителя власти: «Есть ли у вас согласие Швеции?», колонисты наивно отвечали: «...письменного согласия нет, но какая мать не откроет объятия для своих детей»[4].

30 июня 1928 г. на общем собрании шведского сельсовета было принято первое коллективное обращение в СНК УССР об эмиграции. 13 июля 1928 г. три депутата: Юхан Бускас, Густав Хуас и Андреас Сигалет передали текст обращения украинскому правительству в Харькове. Документ был подписан 492 жителями сельсовета (практически всем взрослым населением). Адвокатская контора Берислава оказала колонистам помощь в грамотном составлении заявления[5]. Главной причиной эмиграции шведы называли несовершенство советской национальной политики:

> Мы напоминаем, что Старо-Шведское – единственная шведская колония в СССР. В последнее время нас стало беспокоить то, что наши дети не могут получить желаемого образования на родном языке. На первый взгляд, советское правительство предоставило национальным меньшинствам те же права, что и всем гражданам. Однако мы должны признать, что это не так. Мы не получили учебной литературы на нашем языке. Мы не получили учителя, способного работать в высших классах шведской школы. Признавая в целом хорошее отношение украинской республики к национальным меньшинствам, мы тем не менее вынуждены сами найти выход из сложившейся си-

1 Ibid. S. 40.

2 Коник. Реемiграцiя шведського населення Херсонського округу в 1929 р. С. 60.

3 Utas J. Op. cit. S. 178–179.

4 Sarwe. Bland Rysslands folk. S. 261.

5 Hoas K. Op. cit. S. 42.

туации. Поэтому от имени 240 шведских семей просим Вашего разрешения покинуть Украину и возвратиться в нашу собственную страну Швецию. Надеемся на бесплатную выдачу паспортов и справедливую оценку домов[1].

Республиканское руководство запаниковало. Покинуть страну собирались не отдельные семьи, а целый сельский совет, включая его беднейшие слои. В случае эмиграции Украина полностью теряла свое шведское меньшинство. Более того, мишенью критики колонистов была избрана национальная политика – гордость украинских большевиков. Спустя две недели после передачи обращения, 26 июля 1928 г. в Херсонский окружной исполком поступило распоряжение заместителя главы СНК УССР А. К. Сербиченко[2]. Украинское правительство категорически возражало против эмиграции старошведов и предписывало «в срочном порядке принять все необходимые меры для ликвидации напряженного положения в шведских поселках»[3].

Летом 1928 г. в колонию было направлено несколько групп агитаторов. Сначала агитацию вели коммунисты – жители соседних немецких сел Альфред Эйхорст (Alfred Eichorst) и Клара Невронис[4]. Затем из Москвы приехали шведы – студенты школ Коминтерна Пауль Сёдерман (Paul S derman), Эрик Карлссон (Erik Karlsson) и Андерс Густафссон (Anders Gustafsson)[5]. Их агитация также не дала результатов. Более того, в частных беседах Андерс Густафссон подтверждал, что «в Швеции, без сомнений, у вас будет лучшая жизнь, чем здесь, в России [sic!], но, пожалуйста, никому про это не говорите»[6]. Около трех месяцев в колонии работал сотрудник Херсонского исполкома Безбородко. Ему якобы удалось отговорить от эмиграции «9 русских [sic!] семей, которые живут среди шведов со дня их приезда в Россию»[7].

---

1 Цит. по: Utas J. Op. cit. S. 184.

2 Александр Калистратович Сербиченко (1890–1938) – украинский большевик, член РСДРП с 1907 г. В 1925–1933 гг. – заместитель председателя СНК УССР. 11.6.1933 г. выведен из состава членов ЦК КП(б)У и переведен на работу в РСФСР. Арестован НКВД 29.08.1937 г. Расстрелян 14.01.1938 г.

3 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 102. Л. 60.

4 Hoas K. Op. cit. S. 40.

5 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 172. В шведской колонии Пауль Сёдерман пользовался псевдонимом «товарищ Линдру», а Эрик Карлссон был известен как «Карл Юханссон».

6 Annas A. P. Livet i Gammalsvenskby. S. 43.

7 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109. Как видим, даже спустя десятилетие украинизации, местный чиновник видел в украинско-шведских колонистах «русских».

В июле 1928 г. колонию посетила первая правительственная делегация во главе с начальником отдела ГПУ УССР И. Ф. Слинько[1]. Он убеждал колонистов, что и в Швеции их дети не получат достойного образования и призывал их остаться дома: «Как вы можете уезжать сейчас в капиталистическую страну, когда Украина стала свободной?»[2] На отдельной встрече с бедняками Слинько пытался убедить последних, что таких льгот для батраков, какие существуют для них в советской державе, нет ни в одном государстве мира. Однако в частных разговорах украинский национал-коммунист выражал сочувствие шведам:

> Я украинец. Я отдал половину своей жизни борьбе за Украину, ее язык и культуру. Я понимаю ваши чувства. Я знаю, что шведская кровь проливалась за свободу Украины во времена Карла XII . И мы ценим этот вклад[3].

6 августа 1928 г. правительство УССР принял решение отказать жителям сельсовета в эмиграции на историческую родину. 10 августа устный отказ привезла в колонию делегация, в состав которой входили член Одесского губернского бюро национальных меньшинств П. К. Гельбих, первый секретарь Бериславского райкома партии товарищ Букалов и районный инспектор по делам национальностей товарищ Кикич[4]. Немецкий коммунист Гельбих начал свое выступление на немецком языке, но был остановлен возмущенными замечаниями шведов, что они не понимают немецкого языка. Тогда Гельбих, вынужденный продолжить свой доклад на ломаном русском языке, заявил следующее: «...я объездил весь свет и нигде не встречал подобного упрямого народа. Я ответственно заявляю вам, что даже если сам король приедет за вами, вы никуда отсюда не поедете. Это глупость – мечтать о стране, которую вы никогда не видели. Вы – украинские подданные, и украинское правительство отказало вам: “Идите и работайте”». На это колонисты ответили в стилистике советских лозунгов: «У нас теперь нет подданных, мы свободные граждане и имеем право на самоопределение»[5]. На вопрос Гельбиха о зачинщиках эмиграции им был получен грубый ответ: «Иди на кладбище и спроси наших предков, тех, кто лежит в земле! Это они, кто все начал!»[6] Таким образом, разговор представителя ЦКНМ со шведами приобрел

---

[1] Иван Федотович Слинько (?–1937) – украинский большевик, сотрудник центрального аппарата НКВД УССР. Расстрелян в октябре 1937 г.

[2] Utas J. Op. cit. S. 180.

[3] Hoas K. Op. cit. S. 44.

[4] Ibid. S. 42–43.

[5] Sarwe. Bland Rysslands folk. S. 254–255.

[6] Ibid. S. 255

острый характер. Шведы закономерно требовали письменного отказа с точной формулировкой причин. Гельбих туманно отвечал, что письменной версии еще не получено[1]. На вопрос о причинах эмиграции, колонисты отвечали:

> Мы здесь заброшены. Никто (из органов власти. – *А. К.*) не знает шведского языка. Мы не можем учить родных детей на шведском языке, а в Швеции мы сможем сами учиться и своих детей выучить. А здесь мы теряем свой язык. Наши дети не знают ни русского, ни немецкого, ни украинского языков. Мы довольны Советской властью, но разрешите нам выехать на свою Родину.

Учитель Густав Утас подчеркивал, что в СССР отсутствует учебная литература на шведском языке. Учитель Петтер Мальмас замечал: «Положение наших детей плачевно. Изучая шведский язык, они не имеют возможности продолжить свое образование, так как учебных заведений на нашем шведском языке нет».

На претензии преподавателей была получена невнятная реплика Букалова: «...учебники и подготовка новых штатов учителей является главными отраслями нашей дальнейшей работы». В результате горячей дискуссии общее собрание сельсовета в присутствии высоких чиновников демонстративно проголосовало за «продолжение работы по эмиграции»[2]. Таким образом, в переговорах с советской властью была выбрана замечательная стратегия. Старошведы знали, что эмиграция из СССР формально не запрещена, и требовали юридического оформления своих отношений с властью. Упор делался на проблемах национального развития при демонстрации общей лояльности советской власти.

Через два дня после отъезда делегации из колонии общее собрание сельсовета утвердило новое обращение к украинскому правительству, текст которого доставили в Харьков шесть депутатов сельсовета. Обращение от 19 августа 1928 г. подписали 368 жителей колонии. В нем были такие простодушные строки:

> Как подтверждение возрождения украинской культуры и языка и светлой памяти Ленина – величайшего борца за свободу, мы, шведы, просим удовлетворить наше желание воссоединиться со своей Родиной. Все в природе подчиняется физическим законам. Капля воды уходит в море, и только там, в материнских объятьях, она находит свой покой. Так и мы, небольшая группа шведов, выселенных в чужую землю, стремимся обратно на свою землю, чтобы воссоединить-

---

[1] Конституция СССР (как и УССР) не запрещала выезд советских граждан за границу.

[2] Протокол заседания Старошведского сельсовета № 16 за 14.08.1928 // ДАХО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 31.

ся со своими сородичами. Затаив дыхание, мы слушаем голос нашей старшей сестры Украины, освобожденной из тысячелетней спячки: Я свободна и вы свободны. Я не хочу держать вас дальше. Идите туда, где вы надеетесь встретить свое счастье[1].

1 сентября 1928 г. в колонию с неофициальным визитом прибыл начальник секретно-оперативного управления ГПУ УССР Карл Карлсон[2]. В разговорах со шведами высокопоставленный чекист пытался выяснить, от кого исходила инициатива эмиграции. Бывший красный стрелок признался колонистам, «что он латышского происхождения (хотя по его произношению и так было ясно, что он не русский). Он сказал нам, что его иногда тянет в Латвию повидать родственников и друзей, но, как только он подумает о капитализме, желание пропадает»[3]. 13 сентября 1928 г. в колонию приехала новая правительственная комиссия, в состав которой вошли заместитель главы ЦКНМ Ян Саулевич и работник центрального аппарата ГПУ УССР И. Ф. Слинько. На этот раз власть отказалась от давления и забросала шведов заманчивыми предложениями, обещая, что «отныне все будет по-другому». Общине пообещали постоянное представительство в ВУЦИК, национальную среднюю школу, новую больницу с современным оборудованием, списание всех долгов. Однако общее собрание сельсовета вновь в присутствии чиновников проголосовало за эмиграцию[4]. Сентябрьская комиссия констатировала провал национальной политики и бездействие местных властей. Причиной эмиграционных настроений назвали«классовое деление села», которое «было смазано в угоду усиления единого национального фронта»: «Если бы удалось расколоть село на враждебные лагеря, вопрос об эмиграции не стоял бы. А так пастор и кулаки консолидировали село на национальной основе». Районная и окружная власти обвинялись в неправильном подходе к колонии как кулацкому поселению и налоговом давлении, в отсутствии работников, владеющих шведским языком, отмечалась тенденция некоторых местных работников к онемечиванию шведов, а также отсутствие шведов в представительных органах украинской власти. Главной ошибкой местной власти комиссия назвала «допуск безоговорочной и бесконтрольной работы в колонии Шведского Крас-

[1] Sarwe. Op. cit. S. 256–257.

[2] Карл Карлсон (1888–1938) – родился в Риге, в латышской семье. Член РСДРП с 1906 г. В 1925–1929 гг. – начальник секретно-оперативного управления ГПУ УССР. Расстрелян 22.04.1938 г. в Москве.

[3] Hoas K. Op. cit. S. 43.

[4] Utas J. Op. cit. S. 186–191.

ного Креста и его уполномоченного пастора, а также деятельность других шведских организаций»[1].

ГПУ УССР посчитало запрет эмиграции оправданной мерой, принятой во избежание роста эмиграционных настроений, и призвало окружной исполком создать в селе «условия, которые могли бы повлиять на ликвидацию этих настроений»[2]. Осенью 1928 г. власти Херсонского округа впервые оказали значительную материальную помощь колонии. Была оснащена медицинская амбулатория, взята на районный бюджет и обустроена изба-читальня, организовано детское питание, часть бедняков устроили на временные работы на заводы Херсона. Однако было поздно. В начале октября 1928 г. в колонию поступила очередная гуманитарная помощь из Швеции – 1000 пудов пшеницы[3]. В результате 25 октября 1928 г. колонисты отказались сеять озимые культуры и засеяли поля частично только после давления властей[4]. Вышестоящие органы власти констатировали: «Старо-Шведский сельсовет не выполняет распоряжения вышестоящих органов Советской власти о лесонасаждениях, борьбе с сусликами и т. п. Беднота занимает деньги у кулаков, обещая вернуть их в Швеции»[5].

17 октября 1928 г. в СНК УССР поступило третье коллективное обращение колонистов, заверенное 394 подписями жителей села. (Около 100 человек, разуверившихся в успехе затеянного предприятия, не подписали обращение.) Старошведы благодарили за посещение села правительственной комиссией, но напоминали, что они попрежнему ожидают ответа. Стратегия лидеров общины в переписке с республиканскими органами власти заключалась в стремлении вызвать симпатию украинских патриотов[6]. Поэтому текст петиции был полон витиеватыми комплиментами в адрес украинской культуры, цитатами из советских газет и ссылками на исторический союз Швеции и Украины. Обращаясь к образам варягов и солдат Карла XII, авторы подчеркивали вклад шведов в дело освобождения Украины «от оков отпрысков Екатерины» и просили отблагодарить их «великодушным актом возвращения ... в лоно общей родной семьи»[7]. В написанной от третьего лица петиции, изобиловавшей многочисленны-

---

[1] Попередні висновки про обстеження еміграційного руху серед шведів Старо-Шведської сільради.

[2] ДАХО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 102. Л. 61.

[3] Там же. Ф. 311. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

[4] Там же. Ф. 2. Оп. 4. Д. 109. Л. 21.

[5] ДАХО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 40. Л. 34.

[6] Malm G. Svenskbyborna: en redog relse. Stockholm, 1939. S. 47–48.

[7] Заявление граждан населенных пунктов Старо-Шведского сельсовета, Бериславского района, Херсонского округа в Совнарком Украины. 17.10.1928 г. // ДАХО.

ми орфографическими и лексическими ошибками, обусловленными влиянием на русский язык колонистов украинского языка, в частности, говорилось:

> Пребывание их на Украине не прошло бесследно, за гостеприимство и приют они оставляют вам высокий идеал, так любить Украину, как они любили Швецию, сохранив за 146-летнее пребывание на чужбыне язык и культуру, обычаи, нравы и традиции предков. Любите Украину, ибо «кохання к рідний мати» есть залог светлой будущности и могучества, и силы, и славы, и защиты, и процветания, и развития украинского народа... В виду вышеизложенного еще имеем честь просить Совнарком, если это еще не сделано, вступить в переговоры с Шведским правительством, и затем ускорить ответ[1]. Мы уповаем, что Совнарком отклыкнется сочувственно к нашему обращению о разрешении выезда в Швецию... что послужит укреплением дружественных отношений и смычкой [sic!] между обоими народами.

В начале ноября 1928 г. пастор Хуас и колонист Юхан Бускас выехали через Москву в Швецию по приглашению директора шведского центра по изучению диалектов Хермана Гейера[2]. Власти Херсонского округа выдали им паспорта и не возражали против поездки, рассчитывая, что отъезда пастора ослабит позицию сторонников массовой эмиграции. Однако все произошло с точностью до наоборот. Идея Хуаса заключалась в налаживании сотрудничества с влиятельной американской организацией «Джойнт»[3]. С 1924 г. дочерняя корпорация «Агро-Джойнт» занималась созданием в СССР еврейских земледельческих колоний. «Джойнт» осуществлял серию инвестиционных проектов на Украине, а также играл до 1933 г. роль неофициального представительства США в СССР. Выходцы из украинской провинции использовали свои земляческие связи. В Москве Хуас и Бускас встретились с заместителем корпорации «Агро-Джойнт» С. Е. Любарским, уроженцем Херсонской губернии[4]. Как представитель украинского отделения «Джойнта» Любарский лично выезжал в Бериславский район и

Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 526. Л. 106–107. Фрагмент цит. по: Коник Ю. О. Реемiграцiя шведського населення Херсонського округу в 1929 р. С. 63–64.

[1] Колонисты, по-видимому, не знали, что внешняя политика находится в компетенции союзного правительства.

[2] ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109. Л. 21; Херман Гейер (Herman Geijer) (1871–1943) – шведский лингвист. Основатель и первый директор центра по изучению шведских диалектов «ULMA» при университете Упсалы.

[3] Hoas K. Op. cit. S. 46.

[4] Самуил Ефимович Любарский (1878–1938) – родился в г. Александрия Херсонской губернии. Окончил агрономическое отделение Киевского политехнического института. В 1922–1925 гг. – представитель американской корпорации «Джойнт» в УССР.

прекрасно знал расположение шведской колонии. Он согласился купить земли и дома шведской колонии и обещал поддержку «Агро-Джойнта» в деле эмиграции старошведов. Другим контактным лицом шведов в Москве была председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) О. Д. Каменева – дочь еврейских колонистов Херсонской губернии[1]. Встретиться с Ольгой Каменевой Хуасу и Бускасу не удалось, однако они оставили письменное прошение с просьбой об эмиграции заведующему отделом скандинавских стран ВОКС, который обещал передать документ О. Д. Каменевой и наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину[2]. Таким образом, лидеры шведской общины сыграли на конфликте интересов союзных и республиканских учреждений и обрели влиятельных сторонников своего плана в столице.

В конце декабря 1928 г. К. Хуас и Ю. Бускас прибыли в Швецию. 18 января 1929 г. состоялась их первая встреча с министром социальной политики Швеции Свеном Любеком, поддержавшим идею эмиграции[3]. Началась кропотливая работа по лоббированию проекта. За 8 месяцев 1929 г. Хуас, Бускас и их секретарь Федор фон Кизерицкий написали около 2000 писем (в среднем по 10 писем в день) учреждениям, организациям и частным лицам Швеции[4]. Поддерживая таким образом постоянный контакт с селом, пастор из Скандинавии продолжал руководить действиями колонистов, информируя их обо всех шагах правительства Швеции. Формулой борьбы за эмиграцию стал девиз: все или никто[5].

16 февраля 1929 г. заместитель председателя Херсонского окружного исполкома тов. Грушевенко сообщил в управление делами СНК УССР, что «эмиграционные настроения пустили свои корни так глубоко, что во время перевыборов сельсовета колонисты голосовать не хотели и одобрили только один пункт повестки – об эмиграции»[6]. В

В 1926–1937 гг. (с перерывом из-за ареста в 1930 г.) – шеф московского офиса «Агро-Джойнт». Арестован НКВД 27.03.1938 г. Расстрелян 1.09.1938 г.

[1] Ольга Давыдовна Каменева (урожденная Бронштейн, 1881–1941) – родная сестра Льва Троцкого. Первая жена Льва Каменева. Расстреляна НКВД 1.09.1941.

[2] Hoas K. Op. cit. S. 46–47.

[3] Свен Любек (Sven L beck) (1877–1941) – правый шведский политик. В 1928–1930 гг. – министр социальной политики Швеции.

[4] Федор фон Кизерицкий (Fjodor von Kieseritzky) (1901–1946) – родился и вырос в Российской империи, в дворянской семье балтийских немцев. В 1917 г. выехал в Швецию. Окончил университет Упсалы. Лингвист-ориенталист. Преподаватель Упсальской технической школы. Был женат на дочери пастора К. Хуаса Анне Марии Хуас.

[5] Hoas K. Gammal-Svenskby. S. 49.

[6] ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109.

результате 25 февраля 1929 г. в сельсовет пришла телеграмма за подписью секретаря управления делами СНК УССР Ю. Э. Яворского, в ней сообщалось, что украинское правительство не возражает против эмиграции старошведов в Швецию[1]. Решение украинского правительства было половинчатым: желающим выехать в Швеции предлагалось подавать индивидуальные заявления; за оформление паспорта взимался огромный сбор в 230 рублей. Для предотвращения всплеска эмиграционных настроений местные власти должны были обеспечить «широкое неразглашение дела»[2]. Как это можно было сделать в районе компактного расселения бывших иностранных колонистов, не пояснялось. Смешанным – немецко-шведским и украинско-шведским – семьям в выезде было отказано[3]. Такой ответ не устроил старошведов, настаивавших на одновременном выезде из страны всех жителей колонии. Ответная реакция общины была мгновенной. 28 февраля 1929 г. в земельный отдел райисполкома поступило коллективное заявление населения колонии (492 подписи) об отказе от получения весеннего посевного фонда и нежелании засевать поля. Дети колонистов перестали посещать школу[4].

22 февраля 1929 г. на заседании парламента и правительства Швеции было принято решение разрешить херсонским шведам въезд в страну[5]. Через две недели колонисты получили письмо из Швеции, сообщавшее об этом, радостном для них решении, а 25 марта 1929 г. в земельный отдел Бериславского райисполкома поступило коллективное заявление колонистов об отказе от земельных наделов[6]. 25 апреля 1929 г. Херсонский окружной исполком в срочной депеше СНК УССР просил дать инструкцию по делу шведских колонистов, которые шантажировали советскую власть. Колонисты требовали выдачи бесплатных паспортов, немедленной отправки их поездом по маршруту Херсон–Таллин, обеспечение во время пути бесплатным питанием. С нескрываемым раздражением исполком писал:

> Требования шведов растут. Они постоянно приезжают в исполком, и все время с новыми требованиями. Округ выступает категорически против выдачи кулакам бесплатных паспортов. Шведы недовольны и говорят: «...наше правительство [sic!] с вашим договорилось, а вы

---

1 Юрий Эразмович Яворский (1890–1970) – родился в Николаеве в дворянской семье, украинец. Член ВКП(б) с 1920 г. В 1925–1931 гг. – секретарь управления делами СНК УССР. 30.07.1937 г. арестован НКВД. Приговорен в 1940 г. к 8 годам лагерей.

2 ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109. Л. 22.

3 Utas J. Op. cit. S. 191.

4 Коник Ю. О. Реeміграція шведського населення Херсонського округу в 1929 р. С. 62.

5 Malm G. Svenskbyborna: en redog relse. S. 272.

6 ДАХО. Ф.-311. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

тормозите отъезд. Придется нам избрать путь, которым ехали наши предки, сядем и поедем на Пасху в Швецию подводами»[1].

13 марта 1929 г. в колонию прибыл заведующий административным отделом Херсонского исполкома товарищ Зеленников. На общем собрании сельсовета он заявил, что запрет на коллективный выезд является окончательным, и что эмиграция разрешена исключительно для граждан шведской национальности. По словам чиновника, «...каждый гражданин-швед, желающий выехать в Швецию, должен будет подать индивидуальное заявление. Паспорта будут выдаваться по мере поступления заявлений»[2]. Таким образом, республиканское правительство рассчитывало избежать внутриполитического скандала, связанного с коллективным выездом всей шведской общины за границу. Стратегия украинского руководства заключалась в задержке индивидуальной выдачи дорогостоящих паспортов в надежде на отказ части колонистов от эмиграции[3]. Однако из-за вмешательства союзного руководства и Швеции этим планам не суждено было сбыться.

6 июня 1929 г. в Москве на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) принимается решение о незамедлительной эмиграции всех жителей шведской колонии в Швецию. Доклад по вопросу повестки заседания «О шведских переселенцах» подготовили М. М. Литвинов и Я. Э. Рудзутак[4]. В результате обсуждения было принято решение откликнуться на просьбу Швеции и выпустить шведских колонистов из страны[5]. Позиция украинского руководства была проигнорирована. 12 июня 1929 г. первый секретарь Бериславского райкома партии Букалов прибыл в колонию и неожиданно сообщил, что правительство СССР разрешило общий выезд колонистов по бесплатным коллек-

[1] Докладная записка председателя Херсонского окружного исполкома тов. Закодырина СНК УССР от 25.04.1929 г. // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 109. Л. 33–33 об.

[2] ДАХО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 40. Л. 33.

[3] Оформление одного паспорта стоило в 1929 г. 240 рублей. В то же время проданные при отъезде в Швецию каменные дома колонистов были оценены государством и проданы по средней цене в 450 рублей.

[4] Ян Эрнестович Рудзутак (J nis Rudzutaks) (1887–1938) – родился в крестьянской семье в Курляндии, латыш. Член РСДРП с 1906 г. В 1926–1932 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован НКВД 24.05.1937 г. Расстрелян 29.07.1938 г.; Максим Максимович Литвинов (Meir Mojszewicz Wallach-Finkelstein) (1876–1951) – родился в семье польских евреев. Член РСДРП с 1898 г. В 1920 г. – полпред СССР в Эстонии. В 1921–1930 гг. – народный комиссар иностранных дел СССР.

[5] Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 696–697; Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 34–35.

тивным паспортам. Оплату виз в Швецию, транспортных расходов и питания брал на себя Красный Крест Швеции[1].

Пограничный и таможенный контроль колонисты проходили в Херсонском морском порту. В надежде выехать в Швецию вместе со всеми отъезжающими в порт приехали также украинско-шведские и немецко-шведские семьи. Однако, несмотря на наличие у них паспортов и виз в Швецию, они были остановлены пограничной службой. 22 июля старошведы под пение религиозных псалмов покинули СССР на турецком пароходе «Firuzan», взяв курс на румынский порт Констанца. Провожающие – родственники и соседи – падали на берегу в обморок, один человек умер от сердечного приступа. В долгой дороге через Центральную Европу колонистов сопровождала шведская делегация из 12 человек, специально выехавшая на Украину для встречи херсонских шведов. В состав делегации входили сотрудники Красного Креста, два врача, четыре медсестры и журналисты ведущих шведских газет[2].

1.6. Заключительные замечания

Отработанная в течение предыдущих столетий шведскими крестьянами стратегия сопротивления в форме письменного коллективного протеста оказалась успешной. Отметим несколько ключевых факторов. Во-первых, коллективный характер требований колонистов. Петиции к правительству подписало практически все взрослое население колонии. Во-вторых, настойчивый характер действий колонистов. В течение четырех месяцев делегаты общины, несмотря на отказы, составляли и вручали правительству УССР новые коллективные заявления об эмиграции. Не жалея средств, община направляла своих депутатов в Херсон, Харьков, Москву и Стокгольм для лоббирования вопроса. В-третьих, отметим легальный характер требований общины, оформленных от юридического лица местного органа власти. В-четвертых, подчеркнем радикализацию протеста, которая нашла свое выражение в отказах колонистов от земли, посевного фонда и школы.

Практика сопротивления старошведов показала, что провинциальные крестьяне достаточно хорошо ориентировались во внутриполитической обстановке СССР. Колонисты удачно использовали идеи украинского национализма, конфликт интересов республиканского и союзного руководства, заинтересованность в этом деле влиятельной корпорации «Агро-Джойнт». Наконец, решающую роль сыграло

---

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 172.

[2] Annas J. Den stora och l nga resan hem till Sverige // En bok om Estlands svenskar. Del. 3 B / red. E. Lagman. Stockholm, 1990. S. 105–113.

вмешательство правительства Швеции, подержавшего идею об эмиграции. Тем не менее без активной позиции старошведской общины подобное вмешательство вряд ли бы произошло.

Рассмотренный материал подтверждает исходную гипотезу о гибкости и вариативности советской политики сталинского периода. Например, жесткая религиозная политика власти по отношению к одним конфессиональным группам сочеталась с серьезными уступками шведским лютеранам. Как объясняются данные различия? На мой взгляд, уступки отражали неспособность советской власти диктовать свои условия богатой и сплоченной общине украинских шведов. Экономически независимые крестьяне, с хорошо отлаженными связями со Швецией и высоким уровнем солидарности были группой населения, требующей от власти постоянного диалога. Массовые эмиграционные настроения в бывших иностранных колониях Херсонского округа вынуждали местную власть проявлять крайнюю осторожность, тем более что центральные органы постоянно требовали преодоления эмиграционных настроений[1]. С этой точки зрения шведские поселения находились в привилегированном по сравнению с окружающими украинскими селами положении. Наши источники подтверждают выводы американской исследовательницы Кейт Браун о том, что национальная политика (или точнее различные стратегии национальной политики) большевиков демонстрировала не силу, а слабость позиций советской власти в национальных районах УССР[2].

Важным мотиватором толерантности советского государства был внешнеполитический аспект. Сталинское руководство было заинтересовано в создании за рубежом позитивного мнения о правах этнических меньшинств и свободе вероисповедания в СССР. По этой причине центральная власть остановила санкционированное местными органами власти выселение пастора из здания церковноприходской школы. В 1926 г. село посетил правый шведский политик Вильгельм Аннер, который был впечатлен религиозной свободой советских шведов[3].

Эмиграционные настроения украинских шведов, с одной стороны, питала атеистическая пропаганда, с другой – проведенная при благосклонном отношении советской власти церковная реформа, которая позволила украинским шведам еще в СССР стать полноправными членами национальной Шведской церкви. Этот факт, безусловно,

---

[1] Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів / кер. кол., упоряд. Л. В. Яковлева. Київ, 1994. С. 6–8.

[2] Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge; MA: Harvard University Press, 2004.

[3] Ann r W. H rt och sett i Sovjet-Ryssland. S. 163–166.

способствовал быстрой интеграции херсонских эмигрантов в шведское общество.

Результаты советской политики коренизации продемонстрировала проведенная в Швеции проверка знаний учащихся старошведской школы. Дети показали хорошие знания устного и письменного шведского языка. Инспекция также отметила владение детьми украинским языком[1]. Благодаря политике коренизации часть старошведов в Швеции стала идентифицировать себя с Украиной, а не, как это было раньше, с Россией. Тем не менее первая попытка советской власти изменить традиционный быт и культуру шведских колонистов не увенчалась успехом. 20 июля 1929 г. в шведской церкви состоялась последняя служба. С разрешения советской власти были сняты и вывезены в Швецию колокола и церковная утварь. 23 июля 1929 г. община херсонских шведов выехала в Швецию.

---

[1] Thom e P. Redog relse f r skolan vid Svenskbyf rläggningen i J nk ping läs ret 1929–1930 // Berättelse ver Gammalsvenskbykommitt ns verksamhet. Stockholm, 1930. Bilaga 4, 5.

ГЛАВА 2. КРАСНОШВЕДСКИЙ ПРОЕКТ, 1929–1933 гг.

*Snart dagas det bröder se Östern i guld!**
Лозунг компартии Швеции на первомайской демонстрации 1931 г.

2.1. Основные политические акторы: Коминтерн, компартия Швеции и советское правительство

В 1926 г. для обеспечения связей с коммунистическими партиями Скандинавии, отслеживания положения в коммунистических партиях северных стран и контроля над выполнением решений Коминтерна в структуре ИККК был создан «Секретариат скандинавских стран» (*Skandinaviska ländersekretariatet*). Просуществовавший до 1935 г. секретариат скандинавских стран (известный также как скандинавский лендерсекретариат) был инструментом контроля Коминтерна над коммунистическими партиями Швеции, Норвегии, Дании и Исландии[1].

Эмиграция старошведов на историческую родину совпала с крупнейшим в истории коммунистической партии Швеции расколом. Диктат Коминтерна стал одной из главных причин конфликта внутри руководства коммунистической партии. Внутрипартийная борьба имела катастрофические последствия для коммунистического движения Швеции. Осенью 1929 г. компартия Швеции раскололась на две враждующие группировки. Тысячи рабочих вышли из партии. Лидер верной Коминтерну фракции Хюго Силлен (Hugo Sill n) сохранил только 4000 членов из 16-тысячной Коммунистической партии Швеции[2]. Большинство членов компартии после-

---

* Скоро, товарищи, в золоте мы увидим Восток! (*шведск.*).

[1] Bj rlin L. F r svensk arbetarklass eller sovjetisk utrikespolitik? Den kommunistiska r relsen i Sverige och f rbidelserna med Moskva 1920–1970 // Sovjetunionen och Norden: konflikt, kontakt, influenser / red. S. Junger, B. Jensen. Helsingfors, 1997. S. 214.

[2] Kennerstr m B. Sprängningen av Sveriges Kommunistiska Parti 1929// Fr n SKP till VPK – en antologi / red. S. Olsson. Lund, 1976. S. 82–105; Gogman L. I skuggan av Stalin. Lokala konsekvenser av 1929 rs sprängning av Sveriges Kommunistiska Parti. Stockholm: Stockholm University, 1991. S. 2–13; Bolin J. Parti av ny typ? Skapandet av ett svenskt kommunistiskt parti 1917–1933. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2004. S. 368–369.

довали за Карлом Чильбумом (Karl Kilbom) и основали независимую от Коминтерна Коммунистическую партию Швеции (*Sveriges kommunistiska parti*). Москва обвинила ее лидеров в раскольничестве, партия была исключена из Коминтерна. Тем не менее именно она сохранила контроль над большинством коммунистических изданий Швеции, профсоюзами и фракцией из 8 депутатов парламента[1]. Ее конкурент Коммунистическая партия Швеции в составе Коминтерна (*Sveriges kommunistiska parti, Sektion av Komintern*) под руководством Силлена потеряла единственное партийное издательство «Фрам» (*«Frams Förlag»*), центральный партийный орган *Folkets Dagblad Politiken*[*], региональные газеты, влияние в большинстве профсоюзов и лишилась всех депутатских мандатов в парламенте Швеции.

Маргинализация коммунистического движения стала серьезным вызовом для руководства Коминтерна и верной ей Коммунистической партии Швеции (далее – ШКПК). Используя финансовую помощь из Москвы, ШКПК удалось восстановить утраченную материальную базу. В конце 1929 г. партия начинает выпуск собственного теоретического журнала «Kommunistisk Tidskrift»[**]. В 1930 г. открывается новое партийное издательство «Arbetarkultur»[***]. В этом же году начинается издаваться центральный орган печати партии, ежедневная газета «Ny Dag»[****], а также женский журнал «Arbetar-Kvinnornas Tidning»[*****]. С 1931 г. иллюстрированный журнал о Советском Союзе запускает близкое к партии Общество друзей СССР (*Sovjet-unionens vänners förbund*). ШКПК удается сохранить контроль над крупнейшей на севере Швеции газетой «Norrskensflamman»[******], газетой южной Швеции «Kalmar läns Kuriren»[*******] и молодежным журналом «Stormklockan»[********].

В январе 1930 г. по приглашению секретариата скандинавских стран делегация ШКПК в составе десяти человек приехала в Москву для обсуждения с руководством ИККИ путей выхода из кризиса. Шведскую сторону возглавляли Свен Линдерот (Sven Linderot)

---

[1] В годы Второй мировой войны эта партия, известная как Социалистическая партия Швеции, занимала крайне правые, националистические позиции, сотрудничала с нацистской Германией.

[*] Народный политический ежедневник (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[**] Коммунистический журнал (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[***] Рабочая культура (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[****] Новый день (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[*****] Работница (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[******] Северное сияние, всполох полярного сияния (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[*******] Курьер округа Кальмар (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

[********] Время штурма (*шведск.*). (*Прим. ред.*)

и Пауль Тунель (Paul Thunell). Руководство Коминтерна представляли члены ИККИ – большевик Осип Пятницкий (Иосиф Таршис), основатель коммунистической партии Финляндии Отто Куусинен (Otto Kuusinen) и видный немецкий коммунист Вильгельм Пик (Willhelm Pieck). Кроме них на переговорах присутствовали руководитель скандинавской секции КУНМЗ, видный теоретик коммунистического движения, финский швед Аллан Валлениус (Allan Wallenius), лидер коммунистической партии Норвегии Педер Фурубот (Peder Furuboth) и немецкий коммунист Ханс Пфайффер (Hans Pfeiffer).

По мнению руководства Коминтерна, главной причиной кризиса ШКПК было то, что она действовала как социал-демократическая партия – «в отрыве от масс», – работая исключительно с городским пролетариатом и игнорируя интересы беднейшего крестьянства, потенциального союзника рабочего класса. Встречное замечание шведской делегации о том что крестьянство Скандинавии никогда не находилось под влиянием социалистических идей, не было принято во внимание Коминтерном. Шведской компартии было поручено начать работу среди сельского населения в кратчайшие сроки. Из Москвы в Стокгольм шведская делегация везла резолюцию ИККИ, в которой, в частности, говорилсь:

> Аграрный вопрос партией не решался. Причинами этого является то, что партия не имеет достаточных сил и что члены партии не понимают в достаточной степени важности аграрного вопроса. Партия должна создать аграрную программу и на ее основании приступить к активной работе среди сельскохозяйственных рабочих и мелких фермеров[1].

По воле случая находившиеся на тот момент в Швеции херсонские крестьяне являлись идеальной площадкой для агитационной работы среди крестьянского населения. Неформальным инициатором Красно-Шведского проекта был директор библиотеки Коминтерна Аллан Валлениус, который принадлежал к числу наиболее образованных коммунистов Скандинавии. В Швеции регулярно публиковались его статьи и книги по вопросам социалистического строительства и истории партии[2]. Как руководитель скандинавской секции КУНМЗ Валлениус долгими ночами обсуждал со

[1] Lundberg U. En fokusering och tre punkter – en studie av SKP:s f rs k att vinna arbetarklassen t kommunismen under perioden 1929–1935. Stockholm: Stockholm University, 1994. S. 36–40.

[2] Mustelin O. Allan Wallenius – biblioteksman, publicist och revolutionär // Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 1984. № 59. S. 269–389.

шведскими студентами и стажерами прекрасное будущее шведской коммуны на Украине[1].

Архивные материалы по деятельности ШКПК в 1930-е гг. фрагментарны. Причин этому несколько. Во-первых, после раскола 1929 г. партия превратилась в маргинальную политическую силу. Например, столичная организация ШКПК насчитывала в 1930–1932 гг. не более 500 членов. У такой маленькой группы возникли сложности с организацией архивной работы. Ряд партийных документов был переправлен в Москву в архив Коминтерна. Некоторые документы были конфискованы шведской тайной полицией (*Statspolisen*) в годы Второй мировой войны. Однако на основании сохранившихся протоколов можно сделать вывод о том, что в 1930–1931 гг. дело шведских колонистов заняло важное место в текущей политике партии.

Эмигрантами непосредственно занимались 6 из 15 членов Политбюро партии, в том числе лидеры партии Хуго Силлен и Свен Линдерот (Sven Linderot). Для организации работы со старошведами Политбюро ШКПК назначило 23 февраля 1930 г. двух опытных пропагандистов члена ЦК партии Виктора Нильссона (Viktor Nilsson) и Каспера Густафссона (Kasper Gustafsson)[2]. В пику «Gammalsvenskbykommitt n» был создан «Рабочий комитет по делам шведского поселения» (*Arbetarnas Svenskbykommitté*). В него вошли Каспер Густафссон, Хильмер Фредрикссон (Hilmer Fredriksson), Карл Бенгтссон (Carl Bengtsson) и Гуннар Седин (Gunnar Sedin). Члены комитета вели активную переписку со шведскими властями и занимались агитационной работой во временном лагере украинских шведов в Йёнчёпинге. Когда первая группа колонистов, желающих вернуться в СССР, выехала в Стокгольм, партия предоставила ей помещение для проживания.

По поручению Политбюро среди колонистов были отобраны подходящие кандидаты для агитационной работы и активисты женского движения[3]. Вольдемар Утас, Петтер Кнутас, Юхан Кнутас и Ирья Бускас выступали на собраниях и митингах ШКПК с рассказами об успехах социалистического строительства и своем желании вернуться

---

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 284. Гальстрём Бирн.

[2] Politbyr m tet. Protokoll № 7. Den 23 februari 1930. S. 4 // Arbetarr relsens arkiv (Архив рабочего движения Швеции, ARAB). Vänsterpartiet Kommunisterna. Protokoll politbyr 1927–1931. Vol. A 3:1. RE 5/1. Виктор Нильсон – член ШКПК, автор работ по истории крестьянского вопроса в России. После 1953 г. – один из лидеров маоистского движения в Швеции (ARAB. Handlingar fr n KFML. UA 15/06. Vol. 1–3).

[3] Politbyr m tet. Protokoll № 7. Den 23 februari 1930. S. 4; Protokoll ver Politbyr ns sammanträde fredagen den 30 januari 1931. S. 2–3 // Arbetarr relsens arkiv. Vänsterpartiet Kommunisterna. Protokoll politbyr 1927–1931. Vol. A 3:1. RE 5/1.

в СССР[1]. При поддержке шведского общества пацифистов (*Svenska Freds-och Skiljedomsföreningen*) участник Первой мировой войны Кристоффер Матссон Утас отправился в турне по Швеции с лекциями на антивоенную тематику[2]. Однако по требованию Комитета по делам Старошведского поселения проведение лекций было запрещено. Участие старошведов в различных пропагандистских компаниях левых сил раздражало буржуазное правительство Швеции. Правые газеты называли агитаторов агентами ВЧК. Комитет по делам Старошведского поселения видел будущее старошведов исключительно на земле. Директор комитета Ёста Мальм (G sta Malm) так объяснил Кристофферу Матссону Утасу причину запрета лекций: «Для нас главной целью является то, что Вы через практику на шведских фермерских хозяйствах подготовите себя к работе на земле и станете полноправным шведским крестьянином»[3].

Материалы о старошведах стали регулярной темой левой прессы Швеции и играли важную роль в дебатах коммунистов с журналистами буржуазных средств массовой информации. 23 января 1930 г. Политбюро ШКПК поручает отделу агитации подготовить к изданию книгу, посвященную эмиграции старошведов в Швецию и их желанию вернуться обратно в СССР. По мнению Политбюро, такое издание было призвано помочь товарищам по партии научиться разбираться в вопросах аграрной политики[4]. Взвешивая все «за» и «против», ШКПК решила поддержать реэмиграцию колонистов. В телеграфном обращении в секретариат скандинавских стран ШКПК просила «поддержать ходатайство старошведов о предоставлении им виз на въезд в СССР, полагая, что возвращение старошведов на Украину имело бы большое политическое значение»[5].

---

[1] См., например, афишу с объявлением о выступлении Юхана Кнутаса «Обратно в СССР» в городе Спонга 14 мая 1931 г.: ARAB. Gamla samlingen. Vol. 11737. Bildnr XXL 1931:008. Affisch «Tillbaka till Sovjet-Unionen». F redrag h lles torsdagen den 14 maj kl. 4 e. m. (Kristi himmelsfärdsdag) i Sp nga Folkets park av svenskbybon Johan Knutas. Dessutom f redras Fritjof Lager ver ämnet Sovjet-Unionens diktatur eller Sveriges demokrati.

[2] Швеция как нейтральная страна не участвовала в Первой мировой войне, соответственно в стране практически отсутствовали шведы – ветераны этой войны.

[3] Riksarkivet. Gammalsvenskbykommitt n 1929–1930. SE/RA/420084. Vol. 8. Tidningsurklipp.

[4] Politbyr m tet. Protokoll № 7. Den 23 februari 1930. S. 4; Protokoll ver Politbyr ns sammanträde fredagen den 30 januari 1931. S. 2–3 // Arbetarr relsens arkiv. Vänsterpartiet Kommunisterna. Protokoll politbyr 1927–1931. Vol. A 3:1. RE 5/1.

[5] Сообщение скандинавского лендерсекретариата относительно старо-шведских эмигрантов в Швеции. Т. т. Пятницкому, Мануильскому, Гусеву и Куусинену // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 31 «Доклады скандинавского лендерсекретариата ИККИ о положении в Швеции». Д. 153 «О старошведских поселениях на Украине». Л. 158.

Учитывая, что колонисты выехали из СССР до начала сплошной коллективизации, Рабочий комитет по делам шведского поселения подготовил специальную памятку для колонистов на шведском языке на тему колхозной жизни, где были такие оптимистические строки:

> Вы спрашиваете, будут ли в вашей собственности свиньи и куры. Конечно, они будут в вашей собственности, если вы их купите сами. Только посевные земли перешли в коллективную собственность. Не дома и сады. Вы также пишете про тракторы. На данный момент в Красно-Шведском селе находится 20 тракторов. Есть даже мастера, которые ремонтируют их в случае поломки[1].

Для Коминтерна шведский проект на Украине представлял интерес не только по причине кризиса в ШКПК. Будущий шведский колхоз представлял идеальную площадку для стажировки шведских студентов, обучавшихся в учебных заведениях Коминтерна. Материалы об успехах социалистического строительства в украинско-шведской коммуне могли распространяться в Швеции через радиостанцию Коминтерна и публикации левой прессы Скандинавии[2]. Данная практика была обычной. Например, на новый 1930 г. к трудящимся Скандинавии по радио Коминтерна из Москвы обратился реэмигрант Вольдемар Утас[3]. Ряд норвежских и исландских коммунистов были направлены Коминтерном для организации норвежского колхоза «Полярная Звезда» (*Polarstjerna*) в колонии Цыпнаволок Кольского полуострова. Вскоре газета норвежской коммунистической партии «Nordland Arbeiderblad» начала публиковать статьи о процветании Кольской рыболовной артели[4]. Финские и шведские коммунисты-эмигранты и студенты школ Коминтерна направлялись в колхозы Карелии, Ленинградской области и Северного Кавказа.

В ответ на просьбу ШКПК референт секретариата скандинавских стран Айно Куусинен подготовила докладную записку о целесообразности реэмиграции старошведов в СССР, выводы которой поддержали руководство ИККИ: украинский большевик Дмитрий Мануильский, а также Отто Куусинен, Осип Пятницкий и Сергей Гусев (Яков Драбкин)[5]. Трудно сказать, было ли решение о возвра-

---

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 217.

[2] Радиостанция имени Коминтерна, известная в Швеции как «Moskva Radio», с начала 1930-х гг. передавала свои программы на шведском языке по субботам и воскресеньям.

[3] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 268.

[4] Jentoft M. De som dro østover. Kola-nordmennenes historie. Oslo, 2001. S. 87–114. Русский перевод: Йентофт М. Оставшиеся без Родины: история Кольских норвежцев / под ред. А. А. Киселева. Мурманск, 2002.

[5] Сообщение скандинавского лендерсекретариата относительно старо-шведских эмигрантов в Швеции. Т. т. Пятницкому, Мануильскому, Гусеву и Куусинену //

щении старошведов в СССР самостоятельным. В пользу этой версии говорит то, что старошведы не получили разрешения поселиться в Швеции отдельным селом и были расселены по стране. Опытных и успешных крестьян-единоличников возмущало то, что их направили на практику учениками шведских фермеров изучать шведский способ ведения хозяйства. Несмотря на знание языка, трудности адаптации сочетались с тоской по Родине и оставшимся на Украине родственникам. Напомним, что украинско-шведские семьи не получили разрешения на выезд и вынуждены были остаться в СССР. Смешанные шведско-немецкие семьи, где глава семейства был швед, получили разрешение на выезд. Однако шведские женщины, вышедшие замуж за немцев, и взрослые дети от смешанных браков остались в Советском Союзе; эмиграция привела к разъединению семей. Исключать роль внешнего фактора также нельзя. С 1929 г. шведские коммунисты вели активную агитацию среди старошведов в лагере Йёнчёпинга[1].

В результате переговоров шведского правительства с руководством СССР и на основании постановления Политбюро ВКП(б) № 83 от 6 июня 1929 г. практически все шведское село выехало в конце июля 1929 г. на историческую родину[2]. Информация о массовой эмиграции советских шведов вызвала международный резонанс, об этом писали крупнейшие газеты мира[3]. Первый с 1928 г. случай массовой эмиграции из СССР спровоцировал мощные эмиграционные настроения среди немецких и польских колонистов Украины. Новость о выезде шведского села на историческую родину быстро достигла Сибири, где проживали

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 31 «Доклады скандинавского лендерсекретариата ИККИ о положении в Швеции». Д. 153 «О старошведских поселениях на Украине». Л. 158.

Айно Куусинен (1893–1970) – финский коммунист, жена Отто Куусинена. С 1924 по 1931 г. – сотрудница ИККИ, референт скандинавского секретариата. С 1931 по 1933 г. – на нелегальной работе в США. В 1934–1937 гг. под именем шведки Элизабет Ханссон – агент-нелегал разведывательного управления РККА в Японии. В 1938 г. арестована в Москве, осуждена на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В 1965 восстановила финское гражданство и выехала в Финляндию. В своих мемуарах она не вспоминает о шведских колонистах Украины. См.: Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск, 1991.

[1] Åter till Sovjet // Sm lands Allehanda. Den 13 november 1929.

[2] Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 696–697; Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 34–35.

[3] См.: Swedish colonists return from Ukraine // Berkeley Daily Gazette. July 27, 1929; 900 Swedes in Russia to be repatriated; Soviet Aids Plan to Move Villagers in Gratitude for Red Cross War Work // New York Times. June 27, 1929; 900 exiled Swedes back from Russia // New York Times. August 02, 1929; Swedish colony home after a 150-year exile // New York Times. September 15, 1929.

родственники старошведов[1]. В результате с осени 1929 г. эмиграционными настроениями были охвачены немецкие национальные районы Сибири. Зимой 1929–1930 гг. только усиленная охрана границы сдерживала массовый переход украинских поляков в Польшу. Польские власти резонно отмечали прямую связь между эмиграционными настроениями советских поляков и «организованным выездом из Советского Союза шведских колонистов»[2]. По следам херсонских шведов около 11 тысяч немецких колонистов южной Украины и Крыма, распродав все имущество, выехали осенью 1929 г. в Москву. Они обратились в посольства Германии и Канады с просьбой об эмиграции. В результате переговоров Германии и СССР в конце 1929 г. около 6,5 тысяч немецких колонистов получили разрешение на выезд. Борьба немцев-колонистов за выезд из Советского Союза продолжилась в 1930 г.[3] Создав своими руками «шведский прецедент», Кремль столкнулся с серьезной проблемой, которую переложил на украинское руководство, последовательно выступавшим против эмиграции старошведов. Руководство страны потребовало от правительства УССР остановить выезд немецких колонистов в столицу. В феврале 1930 г. вопрос о массовой эмиграции был вынесен на заседание пленума ЦК КП(б)У, который признал эмиграцию особым видом классовой борьбы немецкой деревни и предписал местным органам власти нейтрализовать антисоветские акции.

16 ноября 1929 г. первая группа реэмигрантов во главе с Петтером Х. Кнутасом и Вольдемаром Утасом обратились в ЦКНМ УССР с письмом, в котором просили разрешить им обратный въезд на Украину. Причиной такого шага были дипломатично названы плохие климатические условия Швеции. Колонисты признавались, что уже писали в сентябре 1929 г. в правительство УССР, но получили отказ. Шведы соглашались присоединиться к соседнему немецкому сельсовету и заявили: «...мы ничего не имеем против коллективизации и обещаем поддерживать все мероприятия Советской власти»[4].

---

[1] См.: Anna Knutas an die Schwedische Gesandtschaft Moskau. 5/VIII-1929 // Riksarchivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. III. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar, 1930-mars 1956.

[2] Бруски Я. Большой голод на Украине в свете документов польской дипломатии и разведки // Evropa. Т. 6. № 21. 2006. С. 106.

[3] Dyck H. L. Weimar Germany and Soviet Russia, 1926–1933: A Study in diplomatic instability. London, 1966. P. 163–174; Осташева Н. В. На переломе эпох. Менонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998. С. 162–165. Оба автора не связывают массовые эмиграционные настроения немецких колонистов осенью 1929 г. с выездом из СССР старошведов.

[4] Письмо шведских эмигрантов из Украины в ЦКНМ при ВУЦИК УССР. 16 ноября 1929 г. // Сергійчук В., Данильченко О. Земля, яка стала рідною // Нариси з історії Бериславщини. Вип. 3. Херсон; Берислав, 2003.

В сложившейся обстановке реэмиграция шведов стала настоящим подарком для советской пропаганды. Одна из первых советских публикаций на эту тему рассматривала возвращение шведов как урок немецким колонистам[1].

5 января 1930 года центральная газета Херсонского округа «Наддніпрянська Правда» сообщила о переходе к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Согласно решению окружного комитета партии, до 1 марта 1930 г. должно было быть коллективизировано все 100 % хозяйств: «...у нас срок меньше двух месяцев, ни одного часа, ни одной минуты не должно пропасть, счет пошел на часы», – предупреждала своих читателей газета[2]. Однако проведение ускоренной насильственной коллективизации столкнулось с мощным сопротивлением немецких колоний. В сводках ГПУ напряженная ситуация в сельских районах УССР оценивалась как близкая к восстанию[3]. В ряде немецких колоний прошли стихийные женские бунты, массовые отказы от выхода на работу. Весной 1930 г. многие колхозные поля в немецких селах не были засеяны. Подкупая коррумпированных сталинских чиновников, немецкие колонисты получали фальшивые справки из компетентных органов о том, что «имярек не является кулаком и сослан по ошибке», и возвращали домой сосланных на Север родственников. Украинские крестьяне по достоинству оценили солидарность немецких соседей, считая, что советская власть медлит с коллективизацией в немецких районах, так как «боится немцев способных на восстание»[4]. В этих условиях создание на Украине шведского колхоза могло стать мощным аргументом в пользу коллективизации национальных районов. Идея использования эмигрантов для создания образцовых коллективных хозяйств получила одобрение высшего руководства. 21 июня 1931 г. на своем заседании Политбюро ВКП(б) разрешило переселение из Польши в советскую Украину 77 крестьянских семей, считая полезным организацию образцового колхоза. При этом советское государство учитывало внешнеполитический аспект данного шага: создание образцового колхоза польских эмигрантов «нанесло бы сокрушительный удар по агитации буржуазной прессы

[1] Тільки радвлада й компартія – наши друзі. Шведські емігранти вернуліся до Старошведська // Наддніпрянська Правда. 21 января 1930.

[2] Наддніпрянська Правда. 5 января 1930. С. 1.

[3] Graziosi A. Collectivisation, r voltes paysannes et. politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de f vrier–mars 1930 // Cahiers du monde russe. 1994. № 35. P. 438–472.

[4] Солончук Е. А. Раскулачивание в немецких национальных районах Одесского округа: зима–весна 1930 г. (по материалам спецсводок окружного ГПУ в партийные органы) // Немцы Одессы и Одесского региона. Одесса, 2003. С. 217–233.

в Польше»[1]. С 1920-х гг. в Тамбовской губернии существовал показательный колхоз имени Ленина, объединивший реэмигрантов из Америки[2]. В 1928 г. евреи Бериславского района Херсонского округа, реэмигранты из Палестины основали в Крыму сельхозкоммуну «Vivo Nova», что на языке эсперанто означало «Новая жизнь»[3]. Всего в СССР на 1932 г. действовало около 30 созданных эмигрантами «иностранных» колхозов, в которых трудилось более 5000 человек[4].

Переговоры по возвращению старошведов на родину возглавила полпред в Швеции Александра Коллонтай. Шведскую сторону представляли глава правительства Карл Густав Экман (Carl Gustaf Ekman) и министр иностранных дел Фредрик Рамель (Fredrik Ramel). За практическую организацию реэмиграции отвечало советское консульство во главе с Владимиром Смирновым, имевшим большой опыт работы в Скандинавии[5]. В факте эмиграции из Скандинавии в СССР ничего необычного не было. В 1926–1936 гг. в СССР выехало около 400 шведских рабочих, так называемых Kirunasvenskar[6]. В первой половине 1930-х гг. на прямой паромной линии между Стокгольмом и Ленинградом работало две компании (советская и шведская). Через Швецию пролегал маршрут в Советскую Карелию около 15 тысячи финских эмигрантов из Америки[7]. Перевозку американских финнов

---

1 Кен О. Н, Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Кн. 1. 1928–1934. М., 2000. С. 526–527.

2 Курылев А. Ю. Опыт трудовой деятельности российских ре-иммигрантов в сельском хозяйстве в 1920-е годы на примере Первой Ирской коммуны ре-иммигрантов из Америки // Проблемы социального и гуманитарного знания / ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 1999. Вып. 1. С. 403–437.

3 Хиллиг Г. Забытый опыт построения коммунизма в Крыму // Еврейский обозреватель. Октябрь 2008. № 19/182.

4 Gustafson A. Svenska sovjetemigranter: om de svenska kommunisterna och emigrationen till Sovjetunionen p 1920-och 1930-talen. Link ping, 2006. S. 17.

5 Владимир Смирнов (1876–1952) – большевик с дореволюционным стажем, соратник Ленина, советский дипломат. Шведский язык был для него родным, его мать Виргиния Нюгрен (Wirginia Nygren) была шведкой из Финляндии. До 1917 г. Владимир Смирнов преподавал русский язык в университете Гельсингфорса (Хельсинки). Он был женат на Карин Стриндберг, дочери классика шведской литературы Августа Стриндберга. Смирнов имел прекрасные контакты среди шведской политической и культурной элиты.

6 Eneberg K. F rnekelsens barn. Svenskarna som drog sterut. Uddevalla, 2003. S. 135–146.

7 Такала И. Р. В поисках Эльдорадо. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 91–110; Кангаспуро М. Финская эпоха советской Карелии // В семье единой: Национальная

из порта Гётеборга в Архангельск осуществляло по заказу советского посольства Шведское морское пароходство[1].

По мнению Коллонтай, «одураченные шведами старошведы, покинув свои колхозы на Украине (неточность. – *А. К.*), не могли, конечно, ужиться в Швеции, воспитанные на советских нравах и правах трудового человека. Они стали “бузить” в Швеции, ссориться с местными властями, все критиковать, помещать в коммунистической и левой социалистической прессе жалобы на “буржуазный уклад” Швеции и рваться “домой” – в Союз». По словам Коллонтай, старошведы производили жалкое впечатление: «...они приходили ко мне, почти ежедневно умоляя послать их обратно в Союз. Очень озлоблены на шведскую проволочку, охотно разговаривают по-русски с нашими сотрудниками, производят жалкое впечатление в чужой для них стране»[2]. На встрече с главой правительства Коллонтай потребовала от шведской стороны финансирования реэмиграции колонистов, заявив Экману, что СССР не заинтересован в реэмиграции и делает это исключительно ради дружеских отношений со Швецией:

> Скажу вам прямо: мы, то есть мое правительство, вовсе не заинтересованы в их возвращении, мы их не гнали с насиженных мест. И народу в Союзе без них достаточно. А сколько я слышала среди старошведов много беспокойных, недисциплинированных элементов.

Экман поддержал Коллонтай:

> Но какие же это шведы – перебил меня премьер – это русские люди, у них и привычки, и взгляды не наши. Но не будем вдаваться в поиски причин, почему они очутились в Швеции. Перейдем к практическим вопросам: передайте вашему правительству, что мы просим у Москвы разрешения на возвращение этих несчастных людей на свою землю. О материальной стороне мы с вами договоримся[3].

Окончательное решение о реэмиграции было принято на заседании Политбюро 15 июня 1930 г. под председательством И. В. Сталина[4]. Доклад для Политбюро ВКП(б) по этому вопросу подготовил бывший полпред в Стокгольме Виктор Копп[5]. Он предложил «впустить в Союз эту группу колонистов при непременном, однако, усло-

---

политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 123–156.

[1] Коллонтай А. Дипломатические дневники. Т. 2. 1922–1940. М., 2001. С. 88.

[2] Там же. 42–43.

[3] Коллонтай А. Дипломатические дневники. Т. 2. 1922–1940. М., 2001. С. 13–14.

[4] Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. 1930–1939. М.: РОССПЭН, 2001. № 128.

[5] Виктор Копп (1880–1930) – советский дипломат, выходец из семьи немецких колонистов Крыма. Полпред в Швеции в 1927–1930 гг.

вии, что шведское правительство окажет им финансовую помощь»[1]. Выдача виз колонистам, принявшим шведское гражданство, производилась при наличии личной подписи на консульской справке о том, что въезд в страну разрешен «при условии добровольного вступления в колхоз»[2].

Большинство старошведов остались на исторической Родине. Только 265 из 888 эмигрантов возвратились в СССР. Около 70 старошведов предпочли Канаду, выехав к проживающим в провинции Альберта родственникам[3]. В демократической Швеции в отличие от советского тоталитарного государства решение больших социальных проектов занимало значительное время. Для обеспечения семей старошведов и покупки для них усадеб правительство организовало национальный сбор средств. В результате добровольных пожертвований шведских граждан во время мирового экономического кризиса была собрана значительная для того времени сумма – 934 594 шведских крон[4]. На эти деньги Комитет по делам Старошведского поселения в течение 1931–1938 гг. обеспечил усадьбами всех оставшихся в Швеции колонистов. Задержка с выездом в СССР была связана с юридическим оформлением государственного пособия на возвращение и организацией выезда, ответственность за которую взяла на себя шведская сторона. Вопрос о финансировании реэмиграции выносился на обсуждение парламента[5]. Министерство социальной политики (*Socialstyrelsen*) отказало около 30 старошведам, оформившим гражданство Швеции, в оплате дорожных расходов. Правительство пояснило бывшим поданным сталинской диктатуры:

> Как и любой гражданин Швеции, вы распоряжаетесь полной свободой и – под свою ответственность – можете ехать в любую зарубежную страну, в какую захотите, поэтому вы не встретите каких-либо

[1] Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005. Примечание 37.

[2] Riksarkivet. Socialstyrelsen Handlingar angående utlänningsärenden 1920–1938. Handlingar r rande Gammalsvenskbyborna 1929–1931. F II:2. 1402.

[3] Rudling P. A. Ukrainian Swedes in Canada: Gammalsvenskby in the Swedish-Canadian Press 1929–1931 // Scandinavian-Canadian Journal. 2005. Vol. 15. P. 75.

[4] V. P. M. ver Gammalsvenskbykommitténs Nationalinsamling den 4/4 1930 // Riksarkivet. Socialstyrelsen Handlingar angående utlänningsärenden 1920–1938. Handlingar r rande Gammalsvenskbyborna 1929–1931. F. II:2. 1402.

[5] Так, на билеты до Херсона и суточные для второй группы реэмигрантов из 189 человек шведское правительство выделило более 31 тысячи шведских крон // Riksarkivet. Socialstyrelsen Handlingar ang ende utlänningsärenden 1920–1938. Handlingar r rande Gammalsvenskbyborna 1929–1931. F. II:2. 1402.

препятствий со шведской стороны к отъезду в любое время и за собственный счет в Советский Союз[1].

Прежде чем дать разрешение на отъезд второй группы колонистов шведское правительство хотело убедиться, как обжились на Родине первые реэмигранты. Тем не менее левая пресса Швеции и советские средства массовой информации развернули пропагандистскую компанию, утверждая, что старошведов якобы специально задерживают в Швеции, не желая их возвращения на Родину.

В 1930 г. тема реэмиграции шведов вышла на первые полосы советских средств массовой информации. 17 апреля 1930 г. газета «Известия» сообщала, что еще одна группа шведов-колонистов хочет вернуться на свою настоящую Родину – СССР, не желая быть рабами шведских кулаков. Обстоятельства возвращения шведов регулярно сообщало ТАСС, крупнейшие газеты страны – «Известия» и «Правда», местная херсонская пресса. О возвращении шведов писала также немецкоязычная советская пресса[2]. Киностудия «Совкиножурнал» сняла в 1930 г. короткометражный фильм «Обратно в СССР», который демонстрировался в кинотеатрах страны[3]. Партийным издательством «Прибой» была издана тиражом 150 тысяч экземпляров книга «Два года в Европе. Почему крестьяне села Старошведского вернулись из Швеции». Известный украинский режиссер Александр Довженко планировал снять на тему эмиграции и возвращения шведов художественный фильм[4]. Таким образом, благодаря интересам могущественных политических сил обычное дело о реэмиграции приобрело контуры большого международного проекта.

2.2. Конфигурация новых границ. Новый исторический канон и видение будущего

Взгляд деятелей международного коммунистического движения на прошлое и будущее шведской колонии на Украине отражен в ряде публикаций 1929–1931 гг. Эти тексты предназначались прежде всего непосредственным исполнителям нового проекта – швед-

---

[1] Riksarkivet. Socialstyrelsen. Handlingar angående utlänningsärenden 1920–1938. Handlingar r rande Gammalsvenskbyborna 1929–1931. F. II:2. 1402.

[2] См., напр.: R ckkehr schwedischer Emigranten ein Schlag gegen die pfäffische Konterrevolution // Rote Zeitung. 5.09.1931.

[3] Обратно в СССР. Выступление в доме крестьянина группы шведов-колонистов, вернувшихся из Швеции. Совкиножурнал № 4/267. 1930 г. // Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). № 2107.

[4] Dovzhenko A. The poet as filmmaker. Selected writings / ed. M. Carynnyk. Cambridge, 1973. P. 168.

ским коммунистам и сотрудникам Коминтерна. В декабре 1929 г. неизвестным сотрудником аппарата Коминтерна была подгтовлена аналитическая записка на немецком языке «Das Alt-Schwedisches Dorf»[1]. В этом документе прошлое шведского поселения предстается как арена классовой борьбы и эксплуатации. Богатые крестьяне (*grossbauer*), которые владели большими участками земли, превратили бедных крестьян (*kleinbauer*) в своих батраков, заставляя их работать за гроши. Им помогали священники, которые по количеству доходов и размерам земельного участка также принадлежали к классу эксплуататоров. Октябрьская революция уничтожила эксплуатацию, установив справедливость. Советская власть встала на сторону обиженных бедняков: «...земля была поделена всем поровну, за исключением священника, которому не дали земли. От этого у него, конечно, разболелся живот». При поддержке кулаков пастор начал агитацию за эмиграцию в Швецию. Однако в Швеции «жертвы националистической пропаганды стали рабами помещиков». Тогда шведский рабочий класс и коммунистическая партия пришли на помощь обманутым крестьянам. Рассуждая о шведах, автор записки утверждал:

> Теперь колонисты готовы пешком идти обратно на Украину. И если им дадут разрешение на реэмиграцию, то там будет основан колхоз, куда войдут все жители села, не только шведы, но и немцы, и евреи. Новая жизнь покончит с национализмом и будет основана на принципах рабочей солидарности и братства[2].

В 1930 г. во исполнение решения Политбюро ШКПК в издательстве «Arbetarkultur» выходит книга «Svenskbyskandalen». Ее автором был главный редактор газеты «Ny Dag» Густав Юханссон (Gustav Johansson). История поселения преподнесена сквозь призму классовой борьбы и господства в деревне религиозных клерикалов. Пребывание старошведов в Швеции подается как образец капиталистической эксплуатации. Однако, несмотря на свою отсталость, колонисты быстро поняли собственную ошибку и заявили о своем желании вернуться в СССР. Партия не могла не прийти на помощь «жертвам националистической пропаганды» и создала Рабочий комитет по делам Старошведского поселения, который оказал колонистам необходимую помощь. По призыву партии был организован сбор средств. На собранные шведскими коммунистами деньги для первого в мире шведского колхоза бы куплен трактор. Автор заканчивает повествование на оптимистической ноте – картиной светлого будущего:

---

[1] Das Alt-Schwedisches Dorf // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 31. Д. 153. Л. 146–158.

[2] Там же. Л. 151.

На Украине из мира старых традиций вырастает сегодня колхоз Красношведский, маленькая часть советского социалистического строительства[1].

В 1931 г. старейшее партийное издательство «Прибой» издает брошюру «Два года в Европе. Почему крестьяне села Старошведского вернулись из Швеции». Как удалось установить, под псевдонимом «Мих. Васильев» скрывалась журналистка Мария Андриевская – сотрудник крестьянского журнала «Лапоть»[2]. Незамысловатое дешевое (3 копейки) издание предназначалось широкому кругу советских читателей. Книга написана на основе интервью, которые Мария Андриевская взяла в 1930–1931 гг. у колонистов по их прибытии в Ленинград. Среди опрошенных были Грейс Альберш, Юхан Гинас, Петтер и Улла Кнутас. Пропагандистская публикация изобилует неточностями, намеренными фальсификациями и преувеличениями. Андриевская русифицировала имена и исказила большинство фамилий старошведов[3]. Главной ее задачей было создать марксистскую версию прошлого, настоящего и будущего шведской колонии. При этом неугодные факты отбрасывались или искажались. Так, колония на Украине была якобы основана переселенцами из самой Швеции: «...жить в Швеции было невозможно, голод и нищета полтора века назад выгнали из Швеции первую группу отчаянных смельчаков в Россию». Андриевская подчеркивает, что шведская деревня относилась к числу наиболее зажиточных сельских поселений страны, а истинной причиной эмиграции стали происки скрытых классовых врагов:

Старошведская колония была довольно богата. В ней насчитывалось 276 коров, 383 лошади, много различных сельскохозяйственных машин – молотилки, веялки, сноповязки, косилки и прочее. В земле также недостатка не было: 783 десятины обрабатывала колония. В 1929 г. в ней насчитывалось 900 человек. По сравнению со средней русской деревней колония шведов блистала благоустройством и цивилизацией. У колонистов была своя больница, своя школа, в которой дети обучались трем языкам – шведскому, украинскому и русскому, хата-читальня и свой нацменовский сельсовет. Была, наконец, и кирка (так в тексте. – *А. К.*) с пастором Гоас <...> Несмотря на внешнее благополучие, в колонии кипела скрытая классовая борьба. Здесь, на этом маленьком клочке советской земли, кулаки упорно не сдавались[4].

---

[1] Johansson G. Svenskbyskandalen. Stockholm, 1930. S. 35.

[2] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М., 1956. С. 229.

[3] Так, Юхан Хинас упоминается в тексте как Иван Гикас.

[4] Васильев Мих. Два года в Европе. Почему крестьяне села Старошведского вернулись из Швеции. Ленинград, 1931. С. 4–5.

По версии автора, поводом к эмиграции в Швецию послужила коллективизация, которой сопротивлялись пастор и кулаки. В действительности решение об эмиграции было принято шведской общиной за два года до начала сплошной коллективизации в Херсонском округе. Журналистка также утверждает, что план возвращения колонистов в Швецию был разработан «хитрым попом» Хуасом и «родственником шведского митрополита» Андреем Бускасом» (?), которых поддерживал «подкупленный бедняк» Андрей Сигалет. Фактически автор книги повторяет шаблонные сюжеты советской пропаганды: эмиграция – это реакция кулаков на коллективизацию; союзниками кулаков является служитель культа, религиозные члены общины и подкулачники; пребывание колонистов в Швеции описывается в мрачных красках; причиной возвращения старошведов стала нечеловеческая эксплуатация и каторжный труд и т. д. При этом журналистка обходит стороной тот факт, что большинство старошведской общины предпочло остаться в Швеции и что среди возвратившихся колонистов были как бедные, так и богатые крестьяне. По словам Андриевской, положение старошведов в Швеции «немногим отличалось от животного». В доказательство приводится мифическая история о том, как помещик Акстор поил колонистов водой, набранной в ближайшем высыхающем пруду, закачанной в бочки из-под коровьей мочи:

Вода была совсем красная и издавала отвратительный запах коровьей мочи! Я не выдержал тогда и написал заметку в стокгольмскую коммунистическую газету «Новый день», – заявил Петтер Кнутас[1].

В капиталистической Швеции в отличие от СССР, по словам Андриевской, отсутствовала защита прав материнства и детства:

Ульяне Кнутас досталась незавидная доля – родить на помещичьем дворе свою первую дочку. Тяжело было последние дни таскать пудовые ведра с молоком, тяжело было работать от зари до зари. В последний день перед родами Ульяна едва передвигала ноги, помогая на поле в уборке хлеба, а вечером, когда были довязаны последние снопы, молодая женщина родила ребенка. Восемь дней пролежала роженица, отправляясь от тяжелых родов, а на девятый снова стала к своим горшкам у плиты, начала доить коров и таскать тяжелые ведра. Лежать дольше было нельзя – торопил хозяин <...> С тоской вспоминала в эти дни Ульяна Кнутас больницу в Старошведской колонии на далеком берегу Днепра, русских женщин, которые не только

[1] В материалах государственного комитета по делам старошведов сведений о подобном инциденте не обнаружено. Отметим, что назначенные комитетом инспекторы регулярно контролировали быт и условия труда распределенных по хозяйствам фермеров старошведов. То, что Петтер Кнутас знал адрес шведской коммунистической газеты «Ny Dag», наводит на мысль о его тесных контактах со шведскими коммунистами.

имеют возможность вылежать после родов столько, сколько требует организм, но и получить от государства пособие на воспитание младенца[1].

Единственным положительным результатом пребывания колонистов в Швеции было, по мнению автора, вовлечение старошведов в коммунистическое движение. Андриевская с восторгом рассказывает об участии колонны из старошведов в демонстрации, организованной шведскими левыми:

> На первомайской демонстрации в Стокгольме в 1931 г. среди многочисленных плакатов и знамен бросался в глаза большой лозунг, написанный белыми буквами на красном полотне: «Требуем разрешения на выезд в СССР!» Этот плакат пользовался дружной поддержкой всех демонстрантов. Он принадлежал колонне в 100 человек крестьян Старошведской колонии, собравшихся со всех концов Швеции, чтобы 1 мая заявить правительству свое требование о возвращении в Советский Союз[2].

Свидетелем участия старошведов в стокгольмской демонстрации стал венгерский политэмигрант Людвиг Сюч (László Szűcs), оставивший колоритное описание своего знакомства с колонистами:

> Одна колонна демонстрантов несла плакат «Требуем выезда в СССР!». Эти люди шли с вилами и косами и пели «Интернационал». Я присоединился к ним. Я не мог их обойти. Они говорили по-шведски и по-русски. И там я у некоторых увидел в руках шведское издание «Тихого Дона». Это были шведы, кажется, со времен Петра I жившие возле Херсона, на Днепре. В 1929 году, как я от них узнал, они бежали от коллективизации, а теперь рвались в СССР. Организатор демонстрации батрак Петр Кнутас, который в Швеции вступил в компартию, сказал мне: «Два года мы тут ходили в заколдованном круге – в ярме. Нужда. Бесправие. Безземелье. А там, у Днепра, мы бросили истинно золотой берег, прекрасные черноземы и красный флаг на своем сельсовете. Как нас черт занес сюда – не спрашивай. Сдуру, бросив живое на берегу Днепра, мы пошли искать в Швецию мертвое. В нужде буржуи хотели согнуть нас в бараний рог. Но двое русских помогли нам опомниться». – «Кто же эти русские?» – «А это Гоголь с его “Тарасом Бульбой” и Шолохов с “Тихим Доном”, – ответил Петр Кнутас. – Вот тут, в ярме и неволе, заново вчитались

---

[1] Васильев Мих. Указ соч. С. 13. В 1920-х гг. в большинстве шведских семей роды проходили дома, что, однако, не означало отсутствия акушерской помощи. Для современной Швеции характерен спартанский подход к родам. Так, при отсутствии осложнений мать и новорожденного ребенка выписывают из родильного отделения на третий день. Детские деньги были введены в Швеции в 1937 г.

[2] Васильев Мих. Указ. соч. С. 13.

мы в эти книги, и потянуло нас домой, на истинную нашу родину – в СССР...» Они действительно вернулись на советскую землю[1].

Дизайн будущего колхоза был намечен в составленном от имени шведов обращении «К трудящимся Советского Союза и всего мира!», принятом 20 августа 1931 г. В нем колонисты обещали «исправить большую ошибку, вызванную поповскими письмами и кулацкой агитацией <...> и бороться вместе со всем колхозным крестьянством за сплошную коллективизацию, за ликвидацию кулачества». Отдельной задачей провозглашалась необходимость донести «горький опыт» эмиграции до трудящихся СССР. Обращение заканчивалось обязательными для политической культуры того времени здравицами в честь партии, Сталина и мировой революции. Советские пропагандисты убеждали читателей, что опыт капиталистической Швеции сделал из политически неграмотных шведских крестьян сознательных строителей коммунизма. Возвращение в СССР описано Андриевской как сознательный выбор украинских шведов в пользу социалистического строительства. Петтер Кнутас якобы заявил по этому поводу: «Я уехал из Советской России простым, малоразвитым крестьянином, но в Швеции я стал революционером». Старошведы обещали «под руководством партии большевиков сделать коренной поворот от старого к новому строю – от кулацкой кабалы к свободной колхозной жизни».

По возвращении первой группы шведов в родную деревню в бывшей шведской церкви состоялся «интернациональный вечер» с участием шведских, немецких и еврейских колонистов. Открыл вечер сопровождавший шведов член ЦК ШКПК Пауль Сёдерман (Paul S derman). Он заявил, что строительство первого в мире шведского колхоза станет маяком для трудящихся Швеции[2]. Затем слово взяли представители немецкого и еврейского населения, приветствующие возвращение земляков на Родину. От колонистов выступил Вольдемар Утас, член ШКПК. Он выразил уверенность в скором возвращении всех колонистов, за исключением кулаков, на родину и заявил:

> За короткое время пребывания в Швеции мы на своих плечах прочувствовали тяжесть капиталистической эксплуатации. Теперь мы на самом деле поняли, что только советская власть и компартия являются нашими друзьями, желающими нам лучшей жизни. Со своей

[1] Прийма К. И. Тихий Дон сражается. Ростов-на-Дону, 1983 . С. 352.

[2] В советских материалах Пауль Сёдерман фигурирует под псевдонимом «тов. Линдрус», неизвестном в Швеции. Настоящее имя товарища Линдруса удалось идентифицировать по личному делу Пауля Седермана, хранящемуся в РГАСПИ.

стороны мы приложим все силы, чтобы помочь ей, и исправим совершенную нами ошибку[1].

Мотив совершенной ошибки повторяется в документальном фильме «Обратно в СССР», где шведы утверждают: «...чтобы исправить свою ошибку, мы решили вернуться обратно на Украину и основать первый в мире шведский колхоз»[2]. 5 февраля 1931 крестьянская газета «Радянське село» опубликовала статью «Пан Хуас, ваше дело проиграно!». Газета цитировала выступление некоего «колониста Эдвина Блюма» на слете колхозников Бериславского района. Выступая от имени старошведов, этот, в действительности гражданин Швеции и рабочий, заявил:

> Мы, шведы, вернулись назад на Украину не для того, чтобы опять, как когда-то, строить Старошведскую колонию, а для того, чтобы создать тут Красно-Шведскую коммуну. Нам попы больше не нужны, у нас есть проводник, преданная нам коммунистическая партия, а что касается церкви, то, извините за выражение, в ней давно кино. Ваше дело пан Хуас навсегда проиграно[3].

План международного коммунистического движения и советской власти предполагал следующие принципы устройства шведской колонии:

– Создание образцового национального колхоза как безальтернативной формы социально-экономического производства, форпоста сплошной коллективизации и места практики скандинавских коммунистов.

– Осуществление в селе радикальных культурных и социальных преобразований.

– Ведущая роль в осуществлении преобразований принадлежит представителям шведской компартии и Коминтерна.

Реализация этих задач означала очередной эксперимент по насильственному изменению коллективной идентичности шведских колонистов.

2.3. Новый административный и географический ландшафт

Важным инструментом советской пропаганды было переименование населенных пунктов. Новые названия становились символа-

---

[1] Тільки радвлада й компартія – наши друзі. Шведські емігранти вернуліся до Старошведська // Наддніпрянська Правда. 21 января 1930. Статья подписана псевдонимом члена немецкой секции комсомола «Юнгштурм».

[2] Обратно в СССР. Выступление в доме крестьянина группы шведов-колонистов, вернувшихся из Швеции. Совкиножурнал № 4/267. 1930 г. // Российский государственный архив кинофотодокументов. № 2107.

[3] Пане Гооз, ваша справа програна! // Радянське село. 5.02.1931.

ми, вокруг которых выстраивалась идентичность советского народа. Большевики активно практиковали переименования населенных пунктов, связанных со «старым режимом». Так, несмотря на то, что В. И. Ульянов родился в другом городе, в 1924 г. бывшая столица Российской империи стала городом Ленина – Ленинградом; как известно, старое название города ассоциировалось с именами святого Петра и императора Петра Великого. Интересно отметить, что эпицентр советской компании по переименованию населенных пунктов находился на юге Украины. В результате колонизации степной зоны и создания Новороссии городские центры региона получили названия в честь членов императорской династии и крупных промышленников, что не устраивало большевиков. В 1924 г. индустриальный центр южной Украины Юзовка, названный в честь британского предпринимателя Джона Юза* (John Hughes), был переименован в Сталино. В 1926 г. крупнейший административный центр южной Украины Екатеринослав (названный в честь императрицы Екатерины Великой) стал Днепропетровском. В 1920-х гг. советские названия получили такие города южной Украины, как Константиноград (Красноград), Александровск (Запорожье), Елисаветград (Зиновьевск), Ольвиополь (Первомайск), Бахмут (Артемовск)[1].

В 1926 г. шведское название деревни «Gammalsvenskby» впервые получило признание советской власти и использовалось наряду с украинским вариантом в делопроизводстве. Со стартом нового проекта историческое название поселения не отражало задачу строительства нового мира и требовало изменения. Решение о переименовании населенных пунктов всегда принималось «сверху», однако, согласно советскому политическому ритуалу, инициатива должна была исходить «снизу». Именно в таком ключе новое революционное название деревни упоминается в брошюре «Два года в Европе». На финальную реплику автора:

– Надо записать адрес <...> Херсонский район, Старошведская колония.

Колонисты якобы дружно отвечали:

– Нет, неверно, напишите колхоз Красношведский[2].

5 февраля 1931 г. газета ЦК КП(б)У «Радяньске село» сообщила своим читателям, что «шведы вернулись назад на Украину для того,

---

* Джон Джеймс Юз (Хьюз) (1814–1889) – британский промышленник, основатель Донецка (Юзовки). (*Прим. ред.*)

[1] Бахмут был переименован в честь основателя Донецко-Криворожской советской республики 1918 г. большевика Федора Сергеева, имевшего партийный псевдоним «товарищ Артем»; Названия городов передавалась в УССР на украинском языке, например, вместо русского Запорожье использовалось «Запоріжжя» и т. п.

[2] Васильев Мих. Указ. соч. С. 16.

чтобы создать Красно-Шведскую коммуну». 16 февраля 1931 г. в короткой заметке «Старо-Шведское становится Красно-Шведским» эта же газета сообщила, что на пленуме шведского сельсовета было принято решение о переименование села[1]. Новое название быстро вошло в лексикон шведской коммунистической прессы[2]. 21 марта 1931 г. центральный орган ШКПК газета «Ny Dag» опубликовала оптимистический репортаж «Красношведское переживает бурный рост»[3]. Шведский вариант нового названия – «R da Svenskby» – стал использоваться в переписке ИККИ[4]. Так, секретарь партийной ячейки Эдвин Блюм подписывал почтовый адрес на ломанном русском языке: «У.С.С.Р. Бериславский район, Красно-Шведской». Отметим, что вопреки первоначальным планам революционное название получил не колхоз, а поселение херсонских шведов. Собственно колхоз получил имя шведской коммунистической партии, или сокращенно артель «Шведкомпартия». Выбор названия подчеркивал международный статус колхоза, деятельность которого развивалась под эгидой Коминтерна. Красно-Шведской коммуне был возвращен административный статус национального шведского сельсовета – единственного в СССР. Сделано это было в нарушении законодательства, так как минимальной нормой для создания национального совета в УССР было наличие, как минимум, 500 жителей коренной национальности. Между тем количество возвратившихся шведов вместе с семьями шведских коммунистов не превышало 300 человек. До 1937 г. между возвратившимися в СССР и оставшимися в Швеции колонистами велась оживленная переписка. Письма местных активистов в Швецию рассказывали об успехах социалистических преобразований и содержали открытый призыв к возвращению на Родину. Так, председатель колхоза Петтер Ю. Кнутас в письме своему другу, бывшему председателю деревенского комитета бедноты Андреасу Аннасу сообщал следующее:

Артель «Шведкомпартия». Красношведское. 30 ноября 1931 г.

> Я живу в сто раз лучше по сравнению с жизнью в Швеции. Я рад, что избавился от этой шведской чумы <...> Мы работаем в нашем колхозе, или артели, как мы ее называем <..>. Проклятые попы попрежнему отравляют народ, и те, кто, как и раньше, темны, верят им,

---

1 Старо-Шведське стає Червоно-Шведським // Радянське село. 16.02.1931.

2 R da Svenskby är stadd i snabb utveckling // Ny Dag. Den 21 februari 1931; Svensk sovjetarbetare berättar om R da Svenskby just nu // Ny Dag. Den 4 april 1931; Röda Svenskby hälsar SKP// Ny Dag. Den 14 maj 1932. S. 1; Kamrat Blom berättar om Sovjets land // Stormklockan. 1932. № 7. S. 2.

3 R da Svenskby är stadd i snabb utveckling // Ny Dag. Den 21 februari 1931. S. 1.

4 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личное дело № 99. Андерсон Карл.

но нас они больше не обманут <...> Вместо церкви у нас теперь свой кинотеатр с сеансами четыре раза в месяц, и мы платим от колхоза всего 7 рублей 50 копеек в месяц, а затем все вместе смотрим кино. На день Октябрьской революции мы организовали праздник. В здании бывшей кирхи был банкет (зарезали двух телят), затем смотрели кино. Что касается таких товаров, как текстиль, и других, их навалом и по низкой цене, но на базарной площади все очень дорого. В кооперативном магазине все довольно дешево. Черный рынок по-прежнему существует. Рабочей силы не хватает, и везде кричат о том, что нужны рабочие руки. Все вокруг строится, и на все хватает денег. Да, первая группа односельчан, что вернулись перед нами, они живут лучше, чем до поездки в Швецию, каждая семья имеет две коровы и две свиньи. Я слышал, что на подходе еще одна группа желающих вернуться в шведскую деревню из Швеции. Не медлите, мы сеем и жнем и для вас, мы не забыли вас, даже если вы остались в Швеции. Приезжай! Мы строим социализм даже для Вас, тех, кто остался в Швеции. Добро пожаловать домой[1].

Таким образом, политические решения обусловливались международной значимостью проекта, а также надеждой на скорое пополнение колонии.

2.4. Создание новой иерархии

Статус национального совета отвечал принципам советской национальной политики, предоставлявшей представителям коренной национальности преимущества на занятие административных должностей в рамках собственной автономии. В 1926 г. был создан национальный шведский сельский совет – единственный в СССР. Таким образом, впервые в своей истории шведская колония была административно отделена от соседних немецких поселений и получила национальный статус. Это позволило шведам занять все административные должности в сельсовете, и что более важно, сформировать местный орган власти, представляющий интересы общины. Как отмечалось выше, переписка жителей колонии с органами советской властью по вопросу эмиграции в Швецию оформлялась как официальное обращение местного органа власти к центральной власти.

По возвращении на Украину шведской колонии был вновь предоставлен статус шведского национального совета. Однако теперь на занятие должностей кроме самих старошведов претендовали прибывшие в деревню шведские коммунисты. Секретарем партийной ячейки и председателем сельсовета стал шведский коммунист Эдвин Блюм (Edvin Blom). Первым председателем колхоза был из-

---

[1] Annas A. Livet i Gammalsvenskby. S. 60–61.

бран старошвед Юхан Утас, которого вскоре сменил вступивший в Швеции в партию колонист Петтер Кнутас. Секретный сотрудник ГПУ Александр Кнутас занял должность секретаря сельсовета. Агрономом МТС Бериславского района стал коммунист из Швеции Карл Андерссон (Karl Andersson). Немецкий политэмигрант, член шведской компартии Хюго Лаунштейн (Hugo Lauenstein) совмещал должность заведующего избой-читальней с работой кузнеца в колхозе. В свободное время он проводил политзанятия, пересказывая колхозникам на шведском языке содержание немецких коммунистических изданий[1].

Одной из ключевых идей коллективизации была «смычка города и деревни»[2]. Предполагалось, что сознательные городские рабочие-коммунисты решат задачу коллективизации «мелкобуржуазной» деревни. Как подчеркивал Сталин, «социалистический город может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе как насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад»[3]. По инициативе советского руководства возникло так называемое движение «двадцатипятитысячников». В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о направлении в деревню на руководящую работу в колхозы и МТС 25 тысяч рабочих, имеющих организационно-политический опыт. Интересно, что данный принцип кадровой политики учитывался в Швеции. Консул Владимир Смирнов предложил ШКПК составить «список из 15 товарищей, желающих выехать в СССР для строительства первого шведского колхоза»[4]. Был ли составлен этот список, неизвестно. Тем не менее в результате на Украине действительно оказалась группа шведских коммунистов. Среди них были посланцы ШКПК, сотрудники и студенты Коминтерна, шведские эмигранты, самостоятельно приехавшие в деревню из советской Карелии. Студент КУНМЗ Гуннар Блумберг (Gunnar Blomberg) дважды работал в шведской колонии. Весной 1929 г. он был откомандирован в колонию для проведения агитации против эмиграции колонистов в Швецию. Позже Блумберг стажировался на Северном Кавказе, в колхозе, созданном финскими и шведскими эмигрантами из США. В начале 1931 г. он вновь был направлен в Старошведское для оказания помощи первой группе реэмигрантов. В 1977 г. Блумберг вспоминал о проведенном среди старошведов времени:

---

1 ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д. 85. Л. 122.

2 Калинин М. И. Смычка города и деревни: доклад на XIII съезде РКП(б) и резолюции. М., 1925.

3 Сталин И. В. К вопросам аграрной политики. М., 1930. С. 6.

4 Autobiografi f r Karl Oskar Andersson // ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д. 85. Л. 100.

45 старошведов вернулись обратно и получили от государства назад свои усадьбы, а также всю необходимую помощь. К ним вскоре присоединились и другие переселенцы. Органы советской власти помогли им с посевным материалом, машинами и прочим. Те люди, которые заселились в Старошведское вместо старошведов, вынуждены были уступить им свои дома. Таким образом, советская власть была очень гуманна и доброжелательна, несмотря на то что колонисты были причиной многих неприятностей[1].

Секретарь скандинавского сектора КУНМЗ Пауль Сёдерман сопровождал в декабре 1929 г. первую группу колонистов в их обратной поездке на родину. После чего он по поручению Коминтерна три месяца работал в шведской деревне в ожидании следующей группы реэмигрантов и шведских коммунистов[2]. По решению Политбюро ШКПК в Красно-Шведской коммуне был направлен председатель Рабочего комитета по делам старошведского поселения Каспер Густафссон, который должен был руководить строительством социализма в деревне. Его жена, член партии Хильдур Густафссон (Hildur Gustafsson) собиралась развернуть работу среди женщин села. Коммунистическая газета шведских работниц в заметке «В Красно-Шведское, чтобы участвовать в социалистическом строительстве» сообщала:

Наша партийная организация в Стокгольме понесла чувствительную потерю. Два наших старейших и верных партийных товарища, Каспер и Хильда Густафссон, эмигрировали. Пострадавший от экономического кризиса товарищ Г. был выброшен с рабочего места и не мог найти работы в «народном доме». Но наши друзья в Советском Союзе не забыли, с каким мужеством оба товарища Густафссон в большевистском стиле бросались на амбразуру, защищая права старошведов. Учитывая это, им было предложено выехать в Красно-Шведское, для того чтобы принять участие в социалистическом строительстве, дело о котором они мечтали в течение многих лет. Первым выехал товарищ Каспер. И вот в среду 21 октября пришел черед товарища Хильдур. Многие партийцы пришли к пароходу, чтобы проститься. Но это прощание не было печальным. Да, мы потеряли двух прекрасных товарищей, но мы знаем, что они с огромным энтузиазмом приложат все свои силы, чтобы на новых постах реализовать идею социализма. И в этой работе все мы желаем им только одного – удачи![3]

---

1 Hermansson C. H. Kommunister. Lund, 1977. S. 63–64.

2 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 84. Сёдерман Пауль; ARAB UA 6/1. Biografica. 1944. Vol. 308. S derman Paul.

3 Till R da Svenskby f r att delta i socialismens byggande // Arbetarkvinnornas Tidning. 1931. № 5–6. S. 8. Под «народным домом» (швед. *folkhemmet*) имеется в виду

Одновременно, узнав из советских газет о возвращении шведов, в деревню прибыла группа скандинавских коммунистов из Карелии. Среди них были Эдвин Блюм, Карл Туре Грэзс (Karl Ture Gräås) и Сигфрид Хольмстрём (Sigfrid Holmström). В середине 1920-х они эмигрировали в Карелию, где под руководством финского шведа Эдварда Гюллинга (Edvard Gylling) осуществлялся эксперимент по строительству советской скандинавской республики[1]. По инициативе Артура Усениуса в 1923 г. в Петрозаводске была создана первая в СССР шведская партийная ячейка[2]. Члены ячейки активно публиковались в шведской прессе[3]. Так, Сигфрид Хольмстрём писал заметки об успехах советского сельского хозяйства, о ликвидации безграмотности, профсоюзной работе, женском движении[4]. Решение о переезде на Украину было принято карельскими шведами самостоятельно. В результате группа «карельских самозванцев» вступила в конфликт со шведскими коммунистами, прибывшими на Украину по заданию ШКПК.

Большинство шведских коммунистов прибыли в СССР вместе с семьями или создали семьи на месте, что свидетельствовало о серьезных планах на будущее. В результате архивных поисков в России Швеции и Украине удалось установить следующие имена работавших в деревне шведских коммунистов, это:

1. Эдвин Блюм
2. Карл Андерссон

социал-демократическая концепция шведского государства как общего дома для всех социальных групп общества.

[1] Эдвард Гюллинг (1881–1938) – выходец из буржуазной шведской семьи Финляндии, финский и советский политик. Одноклассник, друг и соратник Отто Куусинена. Член социал-демократической партии Финляндии. В 1908–1917 гг. – депутат финляндского сейма. В 1910–1918 гг. – доцент статистики университета Хельсинки. В 1918 г. Гюллинг – глава центрального банка Финляндии. С 1920 г. – руководитель Карельской трудовой коммуны, позже Карельской АССР. В 1935–1937 гг. – сотрудник Международного экономического института в Москве. Расстрелян НКВД 14 июня 1938 г. О нем: Eneberg K. Knuts ask och kejsaren av Karelen: om den svenska Rysslandsfebern. Stockholm, 2007; Sahlstr m A.-L. Den sista fursten: en berättelse om Edvard Gylling. Helsingfors, 2009.

[2] Артур Усениус (1888–1937) – выходец из шведской семьи Финляндии, финский и советский политик, депутат финляндского сейма от социал-демократической партии. Проживал в США, Швеции, Финляндии. В 1917 г. на квартире Усениуса в Хельсинки нелегально жил и работал над книгой «Государство и революция» В. И. Ленина. С 1920 г. жил в СССР. Один из руководителей Карельской автономии. В 1929–1930 гг. был управляющим трестом «Карелэлектро». Расстрелян НКВД 27 ноября 1937 г.

[3] Gogman L. F r 75 r sedan // Arbetarhistoria. 2001 № 4. S. 3–5.

[4] Gustafson A. Svenska sovjetemigranter: om de svenska kommunisterna och emigrationen till Sovjetunionen p 1920-och 1930-talen. Link ping, 2006. S. 47–50.

3. Хюго Лаунштейн
4. Карл Туре Грээс
5. Каспер Густафссон
6. Хильдур Густафссон
7. Сигфрид Хольмстрём
8. Гуннар Блумберг
9. Эрик Карлссон (партийный псевдоним Karl Johansson)
10. Пауль Сёдерман (партийный псевдоним Karl Nils Lindroos)
11. Эрик Петерссон (Erik Petersson)

Планировали переехать на Украину, однако по разным причинам не доехали до деревни два известных в 1930-е гг. члена ШКПК – Вильям Хейккинен (William Heikkinen, партийный псевдоним Edward Wallin) и Бьёрн Хальстрём (Björn Hallström).

Анализ биографий работавших на Украине коммунистов показывает, что ИККИ и ШКПК тщательно занимались отбором кандидатов. Эрик Карлссон и Пауль Сёдерман выросли в крестьянских семьях – редкий факт биографии члена ШКПК. Карл Андерссон был профессиональным агрономом, с 20-летним опытом работы на ведущих сельскохозяйственных предприятиях Дании[1]. Хюго Лаунштейн был по профессии механиком и кузнецом. Прибывшие в деревню карельские шведы работали до этого в тепличном хозяйстве Петрозаводска.

Как отмечалось выше, до эмиграции в Швецию в колонии не было ни одного члена или кандидата в члены КП(б)У, а население не проявляло интереса к социалистическому строительству. Под воздействием агитаторов из шведской компартии часть старошведов вступила в партию. На 1932 г. Красношведская партийная ячейка объединяла в своих рядах уже 20 человек[2]. Таким образом, в результате реэмиграции распределение власти внутри общины претерпело быстрые и радикальные изменения. Важной задачей являлась подготовка молодой смены строителей социализма. За короткий срок в деревне была создана комсомольская ячейка. Членам комсомола предложили высокие посты в местной властной иерархии. Так, Лидия Утас была назначена заведующей молочной фермы, Сигфрид Утас – учителем, а позже директором шведской школы. Под его руководством в селе заработал спортивный кружок велосипедистов. На привезенном из Швеции велосипеде Сигфрид Утас в 1939 г. выиграл первый чемпионат УССР по шоссейным велогонкам, преодолев 2220 км вдоль границ

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 99. Андерсон Карл; Autobiografi f r Karl Oskar Andersson // ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д. 85.

[2] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 268.

республики[1]. Комсомолец Юханнес Кнутас, несмотря на молодость (1912 г. р.), был назначен в 1931 г. бригадиром колхозной бригады. Он также возглавил местное отделение ОСОВИАХИМА[2]. Таким образом, за два года большевикам удалось сделать то, что им не удавалось в течение десятилетия 1920-х гг. Прежняя социальная иерархия сел была перестроена в пользу активных сторонников социализма. Это вселяло надежды на успех шведского коммунистического проекта на Украине.

2.5. Голодомор и стратегия коллективного сопротивления

В условиях тоталитарной системы большевики рассчитывали на быстрое и радикальное изменение коллективной идентичности крестьянства. Сталин подчеркивал, что коллективизация создаст новый тип крестьянина: «...крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой»[3]. Совместный коллективный труд на земле рассматривался большевиками не только как средство экономической организации, но и как механизм воспитания нового советского человека.

В 1929 г. старошведы покидали СССР под пение религиозных псалмов. В 1930 г. они возвращались на пристань Берислава под пение Интернационала. Казалось, шведские колонисты идеально подходили для строительства процветающего колхоза. Реэмигранты не имели собственной земли, скота и недвижимого имущества. Таким образом, почва для сопротивления коллективизации отсутствовала. Среди возвратившихся шведов не было кулаков, поэтому раскулачивание в деревне не проводилось. Государство оказало помощь, выделив шведской общине кредит на 85 тысяч рублей, предназначенный для выкупа и ремонта домов, а также закупки скота. Еврейские колонисты покинули ранее приобретенные для них «Агро-Джойнтом» в колонии дома и покинули деревню. Благодаря Коминтерну колхоз получил опытных специалистов. В распоряжение колхоза были тракторы и грузовая техника районного МТС. Несколько молодых шведов окончили бесплатные курсы трактористов. Прекрасный чернозем Херсонского края и наличие воды для орошения обеспечивали высокую эффективность сельскохозяйственного производства.

---

[1] Андреев А. Херсонец – первый чемпион по велоспорту // Гривна-СВ. 17 февраля 2006. С. 15.

[2] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 268.

[3] Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. М. С. 8.

Коммунистическая пресса Швеции рисовала радужные перспективы Красно-Шведской коммуны. Так, в репортаже шведского политэмигранта, посетившего деревню в апреле 1931 г., были такие воодушевленные строки:

> Широкая и длинная улица тянется между белыми и красивыми усадьбами. В центре села находится бывшая церковь <...> одурманивающий храм, на башне которого сегодня развивается красное знамя, символ нового времени над новой шведской деревней. Шведский колхоз носит имя шведской компартии <...> колхоз владеет 765 гектарами земли. Государство выделило кредит на 100 тысяч рублей для закупки домашнего скота и сельскохозяйственных машин. Районная власть предоставила агронома и трактора, семена для нового урожая. Бывшая церковь, а сегодня дом культуры оборудован сценой, театральным реквизитом и современной киноустановкой. Есть изба-читальня со шведской библиотекой, шведская школа, магазин, медицинский пункт. Работает отделение международной «Красной Помощи» и отделение Осовиахим. Впереди огромная программа по посадке виноградника и садов, электрификация села. «Никогда больше в Швецию!» – говорят те, кто вернулся, в ожидании остальных 200 человек, удерживаемых правительством Экмана[1].

Непосредственно работавший в шведской колонии агроном Карл Андерссон рисовал иную картину:

> Машины и трактора ломаются один за другим, запчастей нет, топлива не хватает. Земля истощена. План хлебозаготовок невыполним. Коровы голодные используются вместо лошадей, в итоге колхоз надаивает по 12–13 литров молока от 20 коров в день. Еда колхозников ниже всякой критики. В последнее время она состоит из месива воды и картофеля, а во время так называемой весенней кампании из похлебки на основе муки и воды. Люди живут на грани голода и работают только под строжайшим контролем[2].

Оставшись без храма, часть верующих стала активно посещать немецкую лютеранскую церковь в соседнем селе – поступок, требующий внимания, учитывая длительный конфликт шведских и немецких прихожан вокруг разделения прихода. После ареста в 1933 г. последнего немецкого пастора Фридриха Ланга (Friedrich Lang) роль духовного проповедника взяла на себя Альвина Хинас. В 1935 г. она была арестована ГПУ за религиозную пропаганду, но оправдана. В 1937 г. ее повторно арестовали и затем расстреляли.

---

[1] Svensk sovjetarbetare berättar om R da Svenskby just nu // Ny Dag. Den 4 april 1931. S. 1, 8.

[2] Svenskarna leva på svältgränsen i Gammalsvenskby // Bor s Tidning. Den 4 augusti 1933.

Несмотря на успех киносеансов у молодежи, старшее поколение шведов боялось ходить в новый клуб, считая, что там «завелись привидения»[1]. Не все шло гладко и с новой школой. Вместо начальной школы в деревне была открыта средняя семилетняя шведская школа, где преподавались также русский и немецкий языки[2]. Таким образом, место украинского языка занял немецкий – язык революционного международного движения. Однако ни один из четырех учителей бывшей начальной шведской школы не вернулся из эмиграции. Подготовка учителей для единственной шведской школы в СССР не велась. Советских учебников на шведском языке не существовало. В итоге учителями школы работали не имевшие педагогического образования шведские коммунисты Эдвин Блюм, Каспер Густафссон, а также их дочери Сири Блюм (Siri Blom) и Вильма Густафссон (Wilma Gustafsson). Вскоре к ним присоединились выпускники Херсонского педагогического техникума Сигфрид Утас и Мария Утас. В 1932 г. Эдвин Блюм, находясь в Москве, предложил должность директора школы Бьёрну Хальстрёму – одному из наиболее образованных членов шведской компартии. В 1934 г., будучи безработным, Хальстрем отправил в ИККИ на адрес Аллана Валлениуса письмо с просьбой направить его на работу учителем в Красно-Шведскую школу. Однако товарищи по партии отговорили его от идеи переезда на Украину, ссылаясь на «голод, о котором не пишут в газетах». Густав Юханссон, в частности, сказал, что «увиденная картина может сделать из тебя контрреволюционера, заставив усомниться в правильности советской политики и в коммунизме»[3]. Таким образом, семилетняя шведская школа оставалась без квалифицированных педагогов и необходимой учебной литературы и не могла функционировать как полноценное учебное заведение. Первая проверка новой школы в 1932 г. признала ее работу неудовлетворительной. Дети учились по дореволюционной литературе, читали буржуазные шведские книги. Ученики не понимали русского и украинского языков, разговаривали исключительно на шведском языке:

> Когда я [инспектор Бериславского районного бюро коммунистического детского движения Гимерверт] спросил одного ученика, почему ты не возьмешь газеты и не почитаешь, учитель перевел его ответ:

---

[1] Интервью с Астрид Лаунштейн Брагнум (Astrid Lauenstein Bragnum). Стокгольм, 10 мая 2008. Из архива автора.

[2] R da Svenskby är stadd i snabb utveckling // Ny Dag. Den 21 februari 1931. S. 1.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 284. Гальстрём Бирн; Bj rn Hallstr m, Jag trodde på Stalin. Stockholm, 1952. S. 72–73.

«...а нам надоело читать про разные социалистические соревнования и политехнизацию школы»[1].

В условиях охватившего осенью 1932 г. советскую Украину голода крестьяне колонии были поставлены перед дилеммой: искать помощи советской власти или вновь обращаться к Швеции. Как и многие хозяйства, шведский колхоз не выполнил плана хлебозаготовок 1932 г., в результате колхоз была занесен на так называемую черную доску. У жителей села изъяли запасы хлеба, было вывезено все колхозное зерно, включая посевной фонд 1933 г. Был прекращен завоз продуктов в местный магазин. Колхозникам перестали выдавать продукты за трудодни, специалистам МТС обслуживающим колхоз прекратили выплату заработной платы[2]. Поздней осенью 1932 г. в деревню пришел голод. Люди выживали за счет картошки и капусты, ловли рыбы в реке и охоты на сусликов в степи. Были проданы привезенные из Швеции ценные вещи: велосипеды, швейные машинки, одежда[3].

Шведские коммунисты обратились к районному комитету партии с просьбой оказать экстренную помощь деревне, находящейся «на грани голода». Одновременно сельсовет направил письмо с просьбой о помощи в Одесский обком партии. Эта просьба, как и предыдущая, также осталась без ответа[4]. Это означало, что шведские коммунисты оказались не в состоянии помочь населению деревни. Конфликт между шведскими коммунистами достиг своего апогея. Для многих коммунистов эмиграция стала тяжелым испытанием из-за незнания языка и непривычного для них советского образа жизни. Один из шведских эмигрантов писал на Родину: «...мы приехали сюда с целью помочь России, но получилось так, что это мы ничего не понимаем здесь и сами нуждаемся в помощи»[5]. Возмущенный Хюго Лаунштейн заявил уполномоченному райкому партии Кабаковой, что ему «порядки в СССР не нравятся, арестовывают, разве это коммунизм и свобода. Люди мрут десятками из-за голода, голодают, разве это демократия, за границей больше

---

[1] Голова районного бюро комуністичного дитячого руху (КДР) Гімервер про роботу шкіл Бериславського району. 25.07.1932 г. // ДАХО. Ф. 306. Оп. 1. Д. 279.

[2] Дело № 287 по обвинению Нурберга Матвея Матвеевича, Сигалета Семена Семеновича, Кнутаса Александра Христиановича, Андерсона Карла-Оскара и Утаса Петра Эдуардовича по ст. 54/10 УК УССР. 156 лл. // ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д. 85.

[3] Интервью с Матильдой Нурберг (1918 г. р.). Рума. Готланд. 1 августа 2008 г. Из архива автора.

[4] Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів. Київ, 1994. № 82.

[5] Gogman L. «T rarna kommo ofriviligt i gonen». Sovjetunionen // Arbetarr relsens arkiv och biblioteks hemsida. URL: http://www.arbark.se/pdf_wrd/vik07.pdf

демократии»[1]. В результате ссоры с Эдвином Блюмом Каспер и Хильда Густафссон с детьми покинули колонию и выехали в Ленинград. У деревенского колодца колхозница Кристина Сигалет стала свидетелем ссоры между Лаунштейном и Блюмом. Лаунштейн, проклиная Блюма, заявил, что «черви съедят его живым за то, что он заманил их в такое ужасное место»[2]. Далекими от идиллии были также отношения прибывших из Швеции коммунистов с колонистами. Крестьяне справедливо упрекали занявших административные должности коммунистов в паразитизме: «ходят пузатые, сами не работают»[3]. Уважением пользовались только коммунисты, работавшие в поле, – агроном колхоза Андерссон и кузнец Лаунштейн. Колонистов возмущало активное участие шведских коммунистов во главе с «красным дьяволом» Эдвином Блюмом в раскулачивании соседних немецких сел[4].

Из материалов местной власти складывается мрачная картина массового голода на Херсонщине. В соседнем со шведской колонией украинском селе Тягинка к весне 1933 г. были отмечены случаи опухания учащихся от голода, до 50 % детей не посещали школу[5]. В селе Заградовка в апреле 1933 г. лежало «13 незахороненных трупов <...> население ходит с мешками и занято собиранием пищи, растаскивая падаль, собирают траву. В этом селе перебили и съели всех собак и кошек <...> у единоличницы Федорченко обнаружен труп умершего мальчика, зарытый в хате, у трупа вырублены мягкие части рук и плеч, вырезаны уши, вырублены на туловище все части мяса до костей. Все это употреблено в пищу»[6]. Несмотря на замалчивание голода в советских средствах массовой информации скрыть случаи массовой гибели людей в соседних селах было невозможно. В своих письмах родственникам в Швецию колонисты сообщали о том, что от голода полностью вымерло украинское село Малая Лепетиха[7]. В 1933 г. в этом селе действительно были зафиксированы случаи массовой гибели от голода[8].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 99. Андерсон Карл.

[2] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 264.

[3] Интервью с Матильдой Нурберг (1918 г. р.). Рума. Готланд. 1 августа 2008 г. Из архива автора.

[4] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 244–245.

[5] Піддубняк В. Г. Жниво Молоха: Голод 1932–1933 рр. на Херсонщині. Херсон, 2006. С. 58.

[6] Там же. С. 54.

[7] Utas J. Op. cit. S. 262.

[8] Піддубняк В. Г. Жниво Молоха. С. 58.

Посольство Швеции в Москве предприняло несколько неудачных попыток отправить в колонию специального посланца с целью изучить ситуацию на месте. Поездки дипломатического корпуса в УССР пресекались. Было получено согласие на поездку в колонию от норвежского предпринимателя Толлера (Toller). Однако после того как норвежец потребовал от посольства официальной дорожной карты, от его услуг пришлось отказаться. Посол Швеции Эрик Гюлленшерна (Eric Gyllenstierna) обратился к послу Германии Фритцу фон Твардовскому (Fritz von Twardowski) с просьбой навести справки о ситуации в шведской колонии через немецкое консульство в Одессе[1]. О результатах просьбы ничего не известно.

В январе 1933 г. колхозники перешли к открытому обсуждению выхода из кризиса. Маттиас Нурберг на собрании колхоза заявил: «...зачем нам колхозы? Работаем, работаем, а хлеба нет, сидим голодные, лучше вести индивидуальное хозяйство»[2]. Кроме идеи повторной эмиграции в Швецию обсуждались варианты обращения за помощью в немецкое консульство Одессы. Часть шведов не верила в возможность легальной эмиграции и ратовала за нелегальный переход советско-румынской границы. Так, Юлиус Хансас сказал: «...я в этом колхозе не подохну и надеюсь удрать в Швецию через Бессарабию»[3]. Шведские женщины написали письма в Швецию с рассказом о критическом положении в деревне:

> Мы согрешили против Швеции и шведов и продемонстрировали огромную неблагодарность. Но мы не ведали, что творили, охваченные изнурительной тоской по Родине. В селе нет ни еды, ни керосина. В магазине продаются только коммунистические книги, плакаты и прочий мусор. Все плохо, очень плохо. Если вы христиане, вы должны простить нас. Подумайте о наших невинных детях[4].

О голоде на Украине начали сообщать и шведские коммунисты. 19 марта 1933 г. представитель ШКПК Гуннар Гранлунд (Gunnar Granlund) докладывал в ИККИ, что к нему поступили сведения о том, что Лаунштейн пишет своей теще «откровенно контрреволюционные письма, направленные против Советского Союза и очерняющие положение в Шведской деревне»[5].

---

[1] Riksarchivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. III. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar. 1930 – mars 1956.

[2] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д.85, Л. 36–37.

[3] Там же. Оп. 4. Д. 359. Л. 131.

[4] Nya n drop fr n fränderna i Svenskby // Norrk pings Tidningar. Den 3 mars 1933. S. 7.

[5] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 341. Лауенштайн Гюго Альберт.

Как показал в своем исследовании Ёран Летц, теме голода на Украине и Северном Кавказе уделялось большое внимание в публикациях шведской буржуазной прессы. Например, только «Aftonbladet», опубликовала в 1932 г. около 20 статей на тему голода в СССР[1]. Газеты связывали голод с насильственной коллективизацией, а также передавали о попытках властей скрыть факт голода и случаи каннибализма в охваченной голодом Украине[2]. Источником информации были немецкие, английские и американские издания. Левая пресса Швеции, наоборот, отрицала факт голода, называя его «временными продовольственными трудностями». Более того, газета «Ny Dag» осуждала «лживые публикации буржуазных газет», сообщая своим читателям, что «урожай 1932 на Украине – лучший за последние 32 года»[3].

Информация о голоде в шведской колонии произвела эффект разорвавшейся бомбы и стала мощным ударом по коммунистической пропаганде[4]. 2 марта 1933 г. крупнейшая либеральная газета Швеции «Aftonbladet» опубликовала статью «Кишки животных и картофельная шелуха – основная еда в Шведской деревне», в которой сообщала читателям о массовом голоде и катастрофическом положении херсонских шведов. Старейшая газета Швеции «Norrk pings Tidningar» 3 марта 1933 г. опубликовала статью «Новый крик о помощи от соотечественников в Шведской деревне» с жесткой критикой коммунистического проекта. Возникла угроза серьезного международного скандала. 13 марта 1933 г. Политбюро КП(б)У в срочном порядке обсудило ситуацию в шведской колонии. Одесскому комитету партии было приказано «немедленно принять меры по полной ликвидации случаев голода в селе Старошведское». Председателю ГПУ УССР Всеволоду Балицкому было поручено «принять меры по пресечению проникновения сведений про случаи голода в селе Старошведское за границу»[5]. Чекисты, как всегда, работали на опережение, и еще 8 марта в шведской колонии прошли первые аресты.

---

1 Leth G. Den svenska pressen och Den stora hungern: mänskliga rättigheter i spänningsfältet mellan politik och journalistisk form // Kommunismens ansikten: repression, vervakning och svenska reaktioner. Esl v, 2005. S. 85–140.

2 Ryska b nder drivas till svältd den. F inga livsmedelskort – kannibalism i Ukraina? // Aftonbladet. Den 6 december 1932; Sovjet s ker d lja n den. Grusjevskij rapporterade sanningen – och f ll i on d // G teborgs Handels- och Sj fartstidning. Den 23 augusti 1933.

3 Leth G. Den svenska pressen och Den stora hungern. S. 109, 95–108.

4 Ryssarna l ta svenskbybor svälta ihjäl. Den svenske agronomens vederm dor // G teborgs Handels- och Sj fartstidning. Den 4 augusti 1933.

5 Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «Про село Старошведське». Особая папка решений Политбюро. Протокол № 106, пункт 16 // ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 9. Л. 189.

Оказавшись в критической ситуации, колонисты вновь использовали проверенный веками опыт, а именно, коллективное обращение к высшей власти Швеции. В начале марта составленный на шведском языке в двух экземплярах «Список колонистов шведов, желающих выехать в Швецию» с подписями всех жителей села был отправлен с почтовых отделений Каховки и Херсона. Одно из писем было перехвачено ГПУ. Второй экземпляр достиг адресата и хранится сегодня в Государственном архиве Швеции[1]. Для советской власти стало сюрпризом то, что просьбу об эмиграции в Швецию подписали все жители села, в том числе члены компартии и комсомола, а также коммунисты из Швеции. Когда следователь ГПУ Бобаль спросил Петтера Кнутаса, почему он, коммунист, подписал список, последний ответил: «...я подписал, так как продукты в магазин не завозят, в последнее время я ем неочищенную картошку, а хлеба у меня совсем нет»[2]. Антисоветскую деятельность местных коммунистов следователи ГПУ объясняли их «кулацким происхождением». Сложнее было со шведскими коммунистами. Составивший список агроном Карл Андерссон на допросе заявил: «...я лично в Швецию ехать не собирался, но здесь мне уж очень плохо, я не получаю 3 месяца зарплату и продукты, и поэтому вынужден уехать»[3]. Участник революции в Германии, 47-летний рабочий Хюго Лаунштейн решительно заявил работникам ГПУ следующее: «...я список подписал, хотя нужды в этом не было. Я лично считаю, что эмиграционная деятельность не является преступлением, тем более когда колонисты голодают и не имеют никого тут, кто бы мог придти им на помощь»[4].

Условия содержания в советской тюрьме шокировали граждан Швеции:

> Обращение сотрудников с заключенными было нормальным, но санитарно-гигиенические условия были ужасными. 40 человек или даже больше были размещены в одной камере, и пространство камеры набивалось так плотно, что мы вынуждены были спать на лавках друг на друге. Пол был из глины, плюс страшная вонь от клозета – деревянной емкости в углу камеры[5].

В 1933 г. херсонские чекисты не применяли к арестованным мер физического воздействия, однако, по словам шведского коммуниста

---

[1] Riksarkivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. 3. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar. 1930 – mars 1956.

[2] ДАХО. Ф. Р-4033.Оп. 9. Д. 85. Л. 40–41.

[3] Там же. Л. 21–22.

[4] Там же. Л. 78–79.

[5] Svenskarna leva p svältgränsen i Gammalsvenskby // Bor s Tidning. Den 4 augusti 1933.

Андерссона, «созданное психическое напряжение было на грани человеческих сил». По традиции допросы проходили в ночное время. Они изнуряли заключенных, так как работники ГПУ, забирая на допрос очередного подследственного, будили всю камеру. Следуя принципу «кто не работает, тот не ест», власть выгоняла подследственных днем на тяжелые принудительные работы:

> Мы получали по 400 граммов в день, зимой лишь по 150–200 грамм, при этом заключенные обязаны были отрабатывать тюремный паек. Работа проходила в степи, в 7 км от тюрьмы, и продолжалась с 5 часов утра до половины 10 вечера. Поход на работу и с работы осуществлялся пешком[1].

26 апреля 1933 г. влиятельный депутат шведского парламента, фермер Густав Ольссон (Gustaf Olsson i Ramsta) обратился к министру иностранных дел Рикарду Сандлеру (Rickard Sandler) и королю Швеции Густаву с просьбой вмешаться в дело арестованных в УССР граждан Швеции Карла Андерссона и Петтера Э. Утаса. При этом депутат ссылался на полученное им письмо из СССР от Кристины Утас[2]. Тем временем в мае 1933 г. депутаты польского сейма от украинских партий Милена Рудницкая и Зенон Пеленский направили письмо президенту Лиги Наций, норвежскому социал-демократу Йохану Людвигу Мовинкелю (Johan Ludwig Mowinckel). Западноукраинские политики заявили:

> В советской Украине происходит катастрофа, голод, который еще знала история. Несмотря на это, Советский Союз отрицает голод, а Лига Наций не предпринимает никаких действий... Между тем среди жертв голода – представители народов Европы: шведы, латыши, эстонцы и поляки[3].

Таким образом, несмотря на принятые ГПУ меры по изоляции деревни, в Скандинавии узнали об арестах. В апреле 1933 г. журналист Альма Браатен (Alma Braathen) публикует статью «Рука Чека над Старошведской деревней» с информацией об арестах, голоде в деревне и желании шведов вернуться в Швецию[4]. Свободный журналист Альма Браатен посетила колонию в июле 1932 г. во время

---

[1] Svenskarna leva p svältgränsen i Gammalsvenskby // Bor s Tidning. Den 4 augusti 1933.

[2] Riksarkivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. 3. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar. 1930 – mars 1956.

[3] Марочко В. Дипломатія замовчування: Ставлення західноєвропейських держав до Голодомору 1932–1933 рр. в Україні // Голод-геноцид 1933 року в Україні. Київ, 2000. С. 154–158.

[4] Braathen A. Tjekans hand ver Gammalsvenskby // Vecko-Journalen. 1932. № 45. S. 20–21.

своей поездки по СССР. Ее оптимистический репортаж «Правда о Гаммальсвенскбю» был опубликован в Швеции[1]. Однако в неформальных разговорах с жителями села она обещала помочь в вопросе повторной эмиграции[2]. Браатен опубликовала отрывки из писем херсонских шведов с мольбами о помощи. В них были такие строки:

> Мои самые наилучшие пожелания, добрейшая госпожа, я хотел бы попросить Вас дать совет, как нам возвратиться в Швецию, нужно ли нам, шведским гражданам, разрешение на въезд, да нам не надо никакой финансовой помощи, и мы, несколько семей, готовы ехать в Швецию за собственный счет <...> Мы бы никогда не голодали, если бы они не забрали все зерно, выращенное нашей артелью. Урожай был неплохой, но они только требовали еще и еще и вывозили собранное нами зерно машина за машиной. Даже после того, когда они вывезли все, план хлебозаготовок не был выполнен, и теперь мы, несчастные, сидим без хлеба и голодаем. На улице стоит такой холод, что хозяева не выпускают собак на двор, однако мы, несчастный народ, вынуждены выходить в степь собирать и молотить подмороженные плевела[3].

3 июля 1933 г. «Dagens Nyheter» сообщила о судьбе одного из арестованных – агронома Карла Андерссона. 3 августа 1933 г. крупнейшая газета Швеции «Nya Dagligt Allehanda» опубликовала подробный отчет о процессе ГПУ против старошведов под рубрикой «Старошведы депортированы Советами! Процесс Чека против шведских потомков – новый процесс Викерс»[4]. 4 августа 1933 г. «Bor s tidning» публикует материал «Шведы живут на грани голодной смерти в Старошведской деревне».

Вмешательство шведских средств массовой информации и правительства Швеции изменило планы ГПУ. Первоначально готовился большой показательный процесс по делу «организации массовой эмиграции из СССР». В ходе операции было арестовано 7 человек и вызвано на допросы более 20 жителей села. Прокурор Бериславского района Роман Руденко требовал для каждого из подозреваемых

---

[1] Idem. Sanningen om Gammalsvenskby // Vecko-Journalen. 1933. № 19.

[2] Протокол допроса А. Х. Кнутаса. 7 марта 1933 г. // ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 9. Д. 85. Л. 7–8.

[3] Braathen A. Tjekans hand ver Gammalsvenskby // Vecko-Journalen. 1932. № 45. S. 21. По сведениям Браатен, план хлебозаготовок для шведского колхоза был определен в 27 тысяч пудов зерна. Потом он был снижен до 18 тысяч пудов. После всех реквизиций колхоз все равно не выполнил план, сдав 15,2 тысяч пудов зерна.

[4] Gammal-svenskbybor har deporterats av Sovjet! Tjekans process mot svenskättlingarna ny Vickers-affär // Nya Dagligt Allehanda. Den 3 augusti 1933. В апреле 1933 г. в Москве состоялся очередной процесс вредителей. Среди обвиняемых были 6 английских инженеров, работников фирмы «Метрополитен-Викерс», поставлявшей оборудование на крупнейшие стройки СССР.

12 лет заключения с конфискацией имущества[1]. В итоге суд приговорил к 3 годам ссылки без конфискации имущества четырех колонистов, освободив от всех обвинений шведских коммунистов. Андерссон и Лаунштейн выехали на Родину. С помощью МИД Швеции жена Андерссона, гражданка СССР Мария Андерссон (урожденная Утас) получила шведский паспорт и эмигрировала в Швецию. Петтера Э. Утаса ожидала другая судьба. 18 июня 1933 г. он направил из херсонской тюрьмы письмо «правительству Швеции» на шведском языке с просьбой о помощи[2]. Являясь гражданином Швеции с 1931 г., он приехал в Советский Союз в 1932 г. по туристической визе как переводчик группы шведских коммунистов. По прибытию в Ленинград был арестован ГПУ. Вскоре Утас был отпущен, однако без шведского паспорта, на том основании, что он является гражданином СССР, а не Швеции. Несмотря на поддержку депутатов парламента и МИД Швеции освободить Петтера Э. Утаса из советского заключения не удалось. В 1937 г. он был вновь арестован и расстрелян. Прокуратура Украины реабилитировала Петтера Э. Утаса только в 1999 г.[3]

Летом 1933 г. советская власть начала оказывать помощь некоторым категориям пострадавшего от голода сельского населения Херсонщины. Продуктовая помощь предоставлялась семьям красноармейцев, для партийного актива были открыты закрытые распределители[4]. Соседи шведов – немецкие колонисты Одесской области – получали денежные переводы и продуктовые посылки из Германии через благотворительную организацию «Br der in Not». Помощь старошведам оказали рядовые граждане Швеции. Специальной общественной организации создано не было. В то время как левые газеты хранили молчание, правая пресса обсуждала практические вопросы помощи украинским шведам. Рекомендовалось отправлять индивидуальные переводы в валюте, которую можно было по хорошему курсу реализовать через Торгсин. Выжить в обстановке массового голода шведам помог конфликт интересов различных советских учреждений. В то время как ГПУ стремилось максимально ограничить контакты

[1] Роман Андреевич Руденко (1907–1981) – работник советской юстиции. В 1933–1937 гг. – прокурор Бериславского района. В 1944–1953 гг. – прокурор Украинской ССР. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. В 1953–1981 гг. – генеральный прокурор СССР.

[2] Petter U. Till Sveriges Regering! Den 18 juni 1933 // Riksarkivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. 3. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar. 1930 – mars 1956.

[3] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359.

[4] З історії голодомору на Херсонщині у 1932–1933 рр. Добірка документів. Херсон, 2003. С. 26, 31.

колонистов с заграницей, сотрудники Торгсина, наоборот, в погоне за планом объезжали шведские и немецкие колонии, призывая жителей направлять письма о помощи за рубеж[1]. С разрешения советского руководства Торгсин организовал рекламную кампанию в западных средствах массовой информации, призывая граждан высылать валюту родственникам и соотечественникам в СССР[2]. На полученную валюту старошведы приобретали необходимое продовольствие в магазинах Торгсина в Каховке и Херсоне. В письме от 29 марта 1934 г. Альвина Хинас сообщала в Швецию:

> Я должна рассказать тебе, что мы получили один фунт стерлингов из Гетеборга. Юхан вчера был в Торгсине в Каховке <...> Это был ангел Божий, который принес нам на Пасху такой подарок. За фунт стерлингов мы получили 8 рублей 84 копейки[3].

Таким образом, благодаря поступившей помощи и реакции Швеции колонистам в отличие от жителей соседних украинских сел удалось пережить Голодомор. Густав Аннас вспоминает:

> В ужасном 33-м году голод нас, правда, не сильно зацепил: пришли продуктовые посылки от земляков, шведского Красного креста... семья у нас была большая: мать родила 11 детей. Спасли эти посылки многих людей, в том числе моих родителей. Чего не скажешь про несчастных украинцев: им помощи никто не присылал. Более того, у них забрали все до крошки. И выход был у них один – умирать голодной смертью[4].

В этой связи является справедливым мнение итальянского историка Андреа Грациози, который считает, что, рассуждая о Голодомор, мы должны учитывать разный масштаб, национальный характер и разный темп массового голода. Безысходная ситуация, в которой оказались украинские крестьяне степных районов, позволяет обсуждать «национальную интерпретацию Голодомора»[5].

---

[1] Докладная записка главы ГПУ УССР В. Балицкого ЦК КП(б)У про влияние националистических организаций и консульств Германии на немецкое население Украины и предоставление ему «гитлеровской помощи». 22.05.1934 г. // Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів. Київ, 1994. № 87; О роли Торгсина в годы массового голода на Украине см.: Марочко В. І. «Торгсин»: золота ціна життя українських селян у роки голоду (1932–1933) // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 90–103.

[2] Осокина Е. Золото для индустриализации. Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. С. 146–165.

[3] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 264.

[4] Аннас Густав Густавович. Интервью. Опубликовано в кн.: Піддубняк В. Г. Жниво Молоха: Голод 1932–1933 рр. на Херсонщині. Херсон, 2006. С. 80.

[5] Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2008. С. 76–80.

2.6. Заключительные замечания

Трудно сказать, чем закончился бы международный коммунистический проект в шведской колонии, если бы не Голодомор. Отметим, что на первоначальном этапе проекта власти удалось в короткий срок кардинально изменить традиционный уклад жизни общины украинских шведов. Место индивидуального фермерского хозяйства занял колхоз. Активная приходская жизнь была полностью разрушена, и вместо церкви был открыт клуб. Впервые в деревне была создана партийная ячейка и комсомольская организация. На первом этапе реализации политики принудительной нормализации колонистов удалось добиться заметных успехов, однако сопротивление шведов заставило власти внести в эту политику некоторые коррективы. Жесткий курс сталинского руководства был, скорее всего, проявлением слабости, а не силы советского строя. Скромные результаты колхозного строительства и низкая производительность труда колхозников ставили власть в тупик. Но если украинские крестьяне остались наедине со своей бедой и массово вымирали, у шведских колонистов было значительно больше шансов выжить. Дело было не только в международном статусе шведского колхоза. Несмотря на строгое указание местным властям «немедленно принять меры по полной ликвидации случаев голода», ничего сделано не было. Помощь пришла из Швеции, и организовали ее сами крестьяне. Проверенная веками стратегия позволила колонистам вновь выйти из чрезвычайной ситуации без человеческих потерь. Тем не менее осужденные в 1933 г. «за организацию повторной эмиграции в Швецию» жители села были вновь арестованы в 1937–1938 гг. и погибли в застенках НКВД.

Голодомор и репрессии ГПУ поставили крест на международном коммунистическом эксперименте. В 1933 г. все шведские коммунисты покинули деревню. Шведская эмигрантка Сигне Каскела (Signe Kaskela) встретила в 1933 г. в Карелии семью Хольмстрём после их бегства из колонии. В опубликованных в Швеции мемуарах она пишет о своем впечатлении о встрече:

> Я помню двух шведских девушек по имени Свея и Ёта Хольмстрем, приехавших из шведской деревни на Украине. Мы позже вместе работали на одном заводе по изготовлению деталей из слюды. Девушки рассказывали мне об ужасном голоде, который они пережили там, таком, что они сидели без хлеба, несмотря на то что Украина была одной из самых плодородных областей России. Но коллективизация была жестокой, и, несмотря на сильную засуху, колхоз должен был сдать все зерно государству. То, что в результате колхозники начали голодать, никого не волновало <...> Свеа получила цингу, ее десны

кровоточили, на ногах были синие язвы. Ёта была сильно исхудавшей, но пережила голод легче, чем ее сестра[1].

Сигфрид Хольмстрём остался в Карелии и впоследствии принял советское гражданство. Он пропал в годы Большого террора. Его дочь Ёта Хольмстрём (G ta Holmstr m), до сих пор проживающая в карельском городе Лахденпохья, с начала 1990-х гг. пытается выяснить судьбу отца и позицию шведского государства по оказанию помощи шведам, оказавшимся в сталинском СССР. В 2009 г. ее запрос рассматривался парламентом Швеции[2].

Все старошведы, подписавшие список желающих выехать в Швецию, подверглись опале. В 1933 г. не прошли партийную чистку и были исключены из партии Петтер Кнутас, Вольдемар Утас, Андреас Утас и Ирья Бускас. Они вступили в ряды коммунистической партии в Швеции, что стало дополнительной причиной для подозрений[3]. После чистки среди руководства села власть заменила руководящих работников-шведов на лояльных украинцев. Секретарем партийной ячейки стал Макар Шурдук, председателем шведского национального сельсовета был избран Дмитрий Краковский, Леонид Шевченко возглавил комсомольскую организацию.

После Голодомора интерес к шведскому коммунистическому проекту на Украине спал. Об этом свидетельствует отсутствие после 1934 г. в материалах ИККИ и шведской компартии какой-либо информации о колонии. Смена курса отражала общую тенденцию советского руководства, сменившего риторику мировой революции на лозунг обороны социалистического отечества. Созданные шведскими коммунистами институты – семилетняя шведская школа и колхоз – просуществовали по инерции еще несколько лет и были ликвидированы накануне Второй мировой войны. В ходе Большого террора НКВД арестовало 22 жителей села, обвиненных в создании мифической «шведской контрреволюционной шпионской организации». По версии чекистов, резидентами разведки были шведские коммунисты Блюм и Лаунштейн, превратившиеся

---

[1] Kaskela S. Under Stalins diktatur. G teborg. S. 26.

[2] Kirunasvenskarna. Motion till Riksdagen. 2010/11:FP1186. Gunnar Andr n (FP).

[3] Например, пытаясь восстановиться в 1937 г. в партии, Ирья Бускас предъявил характеристику, подписанную в 1930 г. оргруководителем ШКПК Иваном Эгенкранцем (Iwan Engcrantz), заверенную консулом СССР в Швеции Владимиром Смирновым. Несмотря на подлинность документа, Ю. Бускасу в восстановлении членства в партии было отказано. Комиссия по переводу членов братских партий в ВКП(б) посчитала факт наличия шведской характеристики «подозрительным». См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 231. Бускас Юрий.

по воле НКВД из борцов за мировую революцию в агентов капитализма.

По-разному сложились судьба связанных с Украиной шведских коммунистов. Лидер Красно-Шведской коммуны Эдвин Блюм после возвращения на родину вынужден был, по иронии судьбы, стать частным фермером. До своей смерти в 1953 г. он оставался активным членом партии и убежденным сталинистом. Эрик Петерссон и Бьёрн Хальстрём после возвращения в Швецию вышли из партии. Хальстрём издал в 1937 г. книгу «Я верил Сталину» – одно из первых шведских обличений сталинского режима. Карл Андерссон и Хюго Лаунштейн были исключены из партии Бериславским райкомом партии. В письме в ИККИ райком партии на плохом русском языке пытался переложить вину на шведских коммунистов:

> Прибывшие из Швеции в Бериславский район в село Старо-Шведское колхоз Шведкомпартия т.т. Андерсон Карл, член партии, и Лаунштейн Гюго, член партии, которым мы создали благоприятные условия для работы, т. е. дали им отдельный дом для жилья, МТС приняла их на службу и платила жалованье по 200 рублей в месяц, от колхоза получали муку, масло, а т. Блюм оставил им 30 штук кур. Осталось им только работать и укреплять колхоз. Андерсон занялся вербовкой шведов о выезде в Швецию. Списки, которые он составил и шведы подписали, находятся в Харьковском ГПУ. Андерсон арестован <...> Лаунштейн сделал вывод, что за границей больше демократии, чем в СССР. Кроме того, он ведет разлагающую работу в колхозе. Бюро РКП, заслушав начальника ГПУ о состоянии Старошведского колхоза и секретаря п/о [партийной организации], постановило: исключить из партии т. Андерсона и Лаунштейна. Секретарю п/о вынесть (так в тексте. – *А. К.*) строгий выговор с предупреждением, а председателю с/совета выговор. После этого решения мы послали члена Бюро РПК на 5 дней [в шведский колхоз] для проведения массовой политической работы и имеем результаты 100 % выполнения посева и 100 % подписки на заем. Про все вышеизложенное ставим Вас в известность[1].

В отделе кадров ИККИ была создана специальная комиссия, которую возглавили эстонцы Рихард Меринг и Гильда Зонберг[2]. В ре-

---

[1] Москва, Коминтерн. Скандлендерсекретариат. Письмо секретаря Бериславского РКП Антонова от 25 мая 1933 г. Совершенно секретно. Пометка на полях на шведском языке «Läge p   Altschwedendorf» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 99. Андерсон Карл.

[2] Рихард Меринг (Richard Meering) (1900–1938) – эстонский коммунист, сотрудник аппарата Коминтерна. Расстрелян НКВД в 1938 г.; Гильда Зонберг (Hilda Zonberg) (1893–1938) – заведующая секретариатом отдела кадров Коминтерна, эстонка, выросшая в крестьянской семье среди шведов острова Даго. Расстреляна НКВД в 1938 г.

зультате расследования Хюго Лаунштейн из участника немецкой революции и политэмигранта превратился в уголовника, ограбившего ювелирный магазин в Германии. Якобы с самого начала Лаунштейн был связан с буржуазной средой, его жена является владелицей кафе, а сам он проживает в Стокгольме в благоустроенной квартире. Так, по знакомой каждому советскому человеку схеме коммунист-идеалист был превращен властью в «провокатора»[1]. Отметим, что руководитель ШКПК Свен Линдерут, демонстрируя самостоятельность, дал положительную характеристику на опального коммуниста: «...ничего плохого за время его пребывания сказать не могу <...> поехал в СССР, в шведскую деревню на Украине по приглашению оттуда и с согласия партии»[2]. Однако правильность сталинского курса не подавалась сомнению, и в неудаче Красно-Шведской коммуны обвинены были шведские коммунисты. Комиссия ИККИ подтвердила исключение Андерссона и Лаунштейна из партии. Их партбилеты были изъяты и хранятся сегодня в Москве[3].

Для сотрудников Коминтерна Эрика Карлссона и Пауля Сёдермана работа в Красно-Шведской коммуне стала стартовой площадкой для большой карьеры. Эти коммунисты пользовались особым доверием ИККИ и советского руководства. В 1933 г. Сёдерман был назначен главным редактором центральной газеты компартии Швеции «Ny Dag». В 1936 г. он руководил шведской компанией помощи республиканской Испании. С середины 1930-х гг. Пауль Сёдерман выполнял специальные задания курьера иностранного отдела ГПУ/НКВД/МГБ в Северной Европе. Его шведский паспорт хранится в Москве[4]. В годы Второй мировой войны Сёдерман являлся одним из организаторов нелегальной сети коммунистического сопротивления, созданной на случай оккупации Швеции нацистской Германией[5]. Эрик Карлссон после стажировки на Украине работал агитатором среди норвежских лесорубов в Архангельской области. В 1933 г. он стал доцентом, ректором скандинавского сектора Международной ленинской партшколы, заведующим скандинавской редакцией радио Коминтерна[6]. После Второй мировой войны Карлссон сделал

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 341. Лауенштайн Гюго Альберт.

[2] Там же. Л. 15.

[3] Там же. Личное дело № 99. Андерсон Карл; там же. Личное дело № 341. Лауенштайн Гюго Альберт.

[4] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 84. Сёдерман Пауль.

[5] Sj sted J. Tystnande motst ndsmän // Västerbottens-Kuriren. Den 4 maj 2009.

[6] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Личные дела. Коммунистическая партия Швеции. Личное дело № 9. Часть 1–2. Карлссон Эрик.

блестящую политическую карьеру на родине. В течение ряда лет он был секретарем компартии, депутатом парламента Швеции. Карлссон считался главным экспертом партии в крестьянском вопросе, автором первых в истории шведского коммунистического движения публикаций по проблемам аграрной политики[1], был известен как «один из самых известных членов партии, верный ленинец и теоретик коммунизма»[2]. Он скончался в 1970 г.

Как правило, шведские коммунисты по возвращению на родину хранили обет молчания о своей деятельности на Украине. Единственным нарушителем дисциплины был исключенный из партии Карл Андерссон. Он дал ряд интервью шведской прессе, в которых рассказал о катастрофическом положении в шведском колхозе и массовом голоде на Украине. В октябре 1933 г. в издаваемом обществом «Друзья Советского Союза» журнале «Sovjetnytt» была опубликована статья «Агроном Андерссон и Красно-Шведская деревня». Авторы очерка отмечали, что:

> В буржуазной прессе недавно был опубликован ряд обширных статей о неком агрономе Карле Андерссоне. Содержание этих статей является ужасным очернением государства рабочих и крестьян и колхозного строительства в Красно-Шведской деревне. Поэтому отдел общества «Друзей Советского Союза» в Варберге, члены которого лично знают Андерссона, решил создать комитет с целью опросить агронома в связи с его публикациями в буржуазной прессе[3].

Члены комитета опубликовали отчет о проведенной ими работе с заблуждающимся товарищем, демонстрирующим глубокое непонимание шведскими гражданами репрессивной природы сталинского режима:

> Андерссон утверждает, что на Украине царит голод, однако он рассказал нам, что, несмотря на все трудности, в 1933 году на Украине собран рекордный за последние 42 года урожай. Как это утверждение соотносится с его сведениями о том, что народ на Украине голодает? На самом деле он продался капиталистам. Разве не было его задачей как специалиста, агронома улучшение качества почвы и рациональное введение сельского хозяйства?[4]

В отличие от Андерссона Лаунштейн воздерживался от публичных разоблачений советского строя. Однако в частных беседах он утверждал:

---

1 Karlsson E. Jordbruksfr gor i svensk politik. Stockholm, 1936; idem. Lantarbetarna: l ner, arbetstid, bostäder. Stockholm, 1936.

2 ARAB. Biografica. Vol. 159. Erik Karlsson.

3 Agronom Andersson och R da Svenskby // Sovjetnytt. 1933:10. S. 8–9.

4 Agronom Andersson och R da Svenskby // Sovjetnytt. 1933:10. S. 8–9.

Мы уезжали фанатичными коммунистами, но теперь я даже не хочу слышать о коммунизме. Бедные старошведы, которые уехали обратно в СССР. Мы были поражены тем, что увидели и пережили в самой «свободной» стране[1].

Эмиль Нурберг (1924 г. р.) вспоминает о Лаунштейне:

Когда мы вернулись в СССР, они [коммунисты] поехали с нами, чтобы помочь нам построить колхоз. Но в 1933 году мы остались без зерна. Тогда они все уехали домой. Один из них часто приходил в наш дом. Он был немцем. Он говорил, что он предложит своим коммунистам в Швеции выйти в море в коробке. Только там они смогут жить в своем колхозе[2].

Таким образом, после Голодомора говорить о каком-либо продолжении международного коммунистического проекта в шведской колонии было невозможно. Шведская община находилась в глубоком психологическом шоке.

1 Annas A. Livet i Gammalsvenskby. S. 60.

2 Tysk K.-E. Äventyrsresa till Gammalsvenskby i juli 2003. URL: http://www.svenskbyborna.com/Reportage/RAPPORT_Tysk_Aventyrsresa_%20Gammalsvenskby_%20%20juli%202003.pdf

ГЛАВА 3. НОРМАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ТЕРРОР. ШВЕДСКОЕ СЕЛО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ НКВД 1937–1938 гг.

Большой террор был призван решить более общую и грандиозную задачу: вывести новую породу людей, создать принципиально новую историческую общность – советский народ.

Александр Даниэль

3.1. Шпионы в колхозах. Сталинская концепция и пропаганда Большого террора в национальной деревне

Невиданный по своим масштабам государственный террор требовал соответствующей пропаганды. Исследования Холокоста показывают, что геноцид был подготовлен руководством нацистской Германии с помощью массивной пропагандистской компании[1]. Какую роль играла пропаганда в нашем случае? Как подчеркивает Лео Купер, санкционированные властью массовые убийства не осуществляются в вакууме. Чаще всего к ним приводят не сложившиеся в обществе социальные условия, а искусственно созданная ситуация, когда власть сначала формулирует концепцию ненависти, затем запускает мощную пропагандистскую компанию по подготовке населения к террору[2]. Идеологическая составляющая Большого террора включала в себя два основных аспекта. Во-первых, это концепция нового витка массовых репрессий. Во-вторых, концептуализация террора, то есть трансляция идеологии ненависти к определенным социальным группам, широким слоям населения[3].

---

[1] Herf J. The Jewish enemy: Nazi propaganda during World War II and the Holocaust, Cambridge, Mass., 2006. P. 17–49; Jones A. Genocide: a comprehensive introduction. London: Routledge, 2006. P. 235, 487–490; Glass J. M. Against the Indifference Hypothesis: The Holocaust and the Enthusiasts for Murder // Political Psychology. Vol. 18. № 1. 1997. P. 129–145.

[2] Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven, 1982. P. 40–56.

[3] Sternberg R. J., Sternberg K. The nature of hate. Cambridge, 2008. P. 125–164; Mironko Ch. The Effect of RTLM‘s Rhetoric of Ethnic Hatred in Rural Rwanda // The

29 марта 1937 г. газета «Правда» опубликовала доклад Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Вскоре полный текст доклада вышел отдельной брошюрой[1]. В своем выступлении Сталин сформулировал «основные факты», представлявшие собой идеологическое обоснование Большого террора. По мнению Сталина, «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств» поразила все советское государство снизу доверху «все или почти все наши организации»[2]. Таким образом, если вначале 1930-х гг. машина репрессий была направлена против конкретных социальных групп (зажиточное крестьянство, священники и т. д.), то теперь диктатор предупреждал о начале тотальной чистки советского общества. Впервые был оглашен тезис о перманентном характере политических репрессий. Именно в этом состоял главный посыл сформулированной в докладе Сталина теории обострения классовой борьбы («необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать»).

В марте 1937 г. словарь советского «новояза» обогатился рядом новых понятий[3]. Понятие «капиталистическое окружение» означало новый поворот во внутренней и внешней политике. Сталин не делал никаких исключений, все соседние с СССР государства заносились в список врагов. Пропаганда идеи солидарности с трудящимся зарубежных стран и иностранными коммунистами уступила место атмосфере тотальной подозрительности ко всем гражданам всех зарубежных государств. Представляет интерес новое сталинское понятие «выкорчевывание» («новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»). Техническое значение понятия «выкорчевывание» заключается в удалении пней и корней деревьев и кустарников при расчистке полосы отвода для производства дорожно-строительных работ. Политическое значение термина означал курс на полное истребление не

---

media and the Rwanda genocide / ed. A. Thompson. London, 2007. P. 125–135; Duli   T. Utopias of Nation. Local Mass Killing in Bosnia and Herzegovina 1941–42. Uppsala, 2005. P. 11–24.

[1] Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3–5 марта 1937 г. М., 1937.

[2] Здесь и далее цитаты из доклада Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» приводятся по изданию: Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 151–173.

[3] См. анализ сталинского политического «новояза»: P ppel L. The rhetoric of Pravda editorials: a diachronic study of a political genre. Stockholm, 2007.

только арестованных людей, но и членов их семей. Обращаясь в разгар террора к депутатам Верховного Совета СССР, Сталин вернулся к этому понятию:

> Мы с Вами богаты и на нас стали обращать внимание алчные страны и фашистские государства. Какое же есть у нас с Вами средство борьбы против них?
>
> – Корчевать их агентов, корчевать их – вот наше с Вами средство борьбы (бурные аплодисменты, «Ура», «Да здравствует товарищ Сталин»)[1].

В названии доклада Сталина присутствует слово «ликвидация», что вызывает аналогии с концепцией «ликвидации кулачества как класса», служившей для обосновавания в 1928–1933 гг. уничтожения зажиточного крестьянства. В докладе вождя используется ряд близких и в тоже время различных по своему содержанию понятий: «классовый враг»; «враг рабочего класса»; «враг трудящихся нашей страны»; «внутренний и внешний враг»; «враг Советского Союза»; «враг партии»; наконец, «враг народа». Здесь творческие усилия Сталина были направлены на поиск новой идеологической альтернативы понятию «классовый враг». Из всех использованных Сталиным вариантов именно понятие «враг народа» получило наибольшее распространение в годы Большого террора. Этот туманный и не имеющий ничего общего с марксизмом термин был включен в текст советской конституции 1936 г. (статья 131). В отличие от понятия «классовый враг» более обширный термин «враг народа» позволял без лишних дискуссий арестовывать любого человека, независимо от его классовой и политической принадлежности. Целью агрессивной лексики была дегуманизация и маргинализация потенциальных жертв.

Диктатор заявил о необходимости использовать новые методы в борьбе со шпионажем и троцкизмом («методы борьбы с ним должны быть изменены в корне»). Как выяснилось позже, под этими методами подразумевался тотальный характер политических репрессий, а также санкционирование Сталиным лично применение пыток и других мер физического насилия[2]. Мартовским докладом вождя был за-

---

[1] Из речи И. В. Сталина на приеме депутатов Верховного Совета СССР в Кремле, 21 января 1938 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Документы / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. № 303. С. 499.

[2] Шифротелеграмма И. В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД–УНКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа». 10 января 1939 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 445–446; Указания И. В. Сталина о допросах. 13 марта 1938 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление

дан старт кампании шпиономании («принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов»). Выполняя наказ Сталина, сотрудники разведывательных органов подготовили серию статей о массовом шпионаже против СССР[1]. Сборники на русском и украинском языках соответствующей тематики были изданы в 1937 г. огромными тиражами[2]. Летом 1937 г. статьи о деятельности агентов западных разведок неожиданно для многих вошли в список главных тем советской прессы. Посол США в Москве в 1936–1938 гг. Джозеф Дэвис отмечал, что понятия «пятой колонны» и «внутренней агрессии» до 1937 г. советской пропагандой не использовались и появились внезапно накануне Большого террора. Американский дипломат объяснял их появление прямым заимствованием нацисткой техники пропаганды[3].

Высказанная Сталиным идея всепроникающей системы шпионажа была адекватно интерпретирована на местах как сигнал к организации массовых репрессий против агентов западных государств – национальных меньшинств. Так, кандидат в члены ЦК ВКП(б) С. А. Саркисов считал, что «мы должны быть смелее и бдительнее. Нужно выслать немцев из Донбасса. Могут быть исключения, однако в целом нужно от них избавиться»[4]. Сельская местность также подпадала под удар шпионских чисток. Выступая 14 марта 1937 г. на пленуме ЦК БССР, Николай Голодед объяснял поставленные Сталиным задачи следующим образом:

госбезопасности НКВД. 1937–1938. № 303. С. 499; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 287.

[1] Записка начальника разведывательного управления РККА С. М. Урицкого И. В. Сталину о подготовке статей об иностранном шпионаже. 26 апреля 1937 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. Документы / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. № 57. С. 134–135.

[2] О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М., 1937; Колесник В. Шпионский интернационал. Троцкисты на службе фашистских разведок. М.,1937; Заковский Л. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М., 1937; Шпигуни і діверсанти за роботою. Київ, 1937.

[3] Davies J. E. Mission to Moscow. New York, 1941. P. 273.

[4] Чирко Б. В. Національні меншини в Україні (20–30 роки XX століття). Київ, 1995. С. 37. Саркис Артемьевич Саркисов (настоящая фамилия Даниэлян) – советский партийный деятель. В 1933–1937 гг. – первый секретарь Донецкого обкома партии. Расстрелян 12 августа 1938 г.

> Враги работают повсюду <...> мы еще не приступили (я прошу земельных работников принять это к сведению) искать вредителей в сельском хозяйстве. Мы ищем их в промышленности, на культурном фронте, на фронте идеологическом, но очень мало обращаем внимания на вредителей в сельском хозяйстве, как будто там все благополучно[1].

11 июля 1937 г. газета Ленинградская правда опубликовала статью с красноречивым названием «О подрывной работе иностранных разведок в деревне». Автор статьи, начальник 4 секретно-политического отдела НКВД по Ленинградской области П. А. Коркин, используя установку Сталина, утверждал следующее:

> Наивные люди думают, что с капиталистическим окружением нам приходится иметь дело лишь на рубежах Советского Союза или в пограничных пунктах, или, наконец, в крупных промышленных центрах, в больших городах. Между тем капиталистическое окружение, как показывают многочисленные факты, засылает своих разведчиков и в самые отдаленные районы, местечки, села и колхозы нашей страны[2].

Статья Коркина была перепечатана газетами страны[3]. 3 августа 1937 г. ЦК ВКП(б), считая «существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводиться лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями», разослал секретарям обкомов, крайкомов и ЦК республиканских компартий секретную шифротелеграмму № 1178/ш и обязал местные органы власти «организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства <...> широко осветив ход судебных процессов в местной печати»[4]. Задание было выполнено, и в сентябре 1937 г. в Одесской области органи-

---

[1] Кузняцоў Ігар. Палітычныя рэпрэсіі ў Беларусі // Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 13. 2000. С. 45–46. Николай Голодед (бел. Мікалай Галадзед) – белорусский большевик, выходец из крестьян. В 1927–1937 гг. – председатель СНК БССР. Арестован 14 июня 1937 г. Покончил жизнь самоубийством.

[2] Петр Андреевич Коркин (1900–1940) – майор НКВД, организатор Большого террора в Ленинградской и Воронежской областях, а также в Днепропетровской области Украины. Родился в семье крестьянина, русский. Расстрелян в 1940 г. Не реабилитирован.

[3] Ленинградский мартиролог 1937–1938. Т. 1. СПб., 1995. Комментарий к иллюстрации № 11.

[4] Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. Документы / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. № 160. С. 298–299.

зовали несколько показательных публичных процессов над вредителями сельского хозяйства, получивших освещение в херсонской прессе[1].

Государство усиленно насаждало среди населения идеологию «добродетельности доноса». Выступая 2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета, генсек подчеркнул, что «каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5 %, то и это хлеб»[2]. Фактор доносительства был особенно важен для национальной деревни, так как из-за специфики языка, изолированности населения необходимая для НКВД информация могла быть добыта только изнутри, с помощью доносов членов общины. Ставка делалась на детей и молодежь. В изданном в 1937 г. десятимиллионным тиражом учебнике по истории для детей начальной школы «Краткий курс истории СССР» (под редакцией А. В. Шестакова) содержался следующий пассаж: «Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села (sic! – *А. К.*). Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов»[3]. Под рубрикой «И взрослые, и дети – все помогают наркомвнудельцам» «Пионерская правда» публиковала материалы, призывающие детей к активному сотрудничеству с органами. Юные помощники чекистов в приграничных колхозах указывали места, где скрываются агенты иностранных разведок[4]. Второклассник Лева подслушивал соседей по коммунальной квартире и сообщал ценные сведения НКВД, разоблачая шпионов и диверсантов[5].

Медиатором информационного обмена между властью и обществом служили средства массовой информации. В середине 1930-х гг. в шведской деревне еще не существовало радио, однако имелась изба-читальня с обязательной подпиской на местные газеты, а также кинотеатр, где по советской традиции демонстрировались выпуски

---

[1] Вирок у справі контрреволюційної шкідницької банди // НП. № 215. 17.09.1937. С. 1; Процес контрреволюційної троцькістсько-бухарінської організації шкідників і диверсантів у районах бавовносіяння Одещини // НП. № 224. 28.09.1937. С. 2.

[2] Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. Документы / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. № 92. С. 209.

[3] Цит. по: Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 171.

[4] Вармуж В. Юные помощники славных чекистов // Пионерская правда. № 171. 20 декабря 1937 г. С. 4; Ваня и Аня Кузнецовы – частые гости на пограничной заставе // Пионерская правда. № 171. 20 декабря 1937. С. 3.

[5] Тазин С. Незнакомец со свертком // Пионерская правда. № 171. 20 декабря 1937. С. 3.

политических новостей. В качестве объекта исследования мной была выбрана центральная газета региона – *Наддніпрянська Правда* (далее «НП»). В фокусе исследования находились публикации газеты за июль – сентябрь 1937 г. – время вхождения страны в национальные операции. Кросс-анализ показывает, что летом 1937 г. тема иностранного шпионажа заняла одно из главных мест в материалах «НП». Газета перепечатывала в сокращенном переводе на украинский язык и в более доступном изложении публикации московских издательств[1]. Главной новостью была резкая активизация шпионской деятельности в сельской местности Украины. Об этом идет речь в таких статьях, как «Колхозники поймали шпиона», «Рыбаки поймали шпиона», «Будьте бдительными везде и всегда»[2]. Популяризовались не только новые идеи вождя, но и словарь его выступлений, например зловещее понятие «выкорчевывание»[3].

Следующей важной задачей пропаганды была «нормализация» шпионской деятельности. «НП» убеждала своих читателей, что массовый шпионаж и диверсии – дело обычное, от которого страдают все крупнейшие страны мира[4]. Выполняя наказ вождя, журналисты уделяли особое внимание характеристике методов работы иностранных разведок, настойчиво внушая мысль о том, что среди агентов много советских граждан. Этой теме посвящены такие материалы, как «Гестапо на международной арене», «Преступные методы подрывной деятельности агентуры Гестапо в СССР», «Шпионы и диверсанты в сутанах»[5].

Как отмечает Олег Хлевнюк, «изобретались простые и легкоузнаваемые истории, чтобы каждый без труда мог поставить себя на место описываемых персонажей. При помощи узнаваемости “шпионских примеров” людям внушалась мысль, что массовые чистки небезосно-

---

[1] Соколов К. Деякі методи шкідницко-диверсійної роботи троцькістсько-фашистських розвідників // НП. № 162. 16.07.1937. С. 3; Колесник В. Шпигунський Інтернаціонал // НП. № 171. 27.07.1937. С. 2–3; Рубин Н., Серебров Я. Про підривну діяльність фашистських розвідок в СРСР і завдання боротьби з нею // НП. № 180. 6.08.1937. С. 3; НП. № 181. 8.08.1937. С. 3.

[2] Колгоспники затримали шпигуна // НП. № 200. 16.08.1937. С. 1; Рибалки допомогли затримати шпигуна // НП. № 217. 20.09.1937. С. 1; Бути пильними скрізь і завжди // НП. № 218. 21.09.1937. С. 2.

[3] До кінця викорчувати ворожу агентуру в комсомолі // НП. № 188. 16.08.1937. С. 1.

[4] Немецьке шпигунство у Франції // НП. № 175. 1.08.1937. С. 4; Минаєв В. Процес німецьких шпигунів у США // НП. № 271. 27.11.1938. С. 3.

[5] Абузов Н. Гестапо на міжнародній арені // НП. № 220. 23.09.1937. С. 2–3; Абузов Н. Підступні методи підривної діяльністі агентури Гестапо в СРСР // НП. № 221. 24.09.1937. С. 2–3; Шахнович М. Шпигуни і диверсанти в рясах // НП. № 226. 30.09.1937. С. 3.

вательны, что в стране действительно много врагов и шпионов»[1]. Эксплуатация подозрительности сочеталась со ставкой на детективные истории с примесью псевдонаучной терминологии. Так, 20 июля 1937 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский серьезно сообщал Сталину об использовании ворон в шпионской деятельности против СССР:

> 31 мая с. г. на Ладожском озере была убита ворона, на которой обнаружено кольцо за № Д-72291 с надписью «Германия» <...> Надо полагать, что немцы при помощи ворон исследуют направление ветров с целью использования их в чисто диверсионных и бактериологических целях (поджог населенных пунктов, скирд хлеба и т. п.)[2].

Секретарь Свердловского обкома К. Н. Валухин в донесении Сталину уверенно рапортовал, что за лесными пожарами в Коми-Пермяцком округе стоят иностранные разведки[3]. В очерке «Посылки диверсантов» «НП» рассказывала своим читателям о селекционере, получившем посылку из Японии с саженцем махровой японской вишни. В результате диверсии (саженец оказался зараженным вредителями) погиб весь сад. Следующий сюжет был об американцах, которые «прислали в нашу страну семена хлопка, зараженные розовым червем»[4]. Фантастические сюжеты создавались с учетом реалий региона. В 1930-е гг. Херсонский край был районом выращивания хлопка. Занимался производством хлопка и колхоз имени шведской компартии.

В ноябре 1937 г. городской театр Херсона поставил новый спектакль «Очная ставка»[5]. Авторами заказной пьесы были украинские драматурги Леонид Тубельский и Петр Рыжей, выступавшие под псевдонимом «братья Тур», и начальник следственного отдела Прокуратуры СССР Лев Шейнин. По сценарию на авиационной базе орудует агент гестапо немец Вальтер, которому противостоит следователь Ларцев[6]. Пьеса вносила свою лепту в созданную государством атмосферу шпиономании и подозрительности к иностранцам,

---

[1] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 170.

[2] Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. № 141. С. 251.

[3] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. № 80. С. 304.

[4] Лясс А. Посилки диверсантів // НП. № 170. 26.07.1937. С. 12.

[5] НП. № 260. 12 ноября 1937. С. 4.

[6] По мотивам пьесы в 1939 г. был создан полнометражный фильм «Ошибка инженера Кочина», режиссер Александр Мачерет.

особенно учитывая то, что зрителями спектакля были представители партийного и хозяйственного актива Херсонского округа.

Показательно, что в очерках «НП» речь часто шла о разветвленных шпионских организациях. Согласно газете, шпионской активностью была охвачена вся страна от Владивостока до Одессы. При этом количество сюжетов из Херсонского округа было минимальным. Географическая удаленность (или неопределенность) позволяла манипулировать общественным мнением, делая ставку на сведения, не подающиеся элементарной проверке. Кроме того, таким образом херсонская пресса предупреждала, что следующей мишенью операций станут родные места. И хотя национальность разоблаченных диверсантов, как правило, не указывалась, однако их неславянские фамилии создавали необходимую атмосферу[1]. Посредством пропаганды осуществлялась подготовка населения и органов местной власти к очередным массовым репрессиям. Последнее было важным по двум причинам. Во-первых, национальные операции НКВД были тайными, об их ходе не сообщалось в прессе. Во-вторых, в отличие от больших городов в деревне скрыть массовые аресты было невозможно, и точное количество арестованных становилось известным уже на следующий день.

В публикациях «НП» особое место занимала информация о митингах, на которых трудящиеся единогласно поддерживали разоблачение и уничтожение очередных врагов народа[2]. Таким образом, приговор от имени государства становился приговором от имени всего общества. Диктатуре было необходимо, чтобы пропаганда ненависти к врагам народа была поддержана массами и стала частью эмоционального переживания наблюдателей. В ходе митингов у его участников появлялось чувство собственной причастности к происходящему, всеобщий страх репрессий обращался на конкретных людей, возникало ощущение круговой поруки.

Основные задачи государственной пропаганды при подготовке национальных операций можно обозначить как:

– создание в национальных районах атмосферы неуверенности, страха и подозрительности;

– перераспределение всеобщего чувства страха на определенные национальные меньшинства;

– создание негативного имиджа групп риска;

– привнесение определенного объяснения причин массовых арестов;

---

[1] НП. 28.09.1937. № 224. С. 2; там же. 2.11.1937. № 253. С. 2.

[2] Там же. 22.07.1937. № 167. С. 1; там же. 17.09.1937. № 215. С. 1.

– глорификация доносительства и сотрудничества с карательными органами;

– нейтрализация наблюдателей с целью сведения их поведения к механическим реакциям пассивного сотрудничества с властью и непротивления насилию[1].

Цели и объекты пропаганды можно схематически выразить следующим образом:

Рис. 1. Структура, цели и объекты пропаганды

На мой взгляд, организованная государством пропагандистская компания была эффективной и достигла своих адресатов. В первую очередь это касалось рядовых сотрудников НКВД. Передовые статьи газет играли роль своеобразных комментариев к подзаконным актам, выстраивая дизайн обвинения[2]. Например, известно распоряжение начальника Днепропетровского УНКВД от 1937 г., в котором он обязывал «весь начальствующий и оперативный состав УГБ и мили-

[1] По сведениям Александра Ватлина, простого указания сотрудников НКВД на враждебную национальность арестованного было достаточно, чтобы развеять любые сомнения свидетелей в виновности обвиняемого: Ватлин А. Ю. Террор районого масштаба: массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–38 гг. М., 2004. С. 49.

[2] Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. С. 56, 93.

ции тщательно изучить помещенную в газете “Правда” статью Отто Виндта “Германская тайная военная разведка”»[1]. Абсурдные сюжеты прессы использовалась чекистами для оформления не менее абсурдных обвинительных заключений по делам о шпионаже в колхозах. Сталинская концепция «выкорчевывания» предполагала масштабные чистки очередных групп советского населения без внимания к составу преступления конкретного человека. В недрах НКВД рождается новый термин «национал» – представитель национального меньшинства, связанного своим происхождением с одним из зарубежных государств. В условиях сельской местности новая терминология означала принципиально иное направление террора. Массовые репрессии 1930–1933 гг. шли в деревне под лозунгом «ликвидации кулачества как класса», предполагавшего наличие врагов советской власти в каждом селе страны. Теперь главной мишенью карательной политики становилась национальная деревня. Это означало разворот советского государства на 180 градусов – от политики поддержки национальных меньшинств к их пацификации. О том, что идеи руководства страны была интерпретированы карательными службами правильно, говорят следующие факты. Осенью 1937 г. управление НКВД по Одесской области сообщало что «около 60–70 % взрослого немецкого населения охвачено антисоветским влиянием»[2]. Учитывая, что в Одесской области проживало более 150 тысяч немецких колонистов, чекисты были настроены на масштабные репрессии в отношении национальных меньшинств. В письме к Сталину сержант НКВД Алтайского края А. Баранов так оценивал характер массовых операций: «...помня ваши слова о капиталистическом окружении, я и другие исходили при аресте контрреволюционного элемента именно только вокруг этого, то есть изъять не только активный вражеский контингент, но и базу для него, которой у нас являются немцы, поляки, харбинцы и прочая сволочь, еще притаившаяся, но готовая в любую минуту взять оружие в руки и выступить против страны социализма»[3]. Партийный секретарь одного из московских заводов объяснял жене арестованного немецкого специалиста, что «все немцы в СССР – шпионы». Летом 1937 г. руководство завода «Большевик» с согласия Киевского горкома партии запретило проводить собрания с рабочими польского происхождения на их родном язы-

[1] Ченцов В. В. Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 136.

[2] Чирко Б. Нацмен? Значить ворог. Проблеми національних меншин в документах партійних і радянських органів в 20–30-х рр. // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. 1995. № 12. С. 103–105 (95–111).

[3] Савин А. И. Формирование концепции немецкой «пятой» колонны в СССР // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 225.

ке[1]. Точку зрения директоров поддерживали массы. В мае 1938 г. на одном из фабричных заборов Москвы появилось анонимное граффити в стиле погромов: «Бей поляков и латышей!»[2]. В 1937 г. секретарь Донецкого обкома партии Александр Холохоленко с гордостью заявил: «...наши дети знают, как разоблачать врага, куда и как про это сообщать»[3]. На пленуме обкома он зачитал в качестве примера поступивший в Мариупольский отдел НКВД донос от восьмилетнего Бори и девятилетнего Толи, сообщавших, что их сосед «поляк, унтерофицер ругает наших вождей»[4].

Мало известно о реакции противной стороны. В июле 1937 г. политработник МТС украинского села Соколово Виллер докладывал секретарю Совета Национальностей ЦИК СССР Александру Хацкевичу, что «колхозники-немцы не выступают на собраниях, не указывают на недочеты из-за боязни, чтобы в них не подозревали фашистских элементов»[5]. 5 марта 1938 г. газета «Правда» сообщала о митинге колхозников Красносельского колхоза Горьковской области, испытавших на себе результаты гнусных преступлений немецких диверсантов на колхозных полях. Оказывается, пособники фашистских разведок (специалисты немецкой национальности. – *А. К.*) «запутали севооборот... пытались сократить кормовые культуры в посевных планах». Согласно агентурным данным, шведских колонистов волновали аресты видных деятелей партии. 30 января 1937 г., обсуждая расстрел Георгия Пятакова, Якоб Хернберг, Густав Кнутас и Адольф Фиц пришли к мнению, что «Пятакова расстреляли напрасно. Партия хороших людей расстреляла, а на их место сажает незаслуженных»[6]. Первый руководитель компартии Украины был популярным в шведской колонии политиком. Его жена, глава первого правительства Советской Украины Евгения Бош (Evgenia Bosch) родилась и выросла в семье колониста Херсонской губернии немца Готлиба Майша (Gotlieb Meisch). В 1914–1917 гг. Пятаков и его супруга находились в эмиграции в Швеции. Украинец Георгий Пятаков

---

[1] Там же.

[2] Schafranek H., Musienko N. The Fictitious «Hitler-Jugend» Conspiracy of the Moscow NKVD // Stalin's terror: high politics and mass repression in the Soviet Union. Basingstoke, 2003. P. 216–217.

[3] Александр Ульянович Холохоленко (1905–1937) – украинский большевик, из рабочих. Второй секретарь Донецкого обкома партии. Расстрелян 25.08.1937 г.

[4] Лихолобова З. Г. Сталінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 30-х років в Україні (переважно на матеріалах Донбасу). Донецьк, 1996. С. 49.

[5] База данных. Этнические конфликты в СССР 1917–1991 гг. / сост. Е. Зубова. URL: www.auditorium.ru. Александр Хацкевич (1895–1937) – белорусский большевик, секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР в 1935–1937 гг. Расстрелян 1.11.1937 г.

[6] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 364. Л. 10 об.

считался одним из лучших советских хозяйственников. Однако по иезуитской логике Сталина факт успешной работы становился отягчающим обстоятельством, ибо «настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это – единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжить свою вредительскую работу»[1]. Подобные идеи вождя воспринималась аппаратом НКВД как руководство к действию. В числе арестованных шведов были активные участники социалистического строительства в деревне: Петтер Кнутас, Вольдемар Утас, председатель колхоза Юханнес Утас, комсомолец Юханнес Кнутас и стахановка Альвина Хинас (см. табл. 6; Приложение 1).

Этническая нацеленность репрессий не была секретом для критически мыслящих людей. В одной из нелегальных листовок 1937 г. говорилось, что «в стране арестовываются без всякого разбора немцы, поляки и латыши»[2].

3.2. Швеция как враг социалистического отечества

Швеция как небольшая нейтральная страна не была в центре внимания советской «антивражеской» пропаганды. В середине 1920-х – первой половине 1930-х гг. между СССР и Швецией существовали стабильные дипломатические, экономические и политические отношения[3]. В своем ежегодном отчете за 1930 г. советское правительство характеризовало взаимоотношения с Швецией как нормальные, заметив, что «поведение шведского правительства в вопросе о Китайско-Восточной железной дороге и о переселенцах [старошведах] было вполне корректным»[4]. Летом 1934 г. полпред СССР в Швеции Александра Коллонтай в беседе со Сталиным отметила, что шведская буржуазия не любит и боится советской власти, на что Сталин ответил: «...что боятся нас – это неплохо. А что своей выгоды не понимают – это хуже»[5].

Для руководства СССР имело значение то, что в Швеции коммунистическая партия в отличие от Финляндии действовала легально, и не подвергалась преследованиям. Исторически тесные контакты связывали лидеров левого движения обеих стран. Ленин не раз оста-

---

[1] Комментируя этот фрагмент мартовской речи Сталина, прокурор СССР Андрей Вышинский отметил: «...именно так действовал Пятаков и его сообщники».

[2] Davies S. Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda and dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 122–123.

[3] Carlbäck H. Att byta erkännande mot handel: svensk-ryska f rhandlingar 1921–1924. Uppsala, 1997.

[4] Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950 годы. М., 2005. С. 34–35.

[5] Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. Т. 2. С. 242.

навливался в Швеции и имел здесь широкий круг знакомых[1]. Как известно, в 1917 г. группа эмигрантов-большевиков во главе с Лениным с согласия социал-демократического правительства Швеции проехала из воюющей Германии в Россию через территорию нейтральной Швеции[2]. Знал Швецию и Сталин, в целом чрезвычайно редко бывавший за границей: в 1906 г. в народном доме Стокгольма (Folkets hus) проходил четвертый, «объединительный» съезд РСДРП, собравший около 140 делегатов, среди которых были будущие руководители советского государства: Ленин, Сталин, Пятаков, Литвинов и Ярославский[3].

Являясь капиталистической страной, Швеция тем не менее не воспринималась в Кремле как враждебное государство[4]. Развитое рабочее движение, нейтральный статус, дипломатическое признание Советской России, отсутствие (с 1917 г.) общей границы, мирная внешняя политика – все эти факторы определили особое место Швеции во внешней политике СССР. Однако раскручивание спирали Большого террора внесло коррективы. В докладе Сталина на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Швеция не упоминалась, но тема Скандинавии присутствовала. Обсуждая иностранную базу шпионажа, вождь привел пример Норвегии (до 1905 г. входившей в состав Шведского королевства). В своем выступлении на этом пленуме Сталин обвинил активистов скандинавского рабочего движения в шпионской деятельности против СССР:

---

[1] Kan A. Lenin, Branting och H glund: vad visste man inom svensk arbetarvänster om bolsjevikerna f re Lenins sista Stockholmsbes k? // Scandia. 1999. № 65. S. 97–111, 145–146; Zubko M. Lenin i Sverige året 1917. Göteborg, 1985; Московский П. В., Семенов В. Г. Ленин в Швеции. М., 1970.

[2] Bj rkegren H. Ryska posten: de ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917. Stockholm, 1985. В русском переводе: Бьёркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007; Kan A. Hemmabolsjevikerna: den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914–1920. Stockholm, 2005.

[3] 4-й (объединительный) съезд РСДРП (апрель–май 1906 года): Протоколы. М., 1959. Открытый в 1905 г. народный дом Стокгольма был центром рабочего движения Швеции. Народные дома существуют практически в каждом муниципалитете (коммуне) современной Швеции.

[4] Отметим, что сами шведы не считают свою страну капиталистической. В 1928 г. лидер социал-демократической партии и глава правительства Швеции Пер Альбин Ханссон (Per Albin Hansson) выступил с идеей преобразования Швеции в «народный дом» (folkhemmet). Концепция народного дома является фундаментальным понятием шведского государственного устройства. См.: Andersson J. Nordic nostalgia and Nordic light: the Swedish model as Utopia 1930–2007 // Scandinavian journal of history. 2009. Vol 34. № 3. P. 229–245; Hentilä S. The origins of the folkhem ideology in Swedish social democracy // Scandinavian journal of history. 1978. № 3. P. 323–345.

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?[1]

Мысль Сталина творчески развил Фритьоф Лагер (Fritjof Lager). Этот ведущий пропагандист компартии Швеции, работавший среди прочего со старошведами, издал в 1938 г. свою книгу «Советский Союз давит шпионов». Вслед за Сталиным он утверждал, что агентами фашизма выступают скандинавские коммунисты, например, «Шефло в Норвегии и Нильс Флюг в Швеции»[2]. Как отмечалось выше, по личному указанию Сталина была подготовлена серия публикаций о массовом шпионаже против СССР[3]. В вышедшей в центральном партийном издательстве работе одного из руководителей НКВД Леонида Заковского Швеция была представлена как база иностранного шпионажа[4]. По утверждению Заковского, «в некоторых скандинавских странах (Стокгольм) во время войны количество разведчиков превышало количество туристов за курортный сезон»[5].

В советской прессе 1920-х гг. в новостях из Швеции обычно шла речь о росте рабочего движения, о поддержке шведскими рабочими советской политики. В начале 1930-х ситуация изменилась. В статье

---

[1] Цит. по: Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. С. 106. Олав Шефло (Olav Scheflo, 1883–1943) – один из основателей коммунистической партии Норвегии. Поддерживал Льва Троцкого во время его проживания в 1935–1936 гг. в Норвегии. О пребывании Троцкого в Норвегии см.: Teterevleva Tatiana. The problem of Russian refugees in Norwegian internal policy of the 1920s – 1930s // Den komplexa kontinenten. Staterna på Nordkalotten och samerna i ett historiskt perspektiv / ed. P. Sköld, P. Lantto. Umeå, 2000. S. 223–227.

[2] Lager F. Sovjet krossar spionerna. Stockholm: Arbetarkulturs Förlag, 1938. C. 27. Нильс Флюг (Nils Flyg, 1891–1943) – рабочий-печатник. Председатель шведской коммунистической партии в 1924–1929 гг. С 1929 г. – лидер новой Социалистической партии Швеции (Socialistiska partiet), занявшей критическую позицию по отношению к сталинизму. С конца 1930-х гг. высказывал свои симпатии нацизму и сотрудничал с гитлеровской Германией.

[3] Секретная записка С. М. Урицкого И. В. Сталину о подготовке статей об иностранном шпионаже. 26 апреля 1937 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. № 57. С. 134–135.

[4] Леонид Заковский (настоящее имя Хенрик Штубис, Henriks Stubis) (1894–1938) – латыш, член РСДРП с 1913 г. Ближайший сотрудник Николая Ежова. Заместитель наркома НКВД СССР (с 19.01.1938 г.). Организатор массовых репрессий в Ленинграде и Ленинградской области. Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян 29.08. 1938 г. как «польский шпион». Не реабилитирован.

[5] Заковский Л. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М., 1937.

«Сегодня – спички, завтра – гранаты» газета «Известия» пугала своих читателей рассказами об усилении милитаризма в Швеции, сообщала фантастические сведения о спичечном производстве:

> Спичечные фабрики Швеции построены так, что они в любой момент <...> могут быть переключены на производство ядовитых газов для военных надобностей <...> необходимые для этого части машин и инструменты лежат в полной готовности и находятся под контролем высших офицеров[1].

На волне патриотических настроений, связанных с гражданской войной в Испании, советская пресса раздраженно сообщала, что «шведское правительство внесет в парламент законопроект о запрещении отправки добровольцев в Испанию»[2]. В октябре 1937 г. *Journal de Moscou* – фактически орган Народного комиссариата иностранных дел СССР – опубликовал статью «Обитель неподходящих и нежелательных советников», в которой утверждалось, что Швеция является главной базой Гестапо[3]. 5 ноября 1938 г. газета «Известия» опубликовала статью академика Евгения Тарле «Уроки истории»[4]. Освобожденный 17 марта 1937 г. из ссылки и обласканный Сталиным известный историк из Киева внес свою лепту в нагнетание антишведских настроений. В своей работе Тарле сравнивал Мюнхенский сговор 1938 г. с созданием в начале XVIII в. шведскими дипломатами коалиции враждебных России государств.

Выход в 1937 г. нового школьного учебника «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова ознаменовал отказ от схем пролетарской истории 1920-х гг., в которой борьба нерусских народов против царизма оценивалась позитивно. Теперь история царской России выступала предтечей СССР, а Швеция рассматривалась как исторический враг. На страницах учебника шведы пред-

---

1 Сегодня – спички, завтра – гранаты, секрет спичечного производства Крейгера // Известия. 4.12.1930. С. 1.

2 Известия. 22.02. 1937. С. 4.

3 Hôtes inopportuns et indésirables conseillers (lettre de Stockholm) // Journal de Moscou. 12.10.1937.

4 Евгений Тарле (1874–1955) – российский и советский историк. Провел детство в Херсоне. Окончил Киевский университет. Действительный член Академии наук СССР с 1927 г. В 1930 г. был арестован по «академическому» делу. Обвинялся в заговоре с целью свержения советского правительства. Восстановлен в действительном членстве в АН СССР 29 сентября 1938 г. по личному указанию Сталина. С 1948 г. по поручению Сталина работал над трилогией «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII–XX вв.». Третий том серии «Северная война и шведское нашествие на Россию» (Москва, 1958) посвящен войне России со Швецией. О нем см.: Дунаевский В. А., Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук. М., 1999. С. 108–127.

стают «угнетателями новгородской земли», которые «всеми силами мешали русской торговле». Карл XII – оккупант, который «вторгся со своей армией на Украину <...> используя измену украинского гетмана Мазепы»[1]. В 1938 г. под редакцией специальной комиссии ЦК ВКП(б) и при личном участии Сталина выходит «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Эта книга стала обязательным учебным пособием для членов партии и студентов, включая офицеров НКВД и курсантов школ госбезопасности. В учебнике воспроизводилась знаменитая цитата Сталина, предложившего свою оценку дореволюционной России:

> История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут[2].

В контексте 1937 г. подобные рассуждения вождя читались как призыв к уничтожению внешних и внутренних врагов.

Свой вклад в создании враждебного образа Швеции внес и кинематограф. 31 августа 1937 г. на экраны страны вышла первая серия фильма режиссера Владимира Петрова «Петр Первый», где Швеция предстает главным врагом России. Часть съемок проходила в Херсоне. Ключевой момент первой серии изображал штурм шведской крепости. В фильме утверждалось, что русская земля была разорена «из конца в конец иноземцами шведами так, что живого места не найти». Вторая часть фильма, снятая в 1938 г., начинается с Полтавского сражения, в котором, по словам авторов картины, «10 тысяч шведов порублено без остатка». Выход фильма стал событием общественной жизни. Только за первые 11 дней фильм посмотрели 1 млн 600 тысяч зрителей. В 1938 г. в прокат вышел фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Здесь средневековый русский князь интерпретируется как антизападная фигура. Россия, зажатая между Востоком и Западом (между Германией и Японией, как это читалось в 1938 г.), после легкой победы над шведами одерживает победу над «немецкими захватчиками». Красной нитью в сюжете фильма проходит тема шпионажа и предательства. Фильм был одобрен Сталиным, С. Эйзенштейн получил за фильм высшую награду СССР – орден Ленина.

---

[1] Краткий курс истории СССР. М., 1937. С. 22, 40, 47, 63.

[2] Цит. по: Краткий курс истории ВКП(б). М., 1945. С. 229.

Новые тенденции советской пропаганды не остались незамеченными в Швеции. Эрик Гюлленшерна сообщал 14 октября 1937 г. министру иностранных дел Швеции Рикарду Сандлеру, что в материалах советской прессы Швеция все чаще изображается как союзник Гитлера[1]. 15 ноября 1938 г. пресс-атташе шведского посольства в Москве Нильс Линд направил руководителю политического отделения МИД Швеции Хансу Бек-Фриису аналитическую записку[2]. В ней отмечалось, что в канун дня Октябрьской революции во влиятельной советской газете «Известия» была опубликована статья историка Тарле, «посетившего несколько лет назад Стокгольм». Как отмечал Линд, в написанной «с большой ложью статье» на примере Швеции утверждается, что враги СССР снова создают коалицию враждебных государств. По мнению Тарле, именно исторические лидеры Швеции, канцлер Аксель Оксеншерна (Axel Oxenstierna) и Карл XII, были инициаторами агрессии европейских стран против России с целью завоевания всего пространства между Балтийским и Черным морем[3].

В украинской историографии Швеция получила образ верного союзника казаков украинской Сечи, боровшихся против российского царизма. Новые идеи дошли до образованной части шведских колонистов. В коллективном обращении 1928 г. к правительству Украинской ССРстарошведы на плохом русском языке писали:

> Если старые Каролины могли бы теперь прервать вековое гробовое молчание, то они сказали бы: «Мы не шли походом на Украину с завоевательной целью, мы шли освободить ее. Мы полегли костьми, не добившись цели, но наша кровь недаром пролилась, наши идеи о великой свободной Украине не были убиты грохотом пушек и пулями Петра, они были восприняты украинским народом...

Украина, раздавленная под сапогом Петра и его преемников, не могла отблагодарить нас за пролитую кровь и добрую волю, она могла только предоставить нам место вечного упокоения, но теперь представляется возможность отблагодарить не сооружением чугун-

---

[1] Med artikel ver Sverige. Eric Gyllenstierna till Hans Excellens Herr Ministern f r Utrikes Ärendena Rickard Sandler. Den 14 oktober 1937. Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514. Grupp 1. M l: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXI. 1937.

[2] Нильс Линд издал воспоминания о своей работе в Москве. См.: Lindh N. M ten mellan st och väst: studier i samtida rysk utrikespolitik. Stockholm, 1949. О нем см.: Westlund P. «Sanningen» om Sovjetunionen: Rysslandskännaren Nils Lindhs m te med st ren 1917–1938 // Jag har sett framtiden och den fungerar inte: journalisterna och främlingarna i st. Stockholm, 2002. S. 20–55.

[3] Nils Lindh till Hans Beck-Friis. Den 15 november 1938. Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514. Grupp 1. M l: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

наго или мраморного памятника, а нерукотворного – великодушным актом возвращения живущих на территории Украины единоплеменников в лоно общей родной семьи. Они были оторваны, как живой кусок от тела родной матери Швеции, благодаря нашему поражению под Полтавой»[1].

Оценка роли Швеции в украинской истории в 1937 г. сменилась с позитивной на резко негативную. В опубликованном в декабре 1937 г. торжественном докладе по случаю 20-летнего юбилея республики председатель ВУЦИК Г. И. Петровский назвал шведов «варварскими завоевателями Украины»[2]. Новый поворот государственной пропаганды нашел свое отражение в историографии. В 1939 г. АН УССР организовала конференцию, посвященную «230 юбилею разгрома шведских интервентов под Полтавой». Не юбилейная дата вызвала интерес власти. Секретарь ЦК КП(б)У Никита Хрущев обязал редакторов украинских газет «широко осветить материалы, посвященные 230 юбилею разгрома шведских интервентов»[3].

В сталинском СССР публикации центральных и партийных издательств воспринимались государственным аппаратом на местах как руководство к действию. Следуя логике официальной пропаганды, сотрудники третьего отдела НКВД по Николаевской области превратили коммунистов из Швеции в руководителей шпионской сети в Старошведском, хотя к 1937 г. все шведские коммунисты уже покинули территорию УССР. Однако это не смущало чекистов. По версии госбезопасности, шведские граждане бежали из страны, боясь разоблачения в шпионской деятельности. Информация о коммунистах-шпионах в протоколах НКВД максимально абстрактна. Никто из сотрудников престижного отдела контрразведки даже не удосужился выяснить имена «резидентов». Фамилии шведских коммунистов записаны в протоколах с многочисленными ошибками[4]. Сотрудники контрразведки плохо представляли, где в СССР располагались дипломатические представительства Швеции и кто ими руководил.

---

[1] Заявление граждан населенных пунктов Старо-Шведского сельсовета, Бериславского района, Херсонского округа в Совнарком Украины. 17.10.1928 г. 394 подписи // ДАХО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 526. Л. 106–107. Фрагмент цитируется по кн.: Коник Ю. О. Рееміграція шведського населення Херсонського округу в 1929 р. За документами державного архіву Херсонської області // Південний архів. Історичні науки. Вип. 9. Херсон, 2002. С. 63–64.

[2] Петровский Г. И. Славное двадцатилетие // Известия. 24.12.1937. С. 2.

[3] Історія національної академії наук України 1938–1941. Документи й матеріали. Т. 6. Київ, 2003. С. 154.

[4] Так, шведский коммунист Эдвин Блюм фигурирует в материалах дела «шведской шпионской контрреволюционной националистической организации» как «Блют» или «Блум».

В материалах используется абстрактное понятие «шведское консульство» без какой-либо географической привязки и конкретных имен. Однако главный ход сталинской логики *à la Scheflo* был сохранен, и на роль резидентов шведской разведки в колхозе НКВД назначили скандинавских коммунистов, а не, например, учителей шведской школы.

3.3. Изоляция. Формальные меры власти по обеспечению скандинавской линии национальных операций

Исследования Холокоста показали, что осуществленная нацистами сегрегация и международная изоляция еврейского населения сыграла центральную роль в подготовке политики массового уничтожения евреев[1]. В этом разделе мы попытаемся проследить роль географической и социальной изоляции в обеспечении национальных операций НКВД.

Организация дипломатической и консульской изоляции

В канун массовых репрессий утечка информации за границу представлялась крайне нежелательной. Публикации шведской прессы и дипломатическое вмешательство шведского государства существенно осложнили в 1933 г. планы херсонских чекистов по организации масштабного преследования старошведов. По-видимому, случай в шведской колонии, как и сотни других подобных случаев, был тщательно проанализирован на Лубянке. В результате, в период Большого террора была достигнута максимальная за все время существования страны изоляция советского общества от западного мира.

Одной из первоочередных мер советского правительства по изоляции скандинавских стран было ограничение деятельности дипломатических и консульских представительств. В 1937–1938 гг. шведские дипломаты работали под огромным прессом. Советской стороной практиковался отказ в предоставлении виз вновь назначенным дипломатам, нарушался принцип неприкосновенности дипломатической почты, подвергались арестам советские граждане, занимавшие в шведских представительствах технические должности, была парализована деятельность консульской службы. Наконец, НКВД осуществлял негласный взлом помещений и квартир дипломатов с

---

[1] См., напр.: Каганович А. Вопросы и задачи исследования мест принудительного содержания евреев на территории Беларуси в 1941–1944 гг. // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. Сборник научных работ / сост. и ред. Я. З. Басин. Мн.: Ковчег, 2005. С. 1; Longerich P. Holocaust: the Nazi persecution and murder of the Jews. Oxford, 2007. P. 29–129.

целью установки прослушивающей аппаратуры[1]. К 1937 г. Швеция была представлена в СССР посольством в Москве и консульством в Ленинграде. Консульство Швеции во Владивостоке закрылось в 1927 г., вице-консульство в Архангельске закрылось в 1935 г., интересы Швеции на Севере с этого времени представляла Норвегия. Однако в 1937 г. НКВД Архангельской области провело операцию «по изъятию лиц», связанных с норвежским консульством, которое объявили «гнездом шпионажа»[2]. В ходе операции арестовали 54 человека, консульство было закрыто, а выросший в России консул Альберт Виклунд (Albert Viklund) вынужден был покинуть СССР[3]. Осенью 1937 г. советское правительство потребовало закрытия шведского консульства в Ленинграде. После подготовительной работы и вывоза имущества 13 января 1938 г. консульство прекратило свое существование[4]. Это старейшее дипломатическое представительство скандинавских стран в Северной Пальмире открылось вновь только в 1972 г. Херсонские шведы знали о существовании немецкого консульства в Одессе. Расположенное в областном центре консульство было традиционным местом обращений немецких колонистов за помощью[5]. Однако в декабре 1937 г. по требованию советского правительства консульство Германии в Одессе было также закрыто[6]. Таким образом, с конца 1937 г. единственной возможной инстанцией для обращения за помощью оставалось посольство Швеции в Москве.

Почтовые адреса и телефоны дипломатических представительств были недоступны советским гражданам, проживающим за пределами Москвы. Данная информация не печаталась в адресных книгах и не предоставлялась через систему справочной службы. Многое зависело от неформальных связей. В начале 1938 г. в шведское посольство поступило письмо от гражданина Финляндии Керсу Яэрвелэ (Kerssu Järvelä). Узнав адрес посольства в Москве, финн обратился из Кеми к дипломатам дружественной страны с просьбой сообщить ему адрес

---

1 Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. С. 114. Примечание 87.

2 Репрессии в Архангельске 1937–1938 гг.: документы и материалы / ред. В. А. Митин. Архангельск, 1999. С. 47.

3 Sverige och Archangelsk. Sveriges generalkonsulat i S:t Petersburg. URL: www.swedenabroad.com/Page____41939.aspx.

4 Riksarchivet. Avg ende diarium f r Beskickningen i Moskva 1938. Utrikesdepartementet - skrivelser. Avd: HP. Gr:1. M l: Er/B. № 19.

5 Солончук Е. А. Раскулачивание в немецких национальных районах Одесского округа: зима–весна 1930 г. (по материалам спецсводок окружного ГПУ в партийные органы) // Немцы Одессы и Одесского региона. Одесса, 2003. С. 219.

6 Документы внешней политики СССР. 1 января – 31 декабря 1937. Т. 20. М., 1957. С. 569.

финляндского посольства[1]. Старошведы находились в лучшем положении, располагая адресом шведского посольства[2]. Однако 28 октября 1937 г. в разгар массовых арестов вышел приказ № 00698 НКВД СССР «О пресечении контрреволюционной, шпионской, террористической, диверсионной деятельности личным составом посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши». С этим приказом в советском репрессивном словаре появилось новое понятие – «консульские связи», на практике означавшее пресечение любых контактов советских граждан с зарубежными представительствами. Приказ не оговаривал меру наказания, что открывало широкие возможности для карательных санкций. Директива НКВД от 1 февраля 1938 г. приравняла «консульские связи» к другим категориями национальных операций, что фактически грозило смертной казнью[3]. Несмотря на название приказа, под его действие подпадало и посольство Швеции. Параграфом 7 приказа № 00698 предписывалось «усилить наблюдение за другими представительствами, через отдельных представителей которых японская, германская, итальянская и польская разведки также ведут контрреволюционную работу на территории СССР (финских, австрийских, балканских, скандинавских и других стран)»[4].

Шокирующие шаги советского правительства активно обсуждалось дипломатическим корпусом Москвы. Посол Швеции Вильгельм Винтер сообщал министру иностранных дел Рикарду Сандлеру о бессилии в условиях созданной изоляции дипломатических представительств Великобритании Греции, Ирана, Латвии, Литвы, Германии, Польши, Чехословакии, Франции и Японии оказать помощь своим соотечественникам. Решительно настроенный посол Польши считал, что нужно руководствоваться принципом взаимности (*reciprocitetsprincipen*):

> Если Москва отказывает нам в визах, мы введем то же самое для советских граждан, если какой-либо поляк арестовывается здесь, мы

[1] Riksarkivet. Inkommande diarium f r Beskickningen i Moskva. RA 230/230100/C 1. Vol. 17. 1938. № 214.

[2] Riksarchivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534, Del. III: 1930 – mars 1956. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar.

[3] Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД. 1937–1938 гг. С. 47–48.

[4] Цит. по: Билоконь С. Механизм большевистского насилия. Киев, 2000. URL: http://www.s-bilokin.name/Terror/Mechanism.html. Под скандинавскими странами в то время подразумевали Швецию, Данию и Норвегию. Финляндия не являлась частью Скандинавии (в первую очередь по географическим и лингвистическим причинам) и из-за своего геополитического положения в 1930-х гг. считалась одной из стран Прибалтики (Baltic States).

будем арестовывать советских граждан в Польше и если они хватают на улице и уводят на допрос полиции любого, кто посещает польское посольство, мы предпримем такие же действия по отношению к тем, кто посещает советское посольство в Варшаве[1].

Следующим шагом по обеспечению национальных операций было административное выдавливание иностранцев из СССР. За первые годы советской власти в СССР легально переехали тысячи скандинавских эмигрантов[2]. Среди них были рабочие из северной Швеции (*Kirunasvenskar*), а также десятки сотрудников и студентов Коминтерна[3]. Последняя группа шведских рабочих эмигрировала в СССР в 1936 г. В 1937 г. рабочая эмиграция прекратилась, и разрешение на въезд шведам больше не выдавалось[4]. Многие эмигранты (в первую очередь те, кто принял советское гражданство) стали жертвами Большого террора, однако часть из них вернулась на Родину[5]. В апреле 1937 г. вышла директива наркома внутренних дел № 26, в которой перед органами ставилась задача по «удалению из пределов СССР всех иностранных подданных, в той или иной мере подозреваемых по шпионажу и контрреволюционной работе». Циркуляром НКВД № 68 «Об иностранцах» от 22 августа 1937 г. был существенно расширен список подозреваемых, которыми становились практически все граждане зарубежных стран, проживающие в СССР: «установлено (кем? когда? – *А. К.*), что подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии». Под действие директивы подпадали в первую очередь граждане Германии, Польши и Японии, однако в приказе упоминались также граждане Дании и Финляндии[6]. Все это позволяло сотрудникам НКВД без труда применять положения приказа по отношению к шведским гражданам.

С сентября 1937 г. во исполнение циркуляра № 68 НКВД приступил к операции по выдворению из СССР граждан Швеции. Общее

---

[1] Den främlingsfientliga r relsen i Sovjetunionen. Wilhelm Winther till Hans Excellens Herr Ministern f r Utrikes Ärendena Rickard Sandler. Den 26 maj 1938. Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514. Grupp 1. M l: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

[2] Не подается учету количество нелегальных шведских эмигрантов, перешедших в СССР через так называемые зеленые коридоры на границе с Финляндией.

[3] Gustafson A. Svenska sovjetemigranter: om de svenska kommunisterna. S. 112–113.

[4] Ibid. S. 113.

[5] Eneberg K. F rnekelsens barn. Svenskarna som drog   sterut. Uddevalla, 2003.

[6] Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. Материалы конференции. М., 1999. С. 44–46.

количество из страны изгнанных иностранцев неизвестно. Однако шведское посольство в Москве было завалено просьбами о помощи от шведов, проживавших в различных регионах СССР, от Карелии до Средней Азии. Многие из шведов родились и прожили всю жизнь в России и СССР, их дети и партнеры по браку зачастую не являлись гражданами Швеции. НКВД давало пострадавшим две недели на сборы, хотя у многих людей были просрочены шведские паспорта. Легального рынка обмена валюты в стране не существовало, поэтому у людей не было денег на проезд через Финляндию. В итоге практически весь штат небольшого шведского посольства занимался гуманитарной акцией по спасению соотечественников[1]. По этой причине посольство Швеции в Москве опоздало с отчетом в МИД за последний квартал 1938 г. – случай, невиданный в шведской дипломатической практике[2]. Среди жертв операции было несколько шведских граждан, проживающих на юге Украины: М. Ульссон (M. Olsson) из Мариуполя, Л. Густафссон (L. Gustafsson) из Одессы, Герда Кульбах (Gerda Kulbach) и Карл Демулен (Karl Demulen) из Харькова[3].

Потерявшие шведское гражданство люди не могли рассчитывать на выезд из СССР и становились заложниками своего происхождения. Так, в 1937 г. в Одессе были арестованы местные шведы Вольдемар и Эмиль Андерсон, а также Ольга Андерсон[4]. В Киеве были арестованы Михаил Гартвельд (Mikael Harteveld), Нина Бунге и командир 17 стрелкового корпуса Вадим Гермониус (Vadim Hermonius). В Полтаве – преподаватель местного пединститута Григорий Майфет (Georg Mejfelt). Таким образом, немногочисленная шведская диаспора в городах Украины была рассеяна в ходе арестов и депортаций[5]. Известно, что старошведы имели связи в таких городах, как Одесса, Николаев и Киев. С другой стороны, советские шведы также посеща-

---

[1] Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning R, Grupp 67, Mål: Er: Utvisningar från Ryssland I; Avdelning: R, Grupp: 67, Mål: Er: Utvisningar från Ryssland II; Utrikesdepartementet 1920 års dossiersystem. Avdelning: R Grupp: 20, Mål: B. Vol. 161–166.

[2] Wilhelm Winther till Hans Beck-Friis. Den 12 januari 1939. Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514, Grupp 1, Mål: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

[3] Riksarkivet. Inkommande diarium för Beskickningen i Moskva. RA 230/230100/C 1. 1937. Vol. 16. № 31, 71, 61; 1938. Vol. 17. № 46.

[4] Одеський Мартиролог. Дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади. Одеса, 1997. С. 36.

[5] Согласно переписи 1926 г., в городах Украины проживало 133 гражданина СССР шведской национальности. См.: Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926. Національний і віковий склад, рідна мова та письменність населення. Статистика України. Серія 1. Демографія. Т. 5. Вип. 2. Харьків, 1928. Таблица 2. «Національний склад населення».

ли деревню. Это означало, что утечка информации о массовых арестах в шведской деревне могла произойти через шведов, проживающих за пределами села. Однако превентивные акции НКВД свели эту возможность к нулю.

Представляют интерес судьбы старошведов, проживавших в других районах страны. Шведские семьи вели активную переписку между собой, сообщая обо всех новостях. Среди эмигрировавших в Швецию оказались одесситы Ирья Бускас и Кристоффер Утас. Были в курсе происходящих событий и старошведы, жившие в Сибири. 5 августа 1929 г. шведское посольство в Москве получило письмо из Омского края от Анны Кнутас с просьбой разрешить ей и ее семье въезд в Швецию. Анна Кнутас (урожденная Аннас) родилась в с. Старошведское в 1875 г. В 1899 г. она и ее муж Микель Кнутас выехали вместе с тремя детьми по переселенческой программе в село Привольное[1]. Письмо из Сибири свидетельствует о том, что, и спустя 30 лет, шведские переселенцы в Сибири сохраняли контакты со своими родственниками на Украине[2]. Тотальный контроль над перепиской внутри страны осуществить было невозможно. Последнее означало, что утечка информации за границу могла произойти через родственников, проживающих за пределами колонии, однако в результате массовых арестов среди выходцев из села в 1937–1938 гг. Старошведы лишились такой возможности.

В Николаеве был арестован и бесследно исчез Хиндрик Утас (1881 г. р.)[3]. В Запорожье был арестован работник отдела снабжения «Запорожсталь» Готлиб Хернберг (Геренберг) (1881 г. р., образование начальное, швед, уроженец с. Старошведское); 29 сентября 1938 г. он был приговорен тройкой НКВД по Днепропетровской области к расстрелу[4]. 30 июня 1937 г. в городе Бальцер (сегодня Красноармейск) автономной республики немцев Поволжья была арестована медсестра шведской миссии Красного Креста Мери Белио – шведка, уроженка села Старошведское. Мери Белио (урожденная Мария Кнутас, 1899 г. р.) работала медсестрой старошведской амбулатории, однако покинула родное село из-за любовной драмы[5]. 17 ноября

---

[1] Сегодня село Привольное Азовского немецкого национального района Омской области.

[2] Anna Knutas an die Schwedische Gesandtschaft Moskau. 5/VIII-1929. Riksarchivet. Utrikesdepartementet 1920 rs dossiersystem. P. 1534. Del. III. Diverse biträde t utlänningar Gammal-Svenskby boar. 1930 – mars 1956.

[3] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 248.

[4] Реабілітовані історією. Запорізька область. Книга перша. Запоріжжя, 2004. С. 365.

[5] Данные об арестах за пределами села обработаны на основе анализа базы данных «Жертвы политического террора в СССР» организации Мемориал и генеалоги-

1937 г. она была расстреляна органами НКВД. 10 декабря 1937 г. в Башкирии был арестован и осужден к 10 годам заключения уроженец Старошведского колхозник Карл Герман (1905 г. р.). 14 декабря 1937 г. в Павлодаре был арестован уроженец села Старошведское сапожник Юлиус Утас (1885 г. р.), расстрелян 29 декабря того же года. 12 июля 1938 в далекой Сибири в с. Гнедухино Алтайского края были арестованы и расстреляны два старошведа – братья Отто Кнутас (1904 г.р.) и Юхан Кнутас (1911 г. р.). Аресты выходцев из села, которые никогда не выезжали в Швецию, подтверждают гипотезу американского историка Терри Мартина об этничности как главном критерии репрессий по национальным линиям[1]. Действительно, объектом террора был любой представитель шведского меньшинства, независимо от социального и партийного положения и наличия связей с заграницей. Аресты существенно снижали шансы на передачу информации из шведской колонии в Швецию. То, что казалось малообразованным крестьянам трагической случайностью, являлось частью огромного по своим масштабам плана, исполнение которого позволило затянуть петлю государственного террора вокруг шведской общины.

Ограничение переписки с заграницей

Официально переписка советских граждан с заграницей запрещена не была. Более того, сталинская конституция 1936 г. гарантировала советским гражданам тайну личной переписки. В статье 128 Конституции СССР провозглашалось, что «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом». В действительности положения Конституции были фикцией. Чекисты практиковали изъятие личных писем, поступивших от граждан зарубежных стран. Таким образом, советское правительство нарушало Конституцию СССР и обязательства Всемирного почтового союза (*Universal Postal Union*), членом которого СССР являлся с 1924 г. По всей видимости, данная практика карательных органов регламентировалась служебными инструкциями. Как вспоминал известный историк-востоковед Игорь Дьяконов, в 1937 г. их семья в Ленинграде перестала получать письма от дяди с острова Ява, одновременно «почта перестала принимать отправления за границу, и почтовые работники велели передавать посылки через консульство». Совет был

ческих таблиц херсонских шведов, составленных Юргеном Хедманом. См.: Hedman J. Svenskbysläkter: släktf rteckningar ver familjerna fr n Gammalsvenskby i Ukraina, Visby, 1994. С. 98 и следующие.

[1] Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. № 70. P. 854.

опасным, так как практически любой контакт советского гражданина с консульством приводил к аресту согласно приказу НКВД № 00698[1]. Известно также, что сотрудники НКВД осуществляли оперативный учет граждан, ведущих переписку с заграницей, а также проводили с ними профилактические беседы, требуя прекратить писать письма за границу[2]. Например, Виктория Косяк и ее отец находились на оперативном учете Херсонского НКВД из-за переписки с родственниками в Бразилии. Чекисты не скрывали, что они последовательно изымают личные письма из Бразилии. Однажды отцу Виктории во время очередной профилактической беседы в НКВД сообщили следующее: «Ха-ха, Косяк, если у тебя появится дочка, твои братья просят назвать ее Виктория, в честь какого-то там водопада»[3]. В 1937 г. отец Виктории Косяк был арестован и погиб в лагерях ГУЛАГа. В 1945 г. за переписку с заграницей была также арестована его дочь Виктория Косяк[4]. За переписку с Болгарией в 1937 г. были арестованы и расстреляны четверо болгар – огородников сельскохозяйственной колонии № 29 Херсонского НКВД[5]. Так невинное, на первый взгляд, занятие превратилось в тоталитарной стране в тяжкое преступление. Незаконный контроль над личной перепиской граждан стал идеальным инструментом изоляции советских людей от внешнего мира. В декабре 1937 г. в Киеве была арестована латышка Лидия Кронберг, расстрелянная 19 января 1938 г. на основании переписки с родной сестрой, живущей в Латвии. В деле Кронберг хранятся несколько писем на латышском языке, в том числе одно письмо 1933 г. без почтового штампа об отправлении[6]. Этот факт позволяет предположить, что письмо было перехвачено НКВД. Материалы шведской колонии подтверждают существование подобной практики у чекистов.

Летом 1937 г. местная херсонская пресса перепечатывала из центральных газет пропагандистские материалы о страшных последствиях переписки с заграницей. Так, 26 июля 1937 г. «НП» опубликовала статью А. Лясса «Посылки диверсантов»[7]. Абсурдные материалы

---

[1] Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 427.

[2] Лукьяненко О. Фаддей Зелинский в переписке с младшей дочерью Ариадной // Новая Польша. 2009. № 7–8.

[3] Водопад Виктория расположен в южной Африке. Вероятно, в письме речь шла о бразильском городе Витория (Vit ria) – столице штата Эспириту-Санту.

[4] Косяк В. В. Я знаю що таке пекло // Забуттю не підлягає. Херсон, 1994. С. 66–77.

[5] Оленковський М. Хочете повернутися в Болгарию? Розстреляти! // Реабілітовані історією. Херсонська область / ред. А. О. Бабич. Херсон, 2005. С. 920–923.

[6] Kuromiya H. The voices of the dead. Stalin's Great terror in the 1930s. New Haven; London, 2007. P. 143–145.

[7] Лясс А. Посилки диверсантив // НП. 26.07.1937. № 170. С. 12. Перепечатка из газеты «Известия».

должны были способствовать созданию атмосферы страха и подозрительности в отношении людей, ведущих переписку с заграницей.

Старошведы были людьми крепкой воли, несмотря на аресты 1933 г. и систематическое изъятие писем, их переписка с родственниками в Швеции продолжалась. Более того, херсонские шведы выработали уникальную для крестьянской культуры систему конспирации. Во-первых, колонисты перестали писать на конверте обратный адрес и указывать в письме свое имя, родственники определяли адресата по почерку. Во-вторых, языком переписки вместо стандартного шведского языка стал старошведский диалект, хорошо понятный только уроженцам села. В-третьих, вместо настоящих имен использовались деревенские клички, также понятные только жителям села. В-четвертых, колхозниками применялась примитивная шифровка. Например, в письме писали: «у нас достаточно хлеба», после чего ставился крест, означавший ровно обратное[1]. В-пятых, учитывая опыт 1933 г., письма стали отправлять через почтовые отделения других административных районов. Понимая, что среди оставшихся в Швеции односельчан могли быть секретные осведомители, шведы предупреждали получателей писем о неразглашении информации. Так, Кристина Сигалет писала в письме к Кристине Кнутас: «Но я тебя очень прошу. Не распространяйся среди наших шведов, о чем я тебе пишу. Они могут написать обратно, и тогда мне будет плохо. Все, что я тебе пишу, должно остаться между нами»[2]. Действительно, резидентура иностранного отдела НКВД СССР вела в Швеции постоянную разработку эмигрантов из СССР[3]. Так, в 1945 г. за шпионаж в пользу СССР из Швеции был выслан вместе с семьей старошвед Кристоффер Утас. До своего отъезда в 1929 г. в эмиграцию он работал оперуполномоченным милиции. В Швеции Кристоффер Утас довольно быстро получил место в полиции и нес службу в международном аэропорту «Бромма» (*Bromma*).

В 1937 г. оборвалась переписка с выехавшими на стройки социализма шведскими рабочими[4]. Вся переписка между старошведами и Швецией прекратилась осенью 1937 г. Перестала получать ответы на свои письма Кристина Кнутас, которая переписывалась сразу с несколькими женщинами из села. 20 июля 1938 г. она отправила письмо Нильсу Тибергу, шведскому ученому, исследователю старо-

---

[1] Электронное письмо Юргена Хедмана (J rgen Hedman) автору. 16.03.2010 г. Из архива автора.

[2] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 248.

[3] Воскресенская З. Теперь я могу сказать правду! Из воспоминаний разведчицы. М., 1993. С. 94.

[4] Kirunavädjan om frisläppande av sovjetf ngar fr n Malmfälten // Kirunatidningen. 1955.5.05. S. 34.

шведского диалекта[1]. В этом письме она писала, что с осени 1937 г. не получила ни одного ответа из СССР и не знает, что происходит в деревне[2]. Переписка с родственниками из Швеции возобновилась только в 1941 г., после оккупации Украины нацистской Германией. Таким образом, в период массовых репрессий НКВД удалось решить задачу полной изоляции шведской колонии от окружающего мира. Безусловно, это развязало местным чекистам руки, создав условия для массового уничтожения граждан.

Усиление контроля над поездками скандинавских делегаций и туристов

Сталинский Советский Союз не был закрытой страной. В 1930-х гг. страну посещало до 5000 иностранных туристов ежегодно[3]. Граждане Швеции были одними из наиболее активных путешественников в Страну Советов. На 1937 г. две страны связывали воздушное (Москва–Рига–Стокгольм) и паромное (Ленинград–Стокгольм) сообщение. Шведское «Общество друзей Советского Союза» (*Sojetunionens Vänners Förbund*) издавало тиражом 5 тысяч экземпляров иллюстрированный журнал «Det Nya Ryssland i ord och bild» («Новая Россия в слове и фотографии»), в котором рассказывалось об успехах социалистического строительства[4]. В этом журнале были опубликованы десятки репортажей о поездках в СССР. Среди гостей родины первой в мире пролетарской революции были не только рабочие и коммунисты, но также представители различных левых партий и организаций, деятели профсоюзов, журналисты и писатели, домохозяйки и дети шведских безработных[5]. Южная Украина входила

---

[1] Нильс Тиберг (Nils Tiberg) (1900–1980) – шведский лингвист, с 1939 г. – сотрудник, позже директор Архива диалектов и народной памяти университета Уппсалы (Dialekt- och folkminnesarkivet, ULMA). Собрал большую коллекцию текстов диалекта украинских шведов. См.: Tiberg N. En sägen fr n Gammalsvenskby i historisk belysning. G teborg, 1932; Loit A., Tiberg N. Gammalsvenskbydokument. Uppsala, 1958.

[2] Электронное письмо Юргена Хедмана (J rgen Hedman) автору. 20.03. 2010 г.

[3] Голубев А. В. Запад глазами советского общества // Отечественная история. 1996. № 1. С. 108.

[4] Журнал издавался регулярно в 1931–1945 гг. Выходил под разными названиями: «Det Nya Ryssland i ord och bild», «Sanning om Sovjetland», «Sovjetunionen idag», «Sovjetnytt».

[5] См.: Studieresor till Sovjetunionen. Arbetarr relsens arkiv. UU 22/37. Vol. 1; Internationell R da hjälpen. ARAB. UA 22/38. Vol. 2; Brusewitz P. E. Bakom Rysslands järnrid : p motorcykel fr n Petrograd till Tiflis. Stockholm, 1923; En studieresa i Sovjet-Ryssland: den svenska statstjänardelegationens rapport fr n en resa i april 1925. Stockholm, 1925; Svenska kommunalarbetaref rbundet. Rapport avgiven av Sv. kommunalarbetaref rbundets studiedelegation till Ryssland den 25 april – 5 juni 1926.

в список районов традиционного посещения страны шведскими туристами. Здесь находились гигантские стройки первой и второй пятилеток, образцовые совхозы, проходила дорога на международные курорты Крыма[1]. В 1933 г. одна из шведско-норвежских делегаций посетила в УССР тюрьму НКВД, «убедившись, что советско-русские тюрьмы – это что-то совершенно иное, чем тюрьмы капиталистических стран. Русские тюрьмы – не учреждения наказания, а места, где люди перевоспитываются в полезные члены общества. У заключенных есть свой театр <...> своя настенная газета, где они критикуют условия заключения»[2]. Проект создания в шведской колонии образцового колхоза подразумевал визиты в деревню шведских активистов. В левой прессе Швеции был опубликован ряд статей о новой жизни Красно-Шведской коммуны, авторами которых были посетившие деревню шведские рабочие и журналисты[3]. Газета «Ny Dag» даже разыгрывала поездку в Старошведское как главный приз подписной компании[4]. Однако после событий 1933 г. информация о жизни в деревне исчезла со страниц левой прессы Швеции, хотя шведские делегации продолжали посещать сельские районы степной зоны Украины. Пропаганда коммунизма уступила место политике изоляции. Пойти на полный отказ от посещения страны дружественными делегациями из Швеции советская власть не могла. Так, в октябре 1937 г. херсонская пресса сообщала о приезде в Москву на празднование 20-летия Октябрьской революции делегации компартии Швеции[5]. Однако накануне национальных операций НКВД был принят ряд дополнительных мер по минимизации поездок шведских

Stockholm, 1926; Svensk studieresan till Sovjet-Unionen // Det nya Ryssland i ord och bild. 1931. № 3. S. 7–8; Fr n min resa i Sovjet-Unionen // Arbetar-Kvinnornas Tidning. 1933. № 4. S. 5; Brandt E. G. C. Ett studiebes k i Sovjetunionen. Falun, 1934.

[1] См., например: Ann r W. H rt och sett i Sovjet-Ryssland. Stockholm, 1926. S. 163–166; Adamson E. Fr n Lenins stad genom soliga Ukraina till Krim. G teborg, 1926; Vad tyckte maj delegationen om kollektivbruk, kreaturfarmer, järnverk m. m.? // Det nya Ryssland i ord och bild. 1931. № 3. S. 7–8; Sovjetunionen l ser judeproblemet // Sovjetunionen idag. 1933. № 4. S. 18–20; Vad sade skandinaviska arbetardelegater till pressen om studieresan till SSSR okt. – nov. 1931 // Det nya Ryssland i ord och bild. 1932. № 3. S. 1–8; Bland pionjärer p det soliga Krim // Arbetar-Kvinnornas Tidning. 1930. № 5–6. S. 6.

[2] Kvinnan har befriats fr n k kslaveriet // Arbetar-Kvinnornas Tidning. 1933. № 3. S. 4.

[3] R da Svenskby är stadd i snabb utveckling // Ny Dag. Den 21 februari 1931. S. 1; Svensk sovjetarbetare berättar om R da Svenskby just nu // Ny Dag. Den 14 april 1931. S. 1, 8; R da Svenskby hälsar SKP // Ny Dag. Den 14 maj 1932. S. 1; Kamrat Blom berättar om Sovjets land // Stormklockan. 1932. Vol. 7. № 2; Braathen, Alma Sanningen om Gammalsvenskby // Vecko-Journalen. № 45. 1932.

[4] Meurling P. Brandt E. G. C. Ett studiebes k i Sovjetunionen. Falun, 1934; Kommunismen i Sverige. Stockholm, 1950. S. 39–40.

[5] Наддніпрянська Правда. 18.10.1937. № 241. С. 1.

граждан. Во-первых, возможными стали только коллективные поездки в составе делегаций. Во-вторых, маршрут поездок был ограничен Ленинградом и Москвой и, как правило, исключал посещение Украины. В-третьих, судя по публикациям шведской прессы, начиная с 1937 г. количество таких поездок резко уменьшилось[1]. Наконец, отдельные прибывшие в СССР шведские туристы подвергались преследованиям со стороны НКВД. В июле 1937 г. консульство Швеции в Ленинграде подготовило специальный доклад в политический отдел МИД Швеции о преследовании шведских туристов. Например, группа шведских учителей прибыла через бюро «Интурист» для ознакомительной поездки по Ленинграду и Москве. Член делегации, учительница из Умео Ингве Льюнге (Yngve Ljunge) была задержана работниками НКВД в Ленинграде якобы из-за возникших проблем с паспортом. После трехчасового допроса ее знакомство с СССР было закончено. Делегация муниципальных сотрудников Швеции была остановлена работниками НКВД на пути из Ленинграда в Москву. Члену делегации – Элизабет Вилениус (Elisabet Charlotta Vilenius) – было запрещено посещение столицы и рекомендовано немедленно покинуть СССР. Консул Швеции Кнут Лундберг (Knut Lundberg) связывал гротескные, по его словам, операции чекистов с усилением шпиономании в СССР[2].

Опасения властей были не напрасны. В обстановке повальных арестов и массовых репрессий поездки иностранцев по стране могли привести к серьезной утечке информации. В августе – сентябре 1937 г. СССР посетил репортер крупнейшей шведской газеты «Dagens Nyheter» социал-демократ Густав Хеллстрём. Влиятельный журналист и писатель, автор бестселлера о приходе Гитлера к власти, он сумел получить разрешение на индивидуальную поездку по СССР[3]. На Украине Густав Хеллстрём посетил образцовый совхоз «Большевик», где в целом все прошло по сценарию властей[4]. Один из первых репортажей Хеллстрёма имел характерное название «Революционная и военная мораль характеризует сталинский Советский Союз. Русский пролетарий похож на нового американца 1890-х гг. То, что

---

[1] Данный вывод сделан на основе анализа автором материалов журнала «Sovjetnytt» и газеты «Arbetar-Kvinnornas Tidning» за 1937–1939 гг.

[2] Svenska turister utsatta f r trakasserier. Kungl. Svenska Konsulatet Leningrad. 7/07-1937. Knut Lindberg till Hans Beck-Friis // Riksarkivet. Utrikesdepartementet – skrivelser. Avg ende diarium f r Beskickningen i Moskva 1937. Avd: HP. Gr:1. M l: Er.

[3] Hellstr m G. Det tredje riket: fr n Hitlerkupp till tysk folkenighet. Stockholm, 1933.

[4] Mesta Sovjet-jorden brukas kollektivt // Dagens Nyheter. 10.9.1937.

туристы видят в стране, не декорации»[1]. Однако в ходе дальнейшей поездки журналист стал случайным свидетелем конвоирования солдатами НКВД заключенных ГУЛАГа[2]. Увиденная сцена повлияла на его оценку достижений советской власти. Опубликованная в «Dagens Nyheter» серия репортажей стала основой книги «Дорога в рай» («Vägen till paradiset»), изданной в том же году в крупнейшем издательстве Швеции «Bonnier». Книга Хеллстрёма стала одним из первых шведских свидетельств массовых репрессий в СССР[3]. Таким образом, даже теоретическая возможность посещения шведского села туристами из Швеции была исключена.

3.4. Террор как метод социальной инженерии. Дело шведской контрреволюционной националистической шпионской организации

С момента своего образования Советский Союз серьезно отличался от западных государств. Различия касались не только отмены частной собственности и диктатуры коммунистической партии, но и национальной политики, основанной в СССР на принципах интернационализма и автономии национальных меньшинств. В то время когда большинство малых народов в Европе столкнулись с дискриминацией, Советский Союз провозгласил в 1923 г., а затем и реализовал политику поддержки прав национальных меньшинств. Однако эта политика изменилась радикально в 1937 г., когда советские органы безопасности приступили к сверхсекретным «национальным операциям». Доступ исследователей к ранее недоступным фондам советских архивов дал возможность пролить свет на эту мало известную часть Большого террора. За 14 месяцев 1937–1938 гг. в ходе национальных операций НКВД было уничтожено более 247 тысяч человек, представляющих десятки этнических меньшинств – от поляков, немцев и финнов до иранцев и афганцев. Жертвы национальных операций составили 34 % всех расстрелянных в 1937–1938 гг. Таким образом, национальные операции являлись центральным мероприятием Большого террора[4].

---

[1] Revolutions- och krigsmoralen präglar det Stalinska Sovjet. Rysk proletär liknar 90-talets ny -amerikan. Det som turisterna f se är inte enbart kulisser // Dagens Nyheter. 15.8.1937.

[2] Hellstr m G. Vägen till paradiset. Stockholm, 1937. S. 175–176.

[3] Alm M. Den svenska sovjetbilden 1935–194 // Kommunismens ansikten: repression, vervakning och svenska reaktioner. Esl v, 2005. S. 19–49.

[4] См.: Martin T. The origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. № 4. P. 813–861; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. Материалы конференции. М., 1999. С. 35–74; Werth N. The Mechanism of a mass

В современной историографии продолжается дискуссия о роли социальной и этнической составляющей национальных операций НКВД. Некоторые историки считают, что этничность не являлась основным компонентом национальных операций, а ведущую роль играли политические и географические аспекты, в частности контакты колонистов с враждебными странами, сопротивление колонистов коллективизации, зачистка пограничных территорий и т. п.[1] Известный французский историк Николя Верт обратил внимание на то, что среди жертв польской операции были не только поляки[2]. С другой стороны, историки – россиянин Владимир Хаустов и швед Леннарт Самуэльсон – говорят об ошибочном преувеличении внешнеполитического фактора и подчеркивают, что жертвами многих национальных операций стало легко контролируемое малограмотное население внутренних районов страны, прошедшее к тому времени через ужасы коллективизации и Голодомор. Ссылаясь на внутренние документы НКВД, ученые отмечают, что сотрудники центрального аппарата и областных управлений НКВД понимали, что национальные операции не имеют под собой реальных оснований и выполняли социальный заказ высшего руководства страны[3].

---

crime. The Great Terror in the Soviet Union, 1937–1938 // The Specter of Genocide. Mass murder in historical perspective / ed. by R. Gellately, B. Kiernan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 215–239; Samuelson L., Sorokin A. Den ryska «arkivrevolution». Källvolymer belyser sovjetepokens m rka sidor // Historisk Tidskrift. 2007. Vol. 127. № 4. S. 739–756.

[1] Werth N. The Mechanism of a mass crime. The Great Terror in the Soviet Union, 1937–1938. P. 215–239; Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 99–122; Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 140; Weeks T. R. Stalinism and nationality // Kritika: exploration in Russia and Eurasia History. 2005. Vol. 6. № 3. P. 567–582; Mann M. The dark side of democracy: explaining ethnic cleansing. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 318–328; Morris J. The Polish terror: Spy mania and ethnic cleansing in the Great terror // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 50. № 5. P. 751–766; Kuromiya H. The voices of the dead. Stalin's Great terror in the 1930s. New Haven; London, 2007. P. 141–143.

[2] Werth N. The Mechanism of a mass crime. The Great Terror in the Soviet Union, 1937–1938. P. 237.

[3] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 48.

Ряд ученых, наоборот, считает, что «опасная» для власти этничность была первопричиной национальных операций[1]. По мнению исследователя евгеники Марка Адамса, значительное влияние на сталинскую концепцию Великого перелома оказала идея селекции человеческого материала. Например, работавший в 1933–1937 гг. в Советском Союзе американский генетик Герман Мёллер предлагал Сталину «силой евгеники за одно поколение закрепить победу социализма»[2].

Согласно сводкам УНКВД Николаевской области, осенью 1937 г. колхозы степной зоны Украины неожиданно стали полем деятельности германской, польской, греческой, румынской, болгарской, эстонской, иранской, чешской, шведской и японской разведок[3]. Абсурдность этих «сведений» была понятна каждому исполнителю преступных приказов. Успокаивало чекистов то, что проведения масштабных этнических чисток требовало высшее руководство страны. Например, первый секретарь крайкома С. М. Соболев так разъяснял руководящему составу УНКВД Красноярского края указания на этот счет Сталина:

> Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д. Все это продажные нации, подлежащие истреблению <...> всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак[4].

В связи с обозначенной выше дискуссией между историками представляет интерес анализ локального материала. 22 сентября 1937 г. в УССР создается Николаевская область, в состав которой вошла шведская колония. Появление нового областного УНКВД, безусловно, способствовало усилению репрессий. Как и любое другое министерство, НКВД был частью советской плановой экономики. Сотруд-

---

[1] Pohl O. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1945. Westport, 1999. P. 23–25; Kostiainen A. The Finns of Soviet Karelia as a Target of Stalin's Terror // World Congress for Central and East European Studies, Ethnic and national issues in Russian and East European history / ed. by J. Morison. New York: St. Martin›s Press, 2000. P. 214–229; Jones A. Genocide. A comprehensive introduction. Routledge, 2006. P. 124–140; Баберовски Й. Красный террор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 90.

[2] Adams M. Eugenics in Russia, 1900–1940 // The Wellborn science: eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. New York; Oxford. 1990. P. 195.

[3] Шитюк М. М. Масові репресії на території Миколаївщини (30 ті рр. ХХ ст.) // Укра нський історичний журнал. 1998. № 1. С. 96.

[4] Цит. по: Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 366–367; Сергей Михайлович Соболев (1900–1939) – русский большевик, член РСДРП с 1918 г. Из крестьянской семьи, уроженец Калужской губернии. В 1937–1938 гг. – первый секретарь Красноярского краевого комитета ВКП(б). Арестован органами НКВД 4.11. 1938 г. Расстрелян 25.02.1939 г.

ники нового управления обязаны были выполнить и по возможности перевыполнить спущенный сверху расстрельный план 1937 г., известный среди чекистов как «квота первой категории»[1]. Приказы по национальным операциям практически развязывали чекистам руки, так как на них никаких предельных квот не существовало. Функционирование троек подтверждает, что подлинной целью национальных операций были масштабные этнические чистки. Только внесудебный (незаконный) порядок следствия и вынесения приговора вкупе с пытками и тайными расстрелами позволил за короткий срок национальных операций (август 1937 – ноябрь 1938 гг.) арестовать 335 513 и уничтожить 247 157 граждан[2]. Осуществить подобное с использованием установленных законом процессуальных норм, предполагавших судебное разбирательство и право на защиту, было нереально.

Специальной «шведской линии» национальных операций не существовало. Следовательно, инициатива дела о мифической шведской шпионской организации принадлежала местному отделу НКВД. Операция была подготовлена в ходе длительного негласного наблюдения. По агентурной разработке № 290 арестованные шведы проходили под кодовым названием «Двойники»[3]. 13 октября 1937 г. Бериславский районный отдел НКВД инициировал арест восьми старошведов[4], 5 ноября 1937 г. арестовали еще троих[5]. Всем арестованным было предъявлено обвинение по статьям 54-6 (шпионаж), 54-10 (пропаганда или агитация, содержащая призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти) и 54-11 (организационная деятельность, а равно участие в контрреволюционной организации) Уголовного кодекса Украинской ССР. Статьями 54-6 и 54-11 предусматривалась высшая мера наказания. 14 ноября 1937 г. начальник Бериславского районного отдела Давид Борисович Давиденко-Эдвабник рапортовал о том, что «в селе Старо-Шведское ликвидирована контрреволюционная шпионская организация из бывших кулаков, шпионов, шведов»[6]. 27 октября 1937 г. все арестованные были расстреляны в Херсонской тюрьме НКВД (см. Приложение 1). Оригинальный преступный почин был замечен, и Давиденко-Эдвабник пошел на повышение, в 1938 г. он занял место начальника престижного 3-ого (контрразведывательного) отдела Херсонского

---

[1] Pringle R. W. Modernization of Terror: the Transformation of Stalin's NKVD, 1934–1941 // International Journal of Intelligence and Counterintelligence. 2004. Vol. 17. P. 118; Тепляков А. Г. Указ. соч. С. 367.

[2] Martin T. The origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 855.

[3] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359. Л. 18.

[4] Там же. Д. 359.

[5] Там же. Д. 533.

[6] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359. Л. 185–187.

НКВД. Именно в этом отделе разрабатывались национальные операции и фабриковались следственные дела против представителей немецкого, шведского, польского, греческого и болгарского меньшинств Херсонского края. Давиденко-Эдвабник и его подчиненные обнаружили в шведской колонии не выявленных ранее «шпионов» и организовали новый виток массовых репрессий. В феврале 1938 г. были арестованы Кристоффер Аннас и Густав Кнутас[1]. 16 июля 1938 г. арестована очередная группа – девять жителей села – шведов, обвиненных в преступлениях, предусмотренных статьями 54-10 и 54-11 Уголовного кодекса УССР[2]. Жертвами массовых операций стали 22 из 265 шведских жителей села. 17 из них были по решению особой тройки при УНКВД Николаевской области были расстреляны. 17 ноября 1938 г. по решению Политбюро ВКП(б) массовые операции завершились[3]. Вместе с уничтоженными в других регионах страны список жертв Большого террора – старошведов – достигает 29 человек (см. Приложения 1 и 2).

С одной стороны, все арестованные старошведы являлись «реэмигрантами» и в этом качестве подпадали под действие приказа НКВД СССР № 00447[4]. Не случайно в материалах дела пребывание колонистов в Швеции используются следователями как явное доказательство их шпионских замыслов. С другой стороны, в Швеции побывали все члены старошведской общины. Поэтому реэмиграция как критерий отбора жертв в нашем случае не работает. Подчеркнем, что в ходе Большого террора были арестованы и расстреляны также выходцы из села, никогда не выезжавшие в Швецию. Социальная подоплека обвинения являлась скорее данью классовой доктрине большевиков, а не реальными установками секретных приказов НКВД. Херсонские чекисты прекрасно понимали, что никто из шведов-колхозников не был кулаком. Старошведы распродали все свое имущество в 1928 г. и добровольно вернулись в СССР, чтобы принять участие в создании колхоза. Таким образом, они не сопротивлялись коллективизации и на момент ареста не имели значительного имущества[5]. Вопреки очевидным фактам в следственных материалах указывается, что аресто-

---

[1] Там же. Оп. 5. Д. 364.

[2] Там же. Д. 17.

[3] Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой» операции НКВД 1937–1938 гг. С. 62.

[4] Приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. № 58.

[5] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 17. Л. 66.

ванный являлся «кулаком» или «сыном кулака». Например, в кулаки был зачислен Петтер Х. Кнутас, сирота, работавший до создания колхоза батраком[1]. В результате такого подлога жертва переходила в список явных врагов народа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Случаи фальсификации социального происхождения жертв в ходе национальных операций на Украине являлись массовыми[2]. Популярность подобной практики объясняется тем, что ссылка на враждебное классовое происхождение была давно легализована и активно применялась в сталинской правовой системе, в то время как прямое указание враждебного этнического происхождения до начала национальных операций не допускалось. Состав преступления мало волновал следователей, не затруднявших себя поиском конкретных фактов шпионажа и диверсий. По версии чекистов главная вина колхозников заключалась в передаче в Швецию провокационных слухов о советской власти, в частности, «предсказаний войны с СССР и победы фашизма над нашей страной». В ответ в деревню из Швеции поступала «плата за шпионаж» в виде посылок и иностранной валюты[3]. Напомним, что «высосанная из пальца» проблема контактов со Швецией была на момент арестов решена. Еще до начала массовых операций власть приостановила отправление личной корреспонденции за рубеж. Примитивная схема обвинения нуждалась в признании арестованными несуществующей вины. В этой связи Ханна Арендт подчеркивает, что «задачей тоталитарной полиции являлось не раскрытие преступлений, а стремление быть наготове в тот момент, когда правительство решит начать аресты определенной категории населения»[4]. Рядовые чекисты воспринимали приказы руководства и материалы партийной прессы как прямое указание очистить советское общество от «шпионского мусора»[5]. Отсутствие состава преступления подтверждает то, что подлинной целью арестов было уничтожение членов национальной шведской общины. Одновременно со шведами были арестованы и жители села – немцы[6]. Однако по делу

---

[1] Там же. Оп. 4. Д. 533. Л. 36.

[2] Ченцов В. В. Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 132.

[3] См., напр.: ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359. Л. 3.

[4] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. San Diego; New York; London, 1976. P. 426.

[5] Письмо помощника начальника 3-ого отдела УНКВД по Новосибирской области В. Д. Качуровского первому секретарю обкома ВКП(б) Г. А. Баркову от 14 апреля 1939 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 455.

[6] Среди них: Якуб и Христофор Квадрициус, Фридрих Ковальский, Густав Томм и Адольф Фиц. См.: Реабілітовані історією. Херсонська область / ред. А. О. Бабич. Херсон, 2005. С. 325–327; ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 364.

шведской организации проходили исключительно старошведы (см. табл. 1), что подтверждает этнический дизайн репрессий.

Таблица 1. Распределение по национальности

То, что главной целью следствия было физическое уничтожение, подтверждается беспрецедентными по своей жестокости пытками арестованных шведов. Применение пыток, как известно, было санкционировано лично Сталиным[1]. В разъяснительной телеграмме руководителям партийных органов и управлений НКВД от 10 января 1939 г. генсек указал, что «метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»[2]. Сначала арестованные шведы, по всей видимости, не предполагали, что их ожидает физическое уничтожение. В 1933 г. за сбор подписей в поддержку повторной эмиграции в Швецию были приговорены к трем годам ссылки Петтер Э. Утас, Маттиас Нурберг, Симон Сигалет и Кристиан Херман. Арестованные повторно в 1937 г. они знали, что ничего предосудительного на этот раз не совершали и верили в мягкое наказание. Однако пытки развеяли их надежды. Анна Портье (урожденная Нурберг) вспоминает:

> В 1937 г., когда мне было 14 лет, мы с мамой получили свидание с отцом (Маттиасом Нурбергом. – *А. К.*) в херсонской тюрьме. Папу вынесли под руки, как святого духа, два конвоира НКВД. Его пытали. Все пальцы были перебиты, зубы выбиты, он еле говорил. Он сказал

---

[1] Шифротелеграмма И. В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД–УНКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа». 10 января 1939 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Указ соч. С. 445–446; Указания И. В. Сталина о допросах. 13 марта 1938 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. № 303. С. 499; Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ соч. С. 287.

[2] Цит. по: Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 248–249.

> нам: лучше расстрел, чем 10 лет таких мучений. Три раза за ночь они поднимали его и пытали, пока он все не подписал. Через год моя мама вновь поехала в НКВД Херсона с вопросом, где ее муж? Живой, мы его сослали – такой был ответ. Мы и поверили, так как у нас не было, как это обычно бывало при расстрелах, конфискации имущества, иначе они бы приехали и забрали бы шведскую швейную машинку[1].

Пытаясь доказать существование мифической организации шведов, чекисты проводили многочисленные очные ставки, вынуждая людей очернять друг друга. Таким образом, кроме физических мучений патриархальные шведские крестьяне пережили страшную ломку моральных норм и ценностей.

Специфика сталинских национальных операций вызвала к жизни забытую за годы пропаганды интернационализма атмосферу этнической вражды и подозрений. Так, по личному указанию Сталина накануне национальных операций был заменен оперативный состав НКВД автономной республики немцев Поволжья, из которого убрали всех не немцев[2]. Жертвами Большого террора в селе Старошведское стали исключительно шведы и немцы. Украинские семьи в данном случае не пострадали. В то же время среди местных чекистов не было ни одного шведа или немца (см. Приложение 2). Свидетелями по делу «шведских шпионов» выступали односельчане-украинцы Макар Шурдук и Василий Краковский, активно сотрудничавшие со следствием. Старошведский сельсовет в лице М. Шурдука дал отрицательные характеристики на всех арестованных старошведов. Не случайно, рассуждая о причинах террора, старошведы использовали национальные категории. Эмиль Утас вспоминал: «...моего брата, председателя колхоза Юханнеса Утаса и других шведов арестовали 16 июля 1938 г. среди белого дня. Вывозили их в Берислав на открытой грузовой машине. В Бериславе брату выбили прикладом все зубы. Руководил чекистами еврей Давиденко, который был причиной гибели многих шведов и немцев»[3].

По-прежнему актуальным остается изучение критериев отбора жертв национальных операций. Кто в гомогенной крестьянской общине принадлежал к группе риска? У кого были шансы избежать репрессий? Микроисторический подход позволяет найти ответы на эти

---

[1] Интервью с Анной Портье. Октябрь 2004 г. Село Змиевка Бериславского района Херсонской области. Запись хранится в архиве автора.

[2] Шифротелеграмма № 1164/ш И. В. Сталина А. А. Андрееву об арестах в республике немцев Поволжья от 2 августа 1937 г. // Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. № 157.

[3] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 295; Эмиль Утас (1920 г. р.) – начало Великой Отечественной войны встретил солдатом Красной армии. С 1941 г. – солдат немецкой армии. После 1945 г. – в Швеции.

вопросы на примере национальной общины. Как видно из табл. 2.1 и 2.2, основной целью массовых репрессий в шведской деревне были мужчины.

Таблица 2.1. Распределение по полу среди арестованных

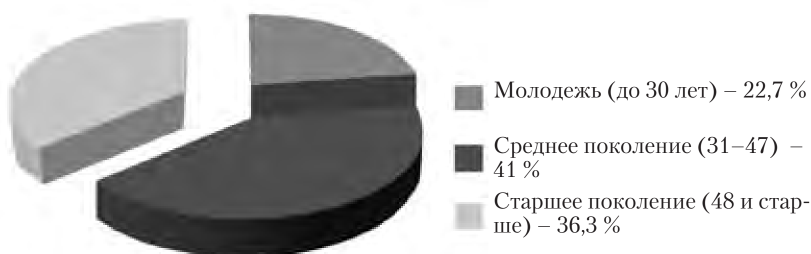

Таблица 2.2. Распределение по полу среди растрелянных

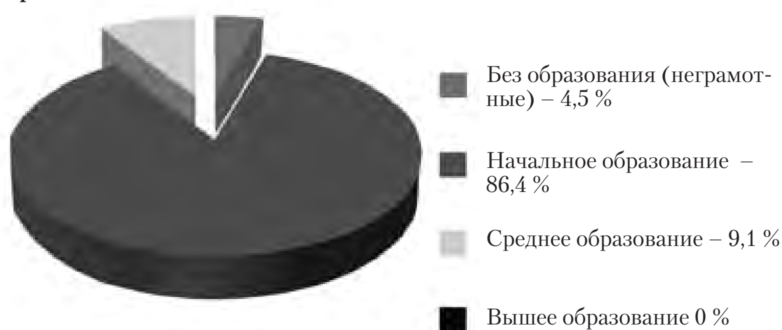
Как видно из табл. 3, абсолютное большинство арестованных мужчин принадлежало к репродуктивному возрасту. Таким образом, в результате террора была искусственно подорвана демографическая устойчивость группы, что способствовало резкому сокращению численности шведской диаспоры.

Таблица 3. Распределение по возрастным группам среди арестованных

Как показано в табл. 4, уровень образования при выборе жертв не имел существенного значения.

Таблица 4. Распределение по уровню образования среди арестованных

Единственной группой колонистов, благополучно пережившей террор, были секретные сотрудники НКВД. Служба безопасности Украины надежно прячет их имена от исследователей. Вся информация о сексотах была удалена при передаче архивных материалов из отраслевого архива СБУ в государственный архив Херсонской области. Пережили террор подозреваемые односельчанами в негласном сотрудничестве с НКВД Юлиус Аннас и выходец из смешанной украинско-шведской семьи Дмитрий Краковский[1]. Известно, что единственным освобожденным мужчиной по делу о шведских шпионах был бригадир колхоза, руководитель отделения Осовиахима,

---

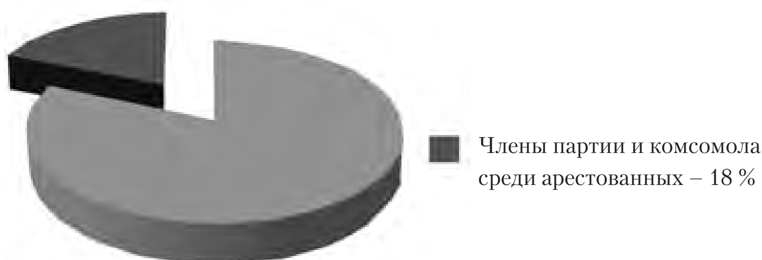
[1] Hedman J. The Ukrainian Swedes from Gammalsvenskby as living witnesses of the local events of Soviet-Ukrainian history 1931–1991 // Unpublished conference paper presented at the workshop in August 2008 at Sodertorn University.

комсомолец Юханнес Кнутас[1]. Его показания в деле 1937 г. представляют собой подробный донос на односельчан[2]. Неожиданное освобождение Ю. Кнутаса в сентябре 1938 г. вызвало в селе закономерные подозрения. Юханнес Хинас вспоминает:

> В 1939 году я встречался с Альвиной Нурберг. Ее родители, Симон Нурберг и Маргарета Нурберг, были арестованы НКВД. Альвина была сестрой жены Юханнеса Кнутаса. Однажды она сказала мне: твой кузин Юханнес совсем не ангел. Он помог уничтожить своих собственных родственников, среди них твоего отца. Будь предельно осторожен, когда разговариваешь с ним[3].

Из данных, представленных в табл. 6, видно, что члены партии и комсомола не являлись первоочередной целью репрессий, хотя членство в коммунистических организациях и руководящая должность в сельской администрации не спасали от ареста.

Таблица 5. Процент членов компартии и комсомола (в том числе бывших) по отношению к арестованнм

В целом данные о массовых репрессиях в шведской общине коррелируются с показателями Большого террора в сельских национальных районах страны. Так, согласно табл. 5, уровень смертности в ходе «шведской» операции составил 77,3 % , в то время как средний уровень смертности среди жертв национальных операций в целом по стране составил 73, 6 %.

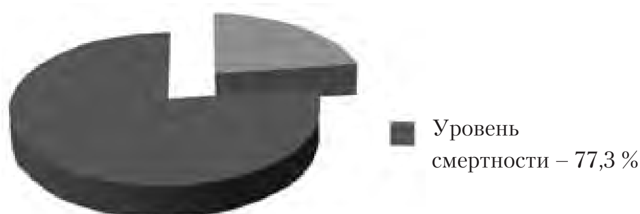
---

[1] Юханесс Кнутас (1912 г. р.) был арестован 16 июля 1938 г. и освобожден 16 сентября 1938 г. Его отец Петтер Х. Кнутас был арестован 5 ноября 1937 г. и исчез (расстрелян в херсонской тюрьме 20 января 1938 г.). В годы Второй мировой войны Юханнес Кнутас через Германию выехал в Швецию.

[2] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359. Л. 26–29.

[3] H gevik [Hinas] J. Detta är mitt liv. Handskrivet manuskript. Цит. по: Hedman J. The Ukrainian Swedes from Gammalsvenskby as living witnesses of the local events of Soviet-Ukrainian history 1931–1991 // Unpublished conference paper presented at the workshop in August 2008 at Sodertorn University.

Таблица 6. Процент растрелянных по отношению к арестованным

Сегодня известно, что секретные национальные операции находились в фарватере Большого террора на Украине. Так, граждане польского происхождения составляли 1,5 % населения советской Украины, в то же время они составили 18,9 % всех репрессированных в УССР в 1937 г. Украинские немцы составили 10,2 % всех репрессированных, хотя их доля в структуре населения была всего 1,4 %[1]. Беспрецедентный масштаб репрессий подтверждается статистикой арестов. Если в 1936 г. органы НКВД УССР арестовали 15 717 человек, то в 1937 г. – уже 159 573, а в 1938 г. – 108 007 человек[2]. За два неполных года Большого террора на Украине было уничтожено 122 237 жителей республики, при этом было освобождено из-под стражи всего 659 человек[3]. Массовые убийства собственных граждан стали главной тайной советского режима. Расстрелы проходили «с полным сохранением в тайне времени и места проведения приговора в исполнение»[4]. Арестованные, таким образом, просто исчезали. Следуя разработанной в недрах службы госбезопасности схеме, чекисты обманывали родственников, сообщая, что расстрелянные граждане живы и якобы приговорены к длительным срокам заключения в отдаленных районах страны. В апреле 1938 г. Альвина Херман чудом получила единственное до войны письмо из СССР. Ее сестра Анна Херман писала:

> Не спрашивай больше, о чем ты сейчас узнаешь. Мы были в Херсоне и спросили их, почему они схватили наших мужчин. Скоро ведь надо будет убирать урожай. Кто это будет делать? Женщины и дети – ответили они. Идите домой и ждите, скоро вы получите от них пись-

---

[1] Нікольський В. М. Національні аспекти політичних репресій 1937 року в Україні // Український історичний журнал. 2001. № 2. С. 78.

[2] Там же. С. 164.

[3] Ченцов В. В. Проблемы политических репрессий против немцев Украины в свете документов НКВД // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1996. С. 164.

[4] Приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // История сталинского Гулага. № 58. С. 274.

ма. Они находятся далеко и работают, но когда-нибудь вернутся домой. Я думаю, Россия сослала их на строительство укреплений против желтого коня Японии[1].

Известия об этнических чистках в СССР достигли Швеции. 26 мая 1938 г. посольство Швеции в Москве отправило на имя министра иностранных дел Швеции депешу «Вражда к другим народам охватила Советский Союз». В одном из редких шведских свидетельств сообщалось об иранской, латышской и немецкой операциях НКВД. Особо подчеркивалось, что среди арестованных оказались в том числе представители дружественных СССР наций (литовцы, чехи, китайцы). По сведениям шведских дипломатов, крупнейшей операцией была греческая, целью которой являлась тотальная зачистка 100-тысячного греческого населения страны: «...многие деревни опустошены так, что в них не осталось греков»[2]. 8 июня 1938 г. «Dagens Nyheter» сообщила, что «среди многочисленных чисток, которые проходят сейчас в Советском Союзе, кампания против инонациональностей является самой важной, при этом протесты дипломатических представительств игнорируются». Газета подчеркивала, что среди жертв террора есть и шведы. Однако о ситуации в украинской колонии не сообщалось.

После отказа от политики массового террора руководство УНКВД по Николаевской области было арестовано. За извращенные методы следствия (пытки) и фальсификацию уголовно-следственных дел в 1941 г. были расстрелян бывший начальник УНКВД по Николаевской области Петр Васильевич Карамышев и начальник 3-его отдела Яков Лукьянович Трушкин. Из материалов военного трибунала 1941 г. известно, что «Трушкин применял и поощрял незаконные и провокационные методы следствия. Создавал искусственные контрреволюционные организации»[3]. Однако сфальсифицировавшие дело о шведских шпионах работники его отдела избежали уголовного наказания (см. Приложение 2). Исполнители национальных операций на территории южной Украины не сомневались в этнической подоплеке репрессий. Арестованные в 1939 г. следователи Днепропетровского УНКВД признавались, что основанием для арестов была национальность жертв:

Вопрос: По национальным признакам справки на арест составлялись? Ответ: Была установка Успенского (наркома внутренних дел УССР. – *А. К.*) о том, чтобы выбить базу у польской и немецкой разве-

---

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 304.

[2] Den främlingsfientliga r relsen i Sovjetunionen. Wilhelm Winther till Hans Excellens Herr Ministern f r Utrikes Ärendena Rickard Sandler. Den 26 maj 1938. Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514. Grupp 1. M l: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

[3] Шитюк М., Ніколаев І. Тоталітарний режим і військовослужбовці та працівники органів. ДПУ–НКВС у 20–50-ті роки XX століття. Миколаїв, 2007. С. 144.

док, поэтому надо арестовывать поляков и немцев независимо от того, достаточно ли на них материалов для арестов. На этом основании при составлении справок на аресты поляков и немцев доминирующую роль играла их национальность[1].

От репрессий пострадала вся община херсонских шведов. Большинство детей потеряло отцов. В двух семьях (Хинас и Нурберг) были арестованы оба родителя. Сын расстрелянных Юхана и Альвины Хинас вспоминает:

> Нас, четверо детей, оставили без отца и матери. Само понятие сирота страшное, но в комбинации с исчезновением родителей оно страшно вдвойне. Мы считались детьми «врагов народа» и в это, в то кошмарное время, когда никто, да – никто, даже родственники, не осмеливался нам помочь. Мы были бесправные существа в бессердечном мире. Очень быстро у нас закончилось все: еда, одежда, тепло – прежде всего, человеческое тепло. Только тетя Кристина Хинас пыталась иногда помочь нам, но в 1939 г. после ареста мужа и она перестала нас посещать[2].

Дидактическая цель террора – создание полностью подконтрольного, лишенного межчеловеческой солидарности сообщества – была достигнута[3]. В результате массовых репрессий когда-то активная шведская община была подавлена и потеряла способность к коллективному сопротивлению.

3.5. Ликвидация национальных институтов шведского села

Репрессии и судьба шведского лютеранского прихода

В 1929 г. старошведская церковь была закрыта. Богослужебные книги, церковный инвентарь и колокола с разрешения советских властей были вывезены в Швецию. Пастор Хуас не возвратился в СССР и остался в Швеции. В 1932 г. опустевшая кирха была перестроена в клуб, церковная башня снесена при помощи трактора. Оставшись без храма, шведы стали посещать немецкую лютеранскую церковь Шлангендорфа. Однако в 1933 г. пастор этой церкви Фридрих Ланг был арестован сотрудниками ГПУ. В окрестностях шведской деревни не осталось ни одного лютеранского священника. К 1937 г. в СССР

---

[1] Цит. по: Ченцов В. В. Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины. С. 132.

[2] H gevik [Hinas] J. Detta är mitt liv. Handskrivet manuskript. Цит. по: Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 310; В годы Второй мировой войны сын репрессированных родителей Юханнес Хинас служил в немецкой армии. В 1945 г. он и его брат Петтер Хинас выехали в Швецию.

[3] Gerner K., Karlsson K.-G. Folkmordens historia: perspektiv p det moderna samhällets skuggsida. Stockholm, 2005. S. 222.

были арестованы практически все лютеранские священники[1]. Найти нового кандидата на место пастора не представлялось возможным. В отсутствие священника роль духовного проповедника взяла на себя Альвина Хинас – шведская крестьянка с начальным образованием. Она организовывала молитвенные собрания, крестила новорожденных, отпевала умерших. В 1935 г. она была арестована милицией за религиозную пропаганду, однако с помощью адвоката оправдана Бериславским народным судом[2]. 5 ноября 1937 г. ее арестовали повторно. Проходила она по делу «шведской контрреволюционной шпионской националистической организации». По версии НКВД, Альвина Хинас вступила в организацию в 1932 г., «сопротивлялась закрытию церкви, имела систематическую связь с пастором Гоасом в Швеции, сообщала ему всякие провокационные сведения о жизни в СССР, голоде и болезнях, которых в действительности не было»[3]. Этих обвинений хватило для смертельного приговора. Альвина Хинас была расстреляна 27 ноября 1937 г. в Херсонской тюрьме НКВД, место ее захоронения неизвестно. Она была единственной из арестованных шведских женщин, приговоренной тройкой к расстрелу. В 1938 г. был арестован и расстрелян ее муж Юхан Хинас, сиротами остались четверо детей. В условиях массовых репрессий о продолжении тайных религиозных обрядов не могло быть и речи. Религиозная жизнь шведской общины замерла вплоть до немецкой оккупации 1941 г.

Ликвидация шведского национального сельсовета

29 ноября 1937 г. в разгар массовых операций НКВД в оргбюро ЦК ВКП(б) поступила докладная записка «О национальных районах и сельсоветах» с предложением по их ликвидации[4]. Реальная причина ликвидации национальных сельсоветов были скрыта за надуманными формулировками вроде «искусственности» таких сельсоветов, их «экономической слабости» и «карликового» характера[5]. В конце января 1938 г. в Киев прибыло назначенное Кремлем новое руководство республики. Первым секретарем КП(б)У стал Н. С. Хрущев, до этого работавший

[1] Luukkanen A. The religious policy of the Stalinist state. A Case study: the central standing commission on religious questions, 1929–1938. Helsinki, 1997. S. 127–177; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999.

[2] Этот же суд приговорил за религиозную пропаганду двух немецких женщин к 10 годам заключения. См.: Utas J. Op. cit. S. 266.

[3] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 4. Д. 359. Л. 20–21.

[4] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2 // составитель Л. С. Гатагова и др. М.: РОССПЭН, 2009. № 118. С. 311–312.

[5] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2 // составитель Л. С. Гатагова и др. М.: РОССПЭН, 2009. № 118. С. 371.

первым секретарем Московского горкома и обкома ВКП(б), русский по национальности. Вместе с ним из Москвы прибыл второй секретарь компартии Украины М. А. Бурмистенко, до этого заместитель заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), также русский. Председателем СНК республики стал мало известный в Киеве украинский коммунист Д. С. Коротченко, долгое время работавший в Москве. 25 января 1938 г. НКВД республики возглавил А. И. Успенский, русский по национальности, бывший начальник УНКВД по Оренбургской области[1]. Именно эта команда стала исполнителем решения по ликвидации национальных институтов в республике.

16 февраля 1938 г. новый состав Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрел постановление «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». Принятие документа обосновывалось решением Политбюро ЦК ВКП(б) и повторяло основные тезисы руководства страны. Решение о ликвидации национальных сельсоветов маскировалось нейтральным «реорганизация». Главной причиной ликвидации национальных районов объявлялась рутинная административная ошибка: якобы существование различных национальных районов и сельсоветов «не оправдывалась национальным составом их населения»[2]. Но это утверждение не соответствовало действительности. В Николаевской области, куда с 1937 г. входил шведский национальный совет, ситуация была прямо противоположной. В Карло-Либкнехтовском немецком национальном районе немцы составляли 91 % населения[3], в пограничном с шведским сельсоветом Калининдорфском еврейском национальном районе евреи составляли 82 % населения[4]. При этом была сохранена входившая в состав Украины Молдавская АССР, хотя доля молдаван в автономии составляла всего 30 %[5]. Для жителей национальных районов был очевиден надуманный и репрессивный характер «реорганизации».

7 апреля 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У на основании решения ЦК ВКП(б) от 16 февраля 1939 г. утвердило «ликвидацию и

---

[1] Kostiuk H. Stalinist rule in the Ukraine. A study of the decade of mass terror (1929–39). New York, 1960. P. 133–134.

[2] Украинский текст проекта постановления см. в кн.: Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів / кер. кол., упоряд. Л. В. Яковлева. Київ, 1994. № 99. Русская редакция постановления опубликована в: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 2009. № 138. С. 377.

[3] Безносов А. Карл-Либкнехтовский немецкий национальный район // Немцы Украины. Материалы к энциклопедии. М., 2002. С. 94–95.

[4] Пасик Я. Калининдорфский еврейский национальный район. URL: www.evkol.nm.ru/kalinindorf.htm

[5] Галущенко О. С. Население Молдавской АССР (1924–1940 гг.). Кишинев, 2001. С. 10, 27.

реорганизацию искусственно созданных национальных районов и сельсоветов»[1]. Утверждение об «искусственности» национальных сельсоветов было еще большей ложью, так как подобные сельсоветы создавались исключительно в местах компактного расселения этнических меньшинств. Ликвидация должна была сопровождаться перекройкой административных границ так, «чтобы в составе их населения немцы, поляки, болгары и другие национальные группы образовывали национальное меньшинство». Таким образом, преамбула и положения документа противоречили друг другу, а власть косвенно признавала, что заявление об «искусственном характере» национальных районов является ложью. Несмотря на противоречия, власть признала «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов», предполагалось «ликвидировать национальные районы и сельсоветы путем их реорганизации в обычные районы и сельсоветы»[2]. Ликвидации подлежали более 1000 национальных сельсоветов, составлявших 10 % от всех сельсоветов Украины. Речь шла о кардинальной смене политики – от поддержки к дискриминации национальных меньшинств[3].

Местные власти начали компанию по ликвидации национальных образований в феврале 1938 г., не дожидаясь окончательного решения руководства УССР[4]. В Советском Союзе шведский сельсовет был единственным административным образованием подобного рода. Учитывая любовь советского аппарата к положительной статистике, сельсовет играл важную роль в демонстрации успехов ленинской национальной политики[5]. Руководство УССР с гордостью рапортовало о полном решении национального вопроса в республике, в частности, о том, что 100 % шведского населения «охвачено национальными советами»[6]. Национальная автономия шведского меньшинства противопоставлялась дискриминации меньшинств в Финляндии[7]. Од-

---

1 Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів. Київ, 1994. № 101.

2 Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. Збірник документів. Київ, 1994. № 99, 101.

3 Ukraine. The economical, cultural and social constructive work. P. 74.

4 Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. № 98.

5 Шведский национальный сельсовет и шведская школа упоминаются в рассчитаной на зарубежного читателя книге об успехах социалистического строительства в Украине: Ukraine. The economical, cultural and social constructive work. P. 74–75. Экземпляр Королевской библиотеки Швеции.

6 Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1927. С. 21.

7 Глинский А. Б. Национальные меньшинства на Украине. С. 5. По всей видимости, имелась в виду политика «финнизации» финляндского общества 1920–1930-х гг., ударившая по интересам шведскоязычного меньшинства. См.: Forsg rd N. E. En nationell strategi // Historisk tidskrift. 2002. № 2. S. 209–219.

нако сформулированные ранее самой власть аргументы в 1938 г. не помогли, шведский национальный сельсовет был «реорганизован» в обычный сельсовет. На практике это означало очередные изменения в привычном укладе жизни жителей села. Во-первых, граждане шведской национальности теряли приоритетное право на занятие должностей в местной администрации. В связи с реорганизацией был снят с должности председатель сельсовета Петтер К. Утас. (В 1942 г. он был казнен нацистами за активное сотрудничество с советской властью[1].) Во-вторых, шведский язык, на котором проходили общие собрания сельсовета, заменялся русским или украинским языком. В-третьих, теряло свою легитимность шведское название села. В-четвертых, ликвидация национального сельсовета означала запрет на использование родного языка в делопроизводстве и культурной жизни[2].

Закрытие шведской школы

Основанная в 1782 г. шведская школа являлась старейшим учебным заведением южной Украины. Первый учитель этой школы Матс Магнуссон (родился в 1756 г. на острове Даго) проработал здесь до 1839 г.[3] После его смерти шведские колонисты пытались найти нового учителя. В газетах Финляндии и Эстонии были даны объявления с предложением учительской ставки[4]. Посетивший в 1862 г. шведскую колонию этнограф Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский отмечал, что вопрос школьного образования на родном языке волновал поселенцев[5]. С середины 1860-х гг. старошведская школа функционировала без перерывов. От царских времен школе достались капитальное кирпичное здание и библиотека шведской литературы, которая пополнялась и в советское время[6]. Так как никто из шведских учителей не вернулся из эмиграции, учителями стали шведские коммунисты и новые кадры, среди них последний директор шведской школы комсомолец Сигфрид Утас. Таким образом, шведская школа выгодно отличалась от многих школ Украины. Она была укомплектована учебной литературой и обеспечена зданием. Наконец, в ней ра-

---

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 319.

[2] В 1923–1938 гг. шведский язык практически не использовался сельсоветом. Одной из преград было отсутствие печатной машинки с латинским шрифтом. Однако само право на использование родного языка гарантировало возможность его употребления в будущем.

[3] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 65.

[4] Wawrzeniuk P. En resande i svenskhet. Herman Vendell i Gammalsvenskby 1881 // Personhistorisk tidskrift. 2009. № 2. S. 149–164.

[5] Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в южную Россию. Очерки Днепра // Собрание сочинений. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1861. С. 251–255.

[6] Чирко Б. В. Національні меншини в Україні. С. 110–111.

ботали советские учителя, а не «старорежимные» педагоги. Отметим, что ни один из учителей школы не был арестован в ходе массовых репрессий 1937–1938 гг. Казалось, что на фоне подозрительных немецких школ шведская школа сможет продолжить свою работу[1]. Однако этого не произошло. Более того, именно шведская школа стала мишенью государственной кампании по ликвидации национальных школ.

В марте 1938 г. Наркомат образования УССР подготовил для новых секретарей ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева и М. А. Бурмистенко справку «О национальных школах Украины». В этом полном фальсификаций документе единственная на Украине шведская школа упоминается четыре раза:

> На Украине имеется 21 656 школ, в которых обучается 5 143 789 учащихся. Преподавание в школах ведется на 21 языках. Так, например, с украинским языком преподавания имеется 18 101 школа, русским – 1550 школ, еврейским – 312, молдавским – 163, узбекским — 19, белорусским – 9, болгарским – 54, польским – 50, немецким – 512, чешским – 14, греко-эллинским – 12, греко-татарским – 8, татарским – 5, армянским – 4, туркменским – 2, киргизским – 1, шведским – 1, казахским – 1.
>
> Во многих случаях под видом национальных школ враги народа – троцкисты, бухаринцы и буржуазные националисты, орудовавшие в Наркомпросе Украины, – искусственно насаждали особые немецкие, польские, шведские, болгарские и др. школы, превращая их в очаги для проведения контрреволюционной работы и буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. На Украине создано 1530 особых национальных – немецких, польских, чешских, шведских, болгарских и др. школ, которые наиболее оказались засорены врагами <...> Большинство школ с польским, немецким, болгарским и др. языками преподавания не имеют достаточных контингентов детей <...> Главной причиной такого положения является то, что многие национальные школы насаждались искусственно, дети, учащиеся в них, совершенно не знали языка, на котором ведется преподавание <...> Обнаружено много случаев принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы <...> Национальные школы не обеспечены учителями, учебниками, программами и наглядными пособиями, в результате чего дети этих школ не приобретают достаточных знаний основ науки и не вполне подготовляются для поступления в средние и высшие учебные заведения. Количество классов и детей в национальных польских, чешских, шведских и др. школах с каждым годом уменьшается, потому что в ряде школ фактически не было набора в первые классы, а из старших классов дети переходят в русские и украинские школы

[1] Например, в 1936 г. по решению ЦК КП(б)У был организован просмотр содержания учебников на немецком языке и «чистка» преподавательского состава немецких школ: Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. № 93.

<...> В связи с этим прошу вопрос о реорганизации особых национальных школ рассмотреть на ближайшем заседании ЦК КП(б)У[1].

В результате на заседании Политбюро ЦК КП(б)У 10 апреля 1938 г. было принято постановление «О реорганизации национальных школ в Украине». Агрессивная формулировка не оставляла места для компромисса:

Проверкой установлено, что враги народа – троцкисты, бухаринцы и буржуазные националисты, которые орудовали в Наркомате просвещения УССР, – насаждали особые национальные немецкие, польские, чешские, шведские, греческие и другие школы, превращая их в очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей. Практика насаждения национальных школ принесла огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, не давала им возможности приобщаться к советской культуре и науке, получать дальнейшее образование в техникумах, высших учебных заведениях. Исходя из решения Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков Политическое бюро ЦК компартии Украины признает нецелесообразным и вредным существование особых национальных школ[2].

Постановление Политбюро украинской компартии не являлось самостоятельным документом, в нем повторялись тезисы постановлений Политбюро ВКП(б) от 17 декабря 1937 г. и от 24 января 1938 г.[3] Единственная редакция касалась специфики республики. В украинском документе говорится, что «враги народа насаждали особые немецкие и шведские национальные школы». В союзном постановлении утверждалось, что «враждебные элементы насаждали особые национальные школы финские, эстонские»[4]. На это раз Кремль разработал радикальную реформу школьного образования без обсуждения с руководством УССР. Политбюро ЦК ВКП(б) признало «вредным существование особых национальных школ» и поручило членам ЦК А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Н. А. Булганину и П. А. Тюркину «выработать на основе этого соответствующие указания ЦК нацкомпартий, совнаркомам и наркомпросам республик». ЦК УССР было обя-

---

[1] Хрестоматія з історії України для студентів вузів / укл. Б. І. Білик, Л. В. Дячук. К., 1993. № 73.

[2] Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. № 100.

[3] Постановление Политбюро ВКП(б) от 17 декабря 1937 г. «О национальных школах»// ЦК ВКП(б) и национальный вопрос (2009). С. 311; Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 2009. № 132. С. 342–343.

[4] В РСФСР было закрыто 237 финских школ, в которых обучалось около 15 тысяч учеников, см.: ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. 2009. № 132. С. 311.

зано до 15 июня 1938 г. «сообщить ЦК ВКП(б) о ходе выполнения»[1]. Согласно этому постановлению, шведская школа реорганизовывалась в «советскую школу обычного типа». В сельской местности национальные школы переводились на украинский язык обучения[2]. Это означало открытие в стенах шведской школы украинской школы. Первый секретарь Николаевского обкома партии был обязан до 1 мая 1938 г. представить на утверждение ЦК КП(б)У план реорганизации школы. Ликвидация школьного учреждения ставилась «под особый контроль» и должна была завершиться в рекордно короткие сроки, к 1 сентября 1938 г.[3] Акт закрытия национальной школы составляла специальная комиссия, главной целью которой была подготовка заключения о «полнейшем развале школьной работы»[4].

Всего в 1938 г. на Украине было закрыто 888 национальных школ, в которых на родном языке обучались более 100 тысяч детей[5]. Исключением стали русские школы республики и молдавские школы на территории Молдавской АССР. Сохранение русских школ подтверждало новый курс руководства страны на поддержку русскоязычного населения. Молдавские школы избежали полной ликвидации, так как принадлежали «титульной нации», проживающей на территории собственной автономии. Данный принцип действовал и на территории РСФСР. Так, не были закрыты немецкие школы в автономной республике немцев Поволжья.

Выступая в июне 1938 г. на XIV съезде украинской компартии, первый секретарь ЦК Никита Хрущев обосновал ликвидацию национальных школ следующим образом:

> Агенты западных разведок вместе с украинскими националистами насаждали в Украине так называемые национальные школы. В большинстве случаев под видом национальных польских, немецких, шведских и других школ враги создавали гнездо для проведения контрреволюционной работы[6].

---

[1] Постановление Политбюро ВКП(б) от 17 декабря 1937 г. «О национальных школах» // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 2009. № 132. С. 311.

[2] Ковальчук В., Корзун Ю. Національні меншини на Заславщині у 20–30-ті роки роки XX століття // Метафора спільного дому: Заславщина багатьох культур. Ізяслав; Острог, 2006. URL: www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Local/Zaslav/Empires/MinorNations.html

[3] Німці в Україні 20–30-ти рр. XX ст. № 100.

[4] Ковальчук В., Корзун Ю. Національні меншини на Заславщині.

[5] Чирко Б. В. Шкідництво різних націй (національні меншини на Україні в 1920–1930-х рр. за документами ЦДАГО України) // Архіви України. 1992. № 3–4. С. 39–40.

[6] Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). К., 2001. С. 47.

Почему единственная шведская школа была отмечена в выступлении Хрущева наравне с многочисленными польскими и немецкими в то время, как 392 еврейских, 74 болгарских и 20 греческих школ прошли под рубрикой «другие»? На мой взгляд, выбор Хрущева зависел от нацеленности проводимых в СССР этнических чисток. Польская и немецкая диаспоры были главными мишенями национальных операций НКВД. В глазах советского обывателя Швеция, в отличие от Болгарии или Греции, была западной страной. Вероятно также, что к тому времени Хрущев уже получил доклад госбезопасности в ЦК КП(б)У о разгроме шведской шпионской организации[1]. По логике первого секретаря местом подготовки ее членов могла быть только шведская школа. Многочисленность несуществующих «шведских шпионов» усиливало шпиономанию, убеждая население о существовании в республике целой сети шведских школ. Таким образом, произошла радикальная смена политического словаря. То, что еще недавно было «результатом ленинской национальной политики», стало называться «подрывной работой узкого круга националистов»[2].

Ликвидация национальных школ привела к массовому изъятию из школьных библиотек литературы на языках многих национальных меньшинств. В 1938 г. было ликвидировано как «засоренное антисоветскими элементами» издательство «Укрдержнацменвидав»[3]. Большинство сотрудников издательства стали жертвами репрессий[4]. В украинской прессе прекратились упоминания об этнических меньшинствах республики (за исключением молдаван)[5]. Одновременно с закрытием национальных школ в УССР во всех школах было введено обязательное изучение русского языка. Старт кампании дал лично Сталин. 5 сентября 1937 г. в своей телеграмме в ЦК КП(б)У он потребовал отчитаться, преподается ли в национальных школах республики русский язык[6]. Выступая 12 октября 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б), Сталин вновь уделил внимание ситуации на Украине,

---

1 Нікольський В. М. Національні аспекти політичних репресій 1937 року в Україні // Український історичний журнал. 2001. № 2. С. 74–89.

2 Якубова Л. Д. Мовна проблема та її вплив на етнокультурне життя українських греків (середина 20-х – 30-і рр. XX ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 4. С. 85–86.

3 Постановление СНК УССР от 15 декабря 1938 г. «Про передачу видавництва Укрдержнацменвидав у відання Держполітвидаву».

4 Шаповал Ю. І. Україна XX століття: Особи та події в контексті важкої історії. К., 2001. С. 171.

5 Якубова Л. Д. Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренізація і денаціоналізація // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 51–52.

6 Єфіменко Г. Г. Зміни в національній політиці ЦК ВКП(б) в Україні (1932–1938) // Український історичний журнал. 2000. № 4. С. 43.

подчеркнув что изучение русского языка украинской молодежью напрямую связано с боеспособностью РККА: «...иначе у нас не будет армии»[1]. 17 декабря 1937 г. Политбюро ВКП(б) признало «вредительством со стороны буржуазных националистов отсутствие на Украине газет на русском языке». В срочном порядке в УССР (в том числе и в Николаевской области) был организован выпуск областных газет на русском языке[2]. 7 марта 1938 г. Хрущев выехал из Киева в Москву для участия в заседании комиссии ЦК ВКП(б) по вопросу о преподавании русского языка в национальных школах[3]. 13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»[4]. 20 апреля 1938 г. Политбюро КП(б)У продублировало решение Центра[5].

Смена курса советской национальной политики на Украине не осталась незамеченной в Швеции. 12 июля 1938 г. пресс-атташе шведского посольства в Москве Нильс Линд оправил министру иностранных дел Швеции Рикарду Сандлеру записку «Языковой вопрос в Советском союзе и его политическое значение». Дипломат, в частности, писал, что решение об обязательном школьном изучении русского языка в нерусских школах, «без всяких сомнений, принято в Москве и касается прежде всего Украины». Он отметил связь проводимой школьной реформы с массовым террором: «...прямая связь с проходящими политическими чистками в Украине очевидна, как и усиление контроля Москвы над республикой, в котором язык используется как политическое оружие». Об этом, по мнению пресс-атташе, свидетельствует «речь нового лидера, назначенного партийным руководством Москвы железной рукой править в Украине»[6]. Линд процитировал слова из выступления Хру-

[1] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 2009. № 112. С. 298–299.

[2] Там же.

[3] Там же. № 115. С. 307.

[4] Там же. № 146. С. 391–392. Руководство страны не смущали серьезные финансовые расходы, связанные с подготовкой учителей русского языка и изданием учебной литературы. См.: Blitstein P. A. Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938–1953 // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / ed. R. Suny, T. Martin. Oxford; New York, 2001. P. 257. Русский перевод этой работы: Блитстейн П. Э. Национальное строительство или русификация. Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / ред. Р. Суни, Т. Мартин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–335.

[5] Постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У от 20 апреля 1938 г. «Про обов'язково вивчення російськой мови в неросійских школах України». См.: Якубова Л. Д. Мовна проблема та її вплив на етнокультурне життя українських греків. С. 86.

[6] Имеется в виду выступление Н. С. Хрущева на XIV съезде украинской компартии, опубликованное в газете «Правда» 16 июня 1938 г.

щева в Киеве: «...враги сделали так, что во многих украинских школах обучение идет на немецком, польском и других языках, но не на русском <...> теперь, однако, все должны учить русский, чтобы бороться под знаменем Ленина–Сталина за полную победу коммунизма»[1]. Находясь в изоляции, сотрудники шведского посольства в Москве смогли на основании публикаций советской прессы оценить истинные причины ликвидации национальных школ. Однако информация о ситуации в шведской колонии осталась для дипломатов недоступной.

Перевод обучения на неродной язык сопровождался травлей учителей, психологическим стрессом для учеников. Шведка Анна Сигалет (1931 г. р.) в 1938 г. пошла в первый класс в новую украинскую школу. Анна вспоминает, что обучение на плохо знакомом языке было для нее чрезвычайно трудным. Более того, во втором классе к украинскому языку добавилось изучение русского языка. Несмотря на то что большинство детей села были шведами, родной язык не преподавался. Это было, по мнению Анны, особенно обидно, так как все ее старшие подруги умели читать и писать по-шведски. Впоследствии мама научила Анну читать по-шведски, однако ее письменный шведский язык оставлял желать лучшего. Это до сих пор является личной проблемой Анны, так как вся ее переписка с родственниками в Швеции ведется на шведском языке[2]. Описанная Анной Сигалет картина была типичной для СССР. Поэт Ройне Тухканен, в 1938 г. ученик финской школы в д. Соболево Ленинградской области вспоминает:

> Когда мы вернулись с зимних каникул, мы с изумлением увидели, что школа перешла на русский язык, прежние учителя исчезли (их арестовали), их место заняли неизвестные русские. Мы как следует не владели русским языком, и это создавало сложности при обучении. Кроме того, в школе запрещалось пользоваться финским языком даже на переменах[3].

Запрет школьного образования на родном языке деформировал нормальное психологическое развитие детей, открывая дорогу для ассимиляции. В 1938 г. на Украине была насильственно прервана многовековая традиция шведской школы – основного инструмента сохранения и передачи идентичности херсонских шведов. Преподавание на двух близких языках (украинском и русском) стало одной из

---

[1] Spr kfr gan i Sovjetunionen och dess politiska bakgrund. Nils Lindh till Hans Excellens Herr Ministern f r Utrikes Ärendena Rickard Sandler. Den 12 juli 1938 // Riksarkivet. Kungl. Utrikesdepartementet. Avdelning HP 514. Grupp 1. M l: Er. Politisk allmänt Ryssland. Vol. LXII. 1938.

[2] Интервью с Анной Сигалет (в замужестве Лютко, 1931 г. р.). Змиевка, Бериславский район Херсонской области. Ноябрь 2004 г. Запись хранится в архиве автора.

[3] Мусаев В. Северо-Запад России в национальной политике (1917–1930) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 130.

причин того, что основным средством общения шведского населения деревни на сегодня является «суржик»[1]. Национальная школа давала возможность детям старошведов овладеть литературным шведским языком в его устной и письменной формах, обеспечивая полнокровную передачу национальной культуры. Архаический шведский диалект жителей села мало подходил для этой задачи[2]. В конце 1980-х гг. в результате возобновления контактов со Швецией среди молодого поколения украинских шведов возник интерес к изучению языка. Однако разговорный язык старшего поколения не приносил практической пользы, так как носители современного шведского языка плохо понимают этот диалект[3].

3.6. Заключительные замечания

Терри Мартин обратил внимание на связь Большого террора с ликвидацией в СССР системы национальных сельсоветов и национальных школ и расширением применения русского языка в сфере образования[4]. Административная реформа и ликвидация национальных школ осуществлялись одновременно с репрессиями в отношении национальной деревни. Подобное совпадение не случайно. Используя террор как метод управления, советская власть достигала, таким образом, максимального эффекта. Массовые аресты и исчезновение людей определенной национальности обеспечивало отсутствие каких-либо протестов со стороны населения и сельской администрации национальных районов. В ходе Большого террора были уничтожены творцы национальной политики в УССР, в том числе непосредственно работавшие со шведами – Я. Саулевич, И. Гафтель и И. Ф. Слинько[5]. С точки зрения власти ликвидация

---

[1] Интервью с двумя старейшими по возрасту респондентами – Матильдой Нурберг (1918 г. р.) и Анной Портье (1923 г. р.) – я вел на стандартном шведском языке, которым обе женщины владели в полном объеме. Большинство пожилого шведского населения с. Змиевка стандартным шведским языком не владеют. В свою очередь, я не владею старошведским диалектом. Поэтому мое общение проходило в основном на двух языках: русском (вопросы) и «суржике» (ответы). Причиной такой лингвистической разницы между людьми одного поколения является, на мой взгляд, отсутствие начального образования на шведском языке у респондентов, родившихся после 1930 г.

[2] Стандартный шведский язык (*rikssvenska*) серьезно отличается от ряда современных шведских диалектов, таких, например, как *pitem l, götam l, jämtska, sk nska*. Поэтому носителю шведского языка в его диалектной форме важно овладение стандартным шведским языком не только в письменной, но и в устной форме.

[3] Интервью с Лилей Мальмас (1974 г. р.). С. Змиевка, Бериславский район Херсонской области. Ноябрь 2004 г. Запись хранится в архиве автора.

[4] Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union. P. 422–429.

[5] Жертвами террора стали Михаил Иванович Лобанов (русский большевик, первый глава ЦКНМ); Савва Георгиев Яли (заместитель главы от греческого населения); Ян Саулевич (заместитель главы от польского населения); Иосиф Гафтель (замести-

национальных сельсоветов и школ придавала национальным операциям НКВД смысл. Правительство сделало выводы из истории с коллективизацией, когда на юге Украины прошли акции протеста немецких и шведских колонистов, поддержанные за рубежом. Поэтому массовые репрессии и ликвидация национальных институтов проходили в обстановке полной изоляции жителей национальной деревни от внешнего мира. Наконец, государство посылало отчетливый сигнал молодому поколению советских шведов. В период украинского национал-коммунизма и Коминтерновского проекта владение литературным шведским языком, «языком шведской компартии», расценивалось как большое достижение. Теперь владение шведским языком стало восприниматься с большим подозрением. Руководитель кружка Осовиахим Юханнес Кнутас вспоминает: «...на призывной комиссии мне сказали, что я буду отправлен на Балтийский флот, но затем военный комиссар спросил меня, сколько языков я знаю. Три – ответил я <...> Нет, ты нам не подходишь»[1].

Квалификация сталинских массовых репрессий как геноцида является задачей юристов. С точки зрения историка, репрессии 1937–1938 гг. в шведской деревне подпадают под определение второй статьи «Конвенции о предупреждении и наказании преступления геноцида», утвержденной ООН 9 декабря 1948 г., где содержится, в частности, следующее определение геноцида:

> В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:
>
> a) убийство членов такой группы;
>
> b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
>
> c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
>
> d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы.

Наиболее сложной дефиницией геноцида является доказательство существования «намерения» (*intent*) уничтожить какую-либо

тель главы от немецкого и шведского населения); Серафим Иванович Мицев (заместитель главы от болгарского населения); А. А. Левин (заместитель главы от еврейского населения); Давид Моисеевич Мац (осужден в 1938 г. на 8 лет лагерей); профессор Евгений Антонович Рихлик, организатор работы среди украинских чехов, заведующий кабинетом изучения национальных меньшинств Всеукраинской академии наук. В ходе Большого террора был уничтожен весь руководящий состав ЦКНМ УССР (с 1934 г. «відділ національних меньшин»).

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 291.

национальную группу полностью или частично. В случаях преступлений против человечества юристы оперируют понятиями *dolus generalis* и *dolus specialis*. Доказать «намерение» означает провести сравнительный анализ этих двух терминов. Это, например, значит, что геноцид не имел места, если умышленное убийство членов группы (*dolus generalis*) не предполагало конкретную цель (*dolus specialis*) уничтожения этнической группы как таковой. Ограниченный доступ специалистов к архивным документам сталинского времени не позволяет сегодня дать ответ на этот вопрос.

В нашем случае государственный террор был направлен против членов гомогенной этнической группы – шведской общины на Украине. Осуществленные органами НКВД массовые убийства невинных людей, вне всякого сомнения, привели к частичному уничтожению шведской этнической группы как таковой и искусственному падению рождаемости. Системный характер государственного насилия, причинение жертвам серьезных телесных повреждений, высокий уровень организации репрессий, сокрытие следов преступления – все это подтверждает тезис о геноцидной сущности Большого террора в шведской деревне. Последовавшая вслед за репрессиями умышленная ликвидация национальных институтов шведской общины и депортация 1945 г., безусловно, поставили под сомнение дальнейшее существование этой этнической группы.

Ликвидация административно-культурной автономии советских шведов стала проявлением радикальной смены национальной политики. Когда-то лозунги интернационализма и самоопределения помогли большевикам привлечь на свою сторону национальные меньшинства. Этнические чистки и разгром национальных институтов произошли в стране, где принципы равноправия и прав национальных меньшинств были закреплены законом и внедрялись в сознание населения. Осуществить такой шаг без превентивного террора было невозможно. Председатель правительства СССР и один из организаторов Большого террора Вячеслав Молотов оправдывал репрессии следующим образом: «1937 был необходим <...> мы обязаны 1937 тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»[1]. На мой взгляд, все произошло с точностью до наоборот. Неоправданный по своим масштабам и жестокости государственный террор подорвал лояльность представителей национальных диаспор к советскому государству, создав из них накануне Второй мировой войны «пятую колонну». События в шведской колонии в годы немецкой оккупации подтверждают этот вывод.

---

[1] Цит. по: Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 161.

ГЛАВА 4. НОРМАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ДЕПОРТАЦИЮ. ШВЕДСКИЕ КОЛОНИСТЫ В КОМИ–ГУЛАГЕ

Когда мы приехали, было 52 градуса мороза. Мы все были легко одеты. У детей не было зимней одежды. Я сразу поняла, что мои дети должны здесь умереть. Это было ужасно, что они сделали с нами.

Эмма Мальмас

4.1. *Altschwedendorf* под властью Гитлера

Реализация сталинского проекта нормализации шведского меньшинства была прервана войной. Немецкая оккупация Украины сделала шведов жертвами очередного, на этот раз нацистского эксперимента[1]. Политика гитлеровской Германии в шведской колонии выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее краткий анализ произошедших событий необходим для более глубокого понимания характера послевоенной депортации старошведов в Коми АССР.

В середине августа 1941 г. части немецкого Вермахта заняли Старошведское. Шведская деревня вновь поменяла официальное название и как колония *Altschwedendorf* вошла в состав генерального округа Николаев, Рейхскомиссариата Украина. Национальная политика гитлеровского режима исходила из расистских представлений. Украину ожидала радикальная перестройка этнополитического и административного устройства. Зачистка культурно-исторического ландшафта оккупированной территории заключалась в переименовании названий улиц и колхозов, разрушении советских памятников, осквернении еврейских кладбищ и синагог. Одновременно стартовала программы по популяризации образа фюрера и защите памятников немецкой культуры (лютеранских храмов, могил солдат и т. п.). Плакаты с портретом Гитлера были розданы шведам при вручении им как представителям «нордической расы» удостоверений фольксдойче в ноябре 1941 г.[2]

---

[1] Gaunt D. Swedes of Ukraine as 'Volksdeutsche'. The experience of World War II // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2007. С. 239–250.

[2] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 7. Д. 804 по обвинению Марии Утас (1893 г. р.). 1945 г.; Ф. Р-4033. Оп. 7. Д. 585/730 по обвинению Варвары [Барбары] Нурберг и 5 ее дочерей. 1945 г.

Существует прямая связь между нацистской концепцией фольксдойче и Холокостом. «Новый порядок» означал создание жизненного пространства для этнических немцев, пространства, «свободного от евреев»[1]. Во время оккупации на Украине полным ходом создавались отдельные изолированные территории для немцев и евреев[2]. Загнанные в гетто евреи уничтожались. Немецкие колонисты переходили под защиту СС и должны были стать базой будущего «немецкого дома на Востоке»[3]. Все фольксдойче Украины заносились в специальный регистр «Volkliste Ukraine»[*]. Браки между немецкими колонистами и славянами запрещались[4]. Призыв фольксдойче в Вермахт на Украине не осуществлялся. Тем не менее большое количество молодых шведов поступило на службу в немецкую жандармерию, администрацию и тыловые части. Например, Андреас Кнутас служил в охране Эвальда Опперманна (Ewald Oppermann) – шефа генерального округа Николаев. В это же время его брат Густав П. Кнутас стал жандармом в родной деревне[5].

В отличие от основного массива украинской территории область немецких колоний должна была быть безотлагательно зачищена в расовом и идеологическом отношении. Последнее означало немедленное уничтожение в районах немецких поселений еврейского и цыганского населения, а также советского актива. В сентябре 1941 г. айнзатцкоманды (*Einsatzkommando*)[**] 10а и 11а под руководством двух немецких интеллектуалов Пауля Цаппа и Генриха Зеетцена развязали геноцид еврейского населения в окрестностях шведской

---

[1] Bergen D. L. The Nazi Concept of 'Volksdeutsche' and the Exacerbation of Anti-Semitism in Eastern Europe, 1939–45 // Journal of Contemporary History. 1996. Vol. 29. № 4. P. 569–582.

[2] В 1939 г. в УССР (без Западной Украины) проживало 1 532 776 граждан еврейской национальности и 392 458 этнических немцев // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп weekly. URL: http://demoscope.ru

[3] Lower W. A New Ordering of Space and Time: Nazi Colonial Dreams in Zhytomyr, Ukraine, 1941–1944 // German Studies Review. 2002. Vol. 25. № 2. P. 227–254.

[*] Реестр лиц, зарегистрированных как фольксдойче (лица немецкого происхождения, принадлежность к фольксдойче (германскость) которых устанавливалась по отдельным признакам – по «семейной истории» (были ли родители немцами), по немецкому языку как родному, по имени, по церковным записям и т. п.). (*Прим. ред.*)

[4] Berkhoff K. C. Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule. Cambridge; Mass., 2004. P. 210–212.

[5] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 354–355.

[**] Айнзатцкоманды – Айнзатцгруппы полиции безопасности и СД. Оперативные (карательные) группы специального назначения, созданные и используемые в целях массовых казней гражданских лиц на захваченных Третьим рейхом территориях. (*Прим. ред.)*

колонии[1]. За три месяца палачами были уничтожены тысячи мирных жителей в Бериславе, Каховке, Калининдорфе, Ново-Бериславе и Львово[2]. Нацисты расстреляли единственную в Старошведском еврейскую семью сапожника Янкеля[3]. В конце 1941 г. немцы арестовали бывшего председателя сельсовета Петтера К. Утаса, бывшего председателя колхоза Юлиуса Аннаса и бригадира Дмитрия Краковского. Коллективный донос на них подписало около 30 представителей шведской молодежи – в основном детей исчезнувших в 1937–1938 гг. родителей. Советские активисты были обвинены в сотрудничестве с НКВД и расстреляны в поле за селом. Фашисты запретили хоронить умерших, и их трупы целую неделю лежали у дороги[4]. В отличие от чекистов нацисты не стремились скрывать свои злодеяния. Публичная казнь односельчан и открытое массовое истребление еврейского населения вызвала естественное отторжение фашистского режима. Эмиль Нурберг вспоминает:

> Моя мама увидела, что на пряжках, вошедших в село немецких солдат, выгравировано «Gott mit uns» [Бог с нами]. Тогда она сказала мне, что немцы, должно быть, хороший народ, так как они верят в Бога. Кто знал, что они окажутся такими дьяволами[5].

Для защиты от партизан и мародеров в Старошведском был создан отряд самообороны. Достигшие 18 лет колонисты призывались на месячные курсы военной подготовки. В Николаеве была открыта школа сержантского состава отрядов самообороны фольксдойче. На 1942 г. в отряде самообороны шведской колонии числилось 45 человек. На вооружении отряда находились винтовки системы Маузер. Униформы не было, за исключением повязок со свастикой[6]. Члены отряда стали соучастниками геноцида еврейского народа. Когда Ма-

---

[1] Пауль Цапп (Paul Zapp) (1904 – после 1970) – философ. Идеолог «Deutsche Glaubensbewegung» – неоязыческого культа, получившего поддержку нацизма и призванного заменить традиционное христианство. После войны скрывался под чужим именем в ФРГ. Арестован, осужден в 1970 г. к пожизненному заключению; Генрих Зеетцен (Heinrich Seetzen) (1906–1945) – адвокат по образованию. С 1940 г. – шеф СД Гамбурга. В 1945 г. был арестован Британской военной полицией, покончил жизнь самоубийством.

[2] Сборник документов и материалов уничтожения нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. / сост. А. Круглов. Киев, 2002. С. 63–76, 211–212; Елисаветский, Стер. Холокост на юге Украины // Голокост і сучасність. № 1(7). 2003. С. 8–9; Гейко С. Трагедія євреїв Бериславщини // Свобода слова. 30.09.2005.

[3] Gaunt. Swedes of Ukraine as «Volksdeutsche». P. 246.

[4] Ibidem; Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 345–349.

[5] Jakobsson R. Gammalsvenskby // Land. 1999. № 47. S. 30–31.

[6] Gaunt. Op. cit. P. 247.

рия Хинас укрыла Мириам, дочь расстрелянных соседей-евреев, члены отряда самообороны нашли и арестовали девочку. Она была передана отряду СС в Шлангендорфе и расстреляна. За укрывательство евреев Мария Хинас была приговорена к длительному заключению[1].

Согласно планам Берлина, Швеция должна была стать частью немецкой новой Европы. После оккупации в 1940 г. Дании и Норвегии гитлеровское руководство направило в Швецию значительные человеческие и материальные ресурсы, чтобы способствовать формированию выгодного для Германии общественного мнения. Одним из методов работы было установление личных контактов с журналистами и организация показательных поездок[2]. Поселение шведов у Черного моря имело особое значение для немецкой пропаганды. Ученые Рейха интерпретировали в выгодном для немцев ключе историю крымских готов и викингов[3]. Один из главных идеологов нацистской политики на оккупированных территориях СССР Георг Лейббрандт подчеркивал, что, учитывая древнее прошлое и настоящее немецкого присутствия на Украине, речь должна идти о восстановлении на этой территории немецкого господства[4].

Первоначальный проект нацистов предполагал поддержку шведской идентичности колонистов. Шведское поселение на Украине должна было стать образцом «нового порядка», микромоделью будущей нацистской Скандинавии. Осенью 1941 г. шведскую колонию с дружественным визитом посетили скандинавские добровольцы – солдаты дивизии СС «Wiking»[5]. В сентябре 1941 г. в недрах нацистской власти родилась идея пропагандисткой поездки скандинавских

---

[1] Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 335.

[2] Thulstrup Å. Med lock och pock: tyska f rs k att p verka svensk opinion 1933–45. Stockholm, 1962. S. 173–181.

[3] Schmaltz E. J., Sinner S. D. The Nazi Ethnographic Research of Georg Leibbrandt and Karl Stumpp in Ukraine and its North American Legacy // Holocaust and Genocide Studies. 2000. Vol. 14. № 1. P. 28–64; Schafft G. E. From Racism to Genocide: Anthropology in the Third Reich. Urbana: University of Illinois Press, 2004. P. 122.

[4] Георг Лейббрандт (Georg Leibbrandt) (1899–1982) – родился в Херсонской губернии в семье немецких колонистов. Учился в российских университетах Одессы и Дерпта (Тарту). В 1927 г. защитил докторскую диссертацию по политологии в университете Лейпцига. Изучал международные отношения в университете Сорбонны и в Лондонской школе экономики. Неоднократно посещал СССР. Участник Ванзейской конференции. В 1941–1943 гг. – начальник политического отдела министерства оккупированных восточных территорий, непосредственный руководитель Карла Штумпа. В 1945 г. интернирован войсками союзников и находился в заключении. В ходе Нюрнбергского процесса обвинялся в геноциде еврейского населения, но был освобожден в 1950 г.

[5] Sch n B. Svenskarna som stred f r Hitler. Ett historiskt reportage. Stockholm, 1999. S. 131.

журналистов по Украине с заездом в Старошведское. В состав делегации вошли три берлинских корреспондента: журналист правой шведской газеты «Aftonbladet» Гуннар Мюллерн, сотрудник шведской газеты «Social-Demokraten» Эрик Линдквист и датский журналист Хельге Кнудсен, представлявший старейшую консервативную газету Скандинавии «Berlingske Tidende». Впоследствии участники делегации поделились своими впечатлениями от поездки в публикациях скандинавской прессы и изданных в 1942–1945 гг. книгах[1]. Организацией поездки скандинавских журналистов занимался Герхард Кульман (Gerhard Kuhlman). Как сотрудник отдела прессы Имперского министерства народного просвещения и пропаганды он отвечал в ведомстве Геббельса за Скандинавию. Накануне поездки состоялась пресс-конференция с участием имперского шефа прессы Отто Дитриха, что должно было подчеркнуть важность поездки в глазах нацистского правительства[2]. Эта поездка была тщательно спланирована, скандинавских журналистов сопровождали высокопоставленные нацисты, скрывавшие в целях конспирации свои настоящие должности. В течение всей поездки не владевших славянскими языками журналистов сопровождал переводчик Хильмар Басслер[3]. В действительности Басслер являлся высокопоставленным сотрудником отдела пропаганды Министерства иностранных дел Германии. В Киеве скандинавских журналистов опекал профессор славистики, литературы Венского университета Ханс Кох[4]. В Николаеве скандинавскую группу курировал руководитель управления пропаганды генеральной округи Эрнст Апитцш[5]. По дороге в шведскую деревню

---

[1] M llern G. Det har inte st tt i tidningen: en svensk utlandsjournalists minnen fr n tv krigs r. Stockholm, 1942; Lindqvist E. I ofredens Berlin. Halmstad, 1942; Knudsen H. Hitler bandt min Pen. København, 1945.

[2] Lindqvist E. I ofredens Berlin. S. 84. Отто Дитрих (Otto Dietrich) (1897–1952) – один из ближайших соратников Гитлера, доктор политологии. На Нюрнбергском процессе (дело Вильгельмштрассе) осужден за преступления против человечества к 7 годам заключения.

[3] Хильмар Басслер (Hilmar Bassler) (1908–1972) – член национал-социалистической партии Германии с 1933 г. До Второй мировой войны – начальник отдела пропаганды Восточной Азии Министерства иностранных дел Германии. Секретный агент СД. После Второй мировой войны посол ФРГ в Ираке, позже в Индонезии.

[4] Ханс Кох (Hans Koch) – родился и вырос во Львове (*австр.* Lemberg). Автор работ по истории Киевской Руси и Византии. Владел украинским языком. В годы Второй мировой войны – высокопоставленный сотрудник Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга.

[5] Эрнст Апитцш (Ernst Apitzsch) – высокопоставленный сотрудник Министерства народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса. До Второй мировой войны – шеф отдела радио вышеупомянутого Министерства.

Эрик Линдквист и Хельге Кнудсен настойчиво интересовались, куда исчезли украинские евреи. В ответ скандинавы получили невнятные объяснения немцев, что большинство еврейского населения якобы эвакуировалось вглубь России вместе с отступающей Красной армией, а остальная часть работает на особо охраняемых военных объектах. Простые шведские крестьяне могли при встрече рассказать правду о том, что случилось с местными евреями. Во избежание утечки информации двум скандинавским журналистам неожиданно было отказано в поездке в Старошведское по причине нехватки транспорта. Право встретиться с соотечественниками получил только Гуннар Мюллерн. На встрече его сопровождали капитан местной полиции Йоб Зиммерман (Job Zimmermann) и Хильмар Басслер. В действительности Зиммерман являлся заместителем начальника отдела прессы и пропаганды имперского министерства оккупированных восточных территорий. Шофером машины был понимавший шведский язык датчанин из приграничного немецкого города Фленсбург.

28 октября 1941 г. на первой полосе газеты «Aftonbladet» был опубликован сенсационный репортаж Гуннара Мюллерна из шведской колонии с многочисленными фотографиями[1]. Мюллерн создал идиллическую картину жизни шведской общины под властью Гитлера:

> Немцы относятся к старошведам очень хорошо, после ужасов Советской власти шведские жители села опять обрели спокойствие. В домах царит полный порядок, с чистыми белыми занавесками в каждом доме. Никаких признаков упадка и разрухи, вызванных войной, нет, колония находится под особой защитой немецкой власти, о чем сообщает дорожный знак на немецком, русском и украинском языках[2].

Журналист пытался убедить своих читателей, что, находясь под немецким контролем, колония процветает, сохраняя свой шведский характер:

> Шведы получили из рук немцев самоуправление, и старостой села избран швед Кристиан Утас, в доме которого висит шведский флаг, спрятанный в большевистское время, а на столе лежит Библия Карла и старинная псалтырь <...> около 100 жителей села пришли на встречу со мной, после которой в кирхе состоялось богослужение на шведском языке. В целом деревня напомнила мне типичное шведское поселение где-нибудь на острове Эланд или Готланд[3].

Репортаж Мюллерна не получил ожидаемого нацистами резонанса. В условиях оккупации Дании и Норвегии большинство шведских

---

[1] M llern G. Gammelsvenskby i eldlinjen // Aftonbladet. Den 28 oktober 1941. № 293.

[2] Idem. Det har inte st tt i tidningen. S. 249–250.

[3] Ibid. S. 244–246.

читателей не прельщала перспектива стать очередной жертвой Рейха. Так, в 1940 г. после шквала читательских протестов газета «Svenska Dagbladet» прервала серию статей Фредрика Бёёка (Fredrik Böök), восхвалявших немецкую оккупацию Дании. Сам журналист стал персоной нон грата в кругах шведской журналистики и политики[1].

Слабые результаты пропагандистской поездки ускорили прекращение нацистских игр в скандинавизм. С 1942 г. оккупационный режим берет курс на радикальную германизацию шведского населения Украины. Старосту села Кристиана Утаса заменили немцем. Немец сменил шведа и на посту председателя сельскохозяйственной артели. В 1942 г. впервые в истории в шведской колонии открывается немецкая школа, в четырех классах которой обучалось 72 ученика[2]. В 1942 г. с целью антропологического и демографического изучения шведских колонистов в Старошведское прибыла команда доктора Карла Штумпа[3]. Согласно ее отчету, в августе 1942 г. в колонии проживало 480 «Deutsche» (265 шведов и 215 немцев) и 68 украинцев. Отдельно были учтены исчезнувшие в ходе Большого террора жители села[4]. Шведская молодежь была объединена в региональные отделения Гитлерюгенда (Hitler Jugend) и Союза немецких девушек (Bund Deutsches Mädel)[5]. В 1943 г. в шведской колонии прошел ежегодный слет и парад вышеупомянутых нацистских организаций, собравший украинско-немецкую молодежь со всего генерального округа Николаев[6]. Немецкая газета Николаева «Deutsche Bug-Zeitung» 5 мая 1943 г. сообщала, что «жители шведской колонии и близлежащих немецких сел собрали пасхальные подарки раненым немецким солдатам. Девушки несли корзинки крашеных яиц <...> матери передали наилучшие пожелания раненым освободителям»[7].

---

1 Hägg G. Svenskhetens historia. Wahlstr m & Widstrand, 2003. S. 579–580.

2 Gaunt. Op. cit. P. 244–247.

3 Карл Штумп (Karl Stumpp) (1896–1982) – родился в Херсонской губернии в семье немецких колонистов. Учился в российских университетах Одессы и Дерпта (Тарту). В 1922 г. защитил докторскую диссертацию по географии и демографии немецких колоний Причерноморья в университете Тюбингена. С 1938 г. – директор научного отдела по изучению российских немцев, Института внешней политики Германии в Штутгарте (Forschungsstelle das Russlanddeutschtums im Deutschen Ausland-Institut/ DAI). Проводившая в 1942–1943 гг. обследование немецких колоний Украины команда доктора Штумпа включала 80 сотрудников.

4 Gaunt. Op. cit. P. 243–244.

5 Членами этих организаций на оккупированных территориях могли быть только этнические немцы.

6 Gaunt. Op. cit. P. 246.

7 Цит. по: Gaunt. Swedes of Ukraine as «Volksdeutsche». P. 246.

26 октября 1943 г. население шведской колонии было эвакуировано в Германию в рамках спецоперации СС по переселению черноморских немцев. В Германии шведов ожидала новая проверка на «расовую чистоту». По результатам антропологического и медицинского осмотра староshведы были разделены на три группы. Наивысшие показатели получили шведы, они направлялись на поселение в долину польской реки Варта[1]. Семьи, не прошедшие расовый отбор, были зачислены в третью группу и отправлены на принудительные работы. Анна Портье вспоминает:

> В Германии нас заставили пройти обследование. Один раз в Штуттгарте и два раза в Оффенбурге. Второе обследование показало, что в венах членов семей Мартис и Бускас течет еврейская кровь. Как они могли найти у них еврейскую кровь, я не знаю. У нас в роду не было евреев. Я думаю, немцы так сказали специально, им просто нужна была бесплатная рабочая сила[2].

133 шведа были зачислены в первую группу, члены которой в 1944 г. стали участниками очередного нацистского эксперимента «Warthegau»[*4]. Невзирая на наступление Красной армии, фанатичное нацистское правительство планировало создать на западно-польских землях форпост немецкой цивилизации. Колонизация планировалась за счет фольксдойче и эстонских шведов[5]. Политика германизации херсонских шведов продолжалась до мая 1945 г. В Германии жители села получили немецкое гражданство и доступ к социальным пособиям. Достигшие призывного возраста мужчины были мобилизованы в Вермахт или вступили в войска СС.

В тенденциозном репортаже Мюллерна шведская колония на Украине была представлена как своеобразная модель блестящего будущего Швеции в составе Великой Германии. Скандинавского жур-

---

[1] Интересно отметить, что планы по германской колонизации западно-польских территорий еще в XIX веке разрабатывались правительством Пруссии. См.: Германская колонизация польских провинций в Пруссии / сост. И. П. Шипов. СПб., 1894.

[2] Tysk K.-E. Gryningsljus Gammalsvenskby i blickpunkten. S. 54. Как известно, установить этническое происхождение по анализу крови невозможно.

[*] Вартеланд (Wartheland, Warthegau) – провинция Третьего рейха, созданная в 1939 г. на оккупированной польской территории. Здесь в 1939–1945 гг. нацистами проводился масштабный эксперимент по насильственному изменению этнической структуры населения. Территория подлежала германизации за счет фольксдойче из Восточной Европы, местные евреи были депортированы и уничтожены; местные поляки – выселены за пределы рейха. (*Прим. ред.*)

[4] Granberg H. 133 Ukraina-svenskar nu samlade i Warthegau // Aftonbladet. Den 26 april 1944.

[5] Schafft G. E. From Racism to Genocide: Anthropology in the Third Reich. P. 126–134; О проекте переселения в «Warthegau» эстонских шведов см.: Hedman J., Åhlander L. Run . Historien om svensk n i Rigabukten. Tallinn, 2008. S. 387–388.

налиста не интересовала судьба уничтоженных евреев, положение в концентрационных лагерях, созданных фашистами в Бериславе и Каховке. Для того чтобы показать преимущества нового порядка, журналист уделил особое внимание проблеме дискриминации шведского меньшинства в СССР. В репортаже были подробно описаны массовые аресты 1937–1938 гг., закрытие шведской школы, осквернение шведской церкви. В Николаеве для скандинавских журналистов была организована экскурсия по камерам бывшего областного управления НКВД[1]. Кровавая история Большого террора продолжала играть роль и в период немецкой оккупации. Смена одного тоталитарного режима другим не означала смены поведенческих практик. После сталинских чисток и массового исчезновения людей способность старошведов к сопротивлению была подавлена. Брутальная политика нацистского режима также сводила на нет возможность коллективного протеста. Большинство украинских шведов предпочли сотрудничество и не противились политике германизации, принудительной эвакуации и унизительной процедуре расового обследования.

4.2. Новый нормативный стандарт

Депортация старошведов в Коми-Гулаг в 1945 г. была продолжением сталинского проекта нормализации, ставшего тем более актуальным с учетом длительного воздействия на шведов нацистской пропаганды. Освобожденные из фильтрационных лагерей Германии, Ковеля и Бреста херсонские шведы, собранные вместе на основании паспортных данных, были сосланы как фольксдойче – «до особого распоряжения» – на спецпоселение в Коми АССР. Общее число фольксдойче, высланных в 1945 г. из Германии на спецпоселение, достигало 208 тысяч человек, из них более 10 тысяч были высланы в Коми АССР[2]. Перед сотрудниками НКВД была поставлена задача по «переделке неблагонадежных элементов в сознательных строителей социалистического общества»[3]. Таким образом, депортация в Коми представляла собой очередной эксперимент власти по принудительной нормализации старошведов. Настоящая глава посвящена анализу нового стандарта идентичности, технологии моделирования новых границ, а также стратегии коллективного сопротивления.

За службу в Вермахте, полиции и войсках СС большинство оказавшихся в советской оккупационной зоне старошведских мужчин

---

[1] M llern G. Det har inte st tt i tidningen. S. 241.

[2] Поболь Н. Л., Полян П. М. Сталинские депортации 1928–1953 гг. Документы. М., 2005. С. 619.

[3] Республиканский архив общественно-политических движений и формирований Коми (далее – РГАОПДФ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 257.

были приговорены к длительным срокам заключения и отправлены в лагеря Воркуты и Урала. Поэтому среди сосланных в Коми украинских шведов находились в первую очередь женщины, старики и дети. В вину им вменялось «добровольное бегство за границу»; «добровольное принятие статуса “фольксдойче” и пользование привилегиями», а также «добровольное принятие немецкого гражданства». По заключению прокуратуры Украины, работавшей в 1990-х гг. по делам реабилитации шведских спецпереселенцев, эта вина была надуманной, а действия шведов во время оккупации не являлись добровольными[1], воспитанные советской тоталитарной системой украинские шведы подчинились требованиям новой репрессивной машины. Удостоверения фольксдойче в массовом порядке выдавали на общем собрании села в ноябре 1941 г.[2] Отказаться от участия в заранее объявленном нацистами мероприятии шведы не могли, основываясь на поведенческих практиках, усвоенных еще в довоенное время. Публично отказаться от статуса фольксдойче означало подвергнуть себя и свою семью серьезному риску. Массовое уничтожение нацистами местных евреев и казнь советских активистов не оставляла сомнений в исключительной жестокости оккупационной власти. Из материалов следственных дел следует, что единственной привилегией фольксдойче, которой воспользовалось население села, стало получение продуктовых наборов и мыла[3]. Добровольное, по версии НКВД, бегство за границу в действительности являлось принудительной эвакуацией жителей села. Старошведов вывезли в Германию 27 октября 1943 г. в рамках операции по переселению на земли Рейха немцев Северного Причерноморья[4]. О негативном отношении шведов к этой акции свидетельствует народная песня, сочиненная в те дни:

Fr n Ukraina vi ut reste.
Alla svenskar stora och sm ,
Ingen gick den väg f r rosor
Alla vara vi lika en[5].

---

[1] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 1. Д. 1276. Л. 196–211.

[2] Там же. Оп. 7. Д. 804. Л. 9.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 1276.

[4] Всего в условиях наступления Красной армии нацисты переселили в Германию около 72 тыс. так называемых черноморских немцев (*Schwarzmeerdeutsche*). См.: The Soviet Germans: Past and Present / ed. I. Fleischhauer. New York, 1986. P. 87.

[5] Из Украины мы шли / Все шведы взрослые и малыши / Ни для кого этот путь не был усыпан розами / Все мы были как одно целое // Материалы полевой экспедиции в село Змиевка Херсонской области. 2006 г. Архив кандидата филологических наук Александра Манькова (Российско-шведский центр РГГУ). Выражаю благодарность коллеге за предоставленную информацию.

Наказанием за принятие статуса фольксдойче стала депортация в северные районы страны, организованная по этническому признаку. Новая правовая и политическая составляющая идентичности определялась одним словом: «спецконтингент», проставленным в графе «судимость» учетной карточки старошведов[1]. Формально специальный контингент сохранял права свободных граждан СССР. Например, ссыльные поселенцы могли голосовать, получать государственные награды. В отличие от узников лагерей ГУЛАГа поселенцы обязаны были участвовать в публичных ритуалах политического характера: собраниях, выборах в Верховный Совет, подписке на государственные займы и т. п. Важным императивом поведенческой практики того времени являлась демонстрация положительного отношения к советской власти, Красной армии, НКВД и к товарищу Сталину лично. Одновременно репатрианты должны были публично осуждать порядки фашисткой Германии и никогда не вспоминать о положительных сторонах своей повседневной жизни в Третьем рейхе. Место и вид занятий поселенцев определяли сотрудники специальной комендатуры НКВД. Тяжелый принудительный физический труд должен был стать главным элементом «переделки» поселенцев в сознательных советских граждан. Срок ссылки не ограничивался, и НКВД обязывалось контролировать поселенцев «до особого распоряжения» сверху. Вышесказанное означало, что именно центральная власть решала, когда репатриантов можно будет считать лояльными советскими гражданами, достойными возвращения домой. Вина херсонских шведов перед государством считалась коллективной, но освобождение имело индивидуальный характер. Тот, кто соответствовал нормативному стандарту, мог рассчитывать на свободу. Несоответствие определенным свыше нормам поведения и коммуникации, например, сравнение жизни в Германии с бытовыми проблемами в СССР или открытая религиозность, приводили к новым карательным санкциям. Нарушитель осуждался и пополнял «страну Зека», полностью выпадая из «нормальной» социальной и политической структуры общества.

Новый лингвистический стандарт для отбывающих наказание на поселение призван был обеспечить быструю трансформацию шведских репатриантов в обычных советских граждан. С политикой поддержки родного языка и культуры было покончено навсегда. Место украинского и немецкого языков занял русский язык, поскольку овладение русским языком означало приобщение старошведов к советской культуре. Шведы прибыли в Коми как фольксдойче, что на-

[1] Учетные карточки специального контингента Жешартского фанерного завода. За пользование этими материалами выражаю благодарность доктору исторических наук Николаю Алексеевичу Морозову (Сыктывкар).

ложило свой отпечаток на выбор языка ежедневного общения. Другие этнические группы спецпоселенцев (например, эстонцы и калмыки) в Коми с согласия властей использовали родной язык в ежедневном общении и культурной жизни. Однако «немцам» это запрещалось. Жители русского Севера не имели понятия о том, что в СССР проживает огромное (более 1 млн человек) немецкое меньшинство, и считали поселенцев настоящими немцами из Германии, так что местное население крайне негативно относилось к разговорному языку «проклятых фашистов»[1]. Северяне ошибочно принимали за немецкий также шведский язык, что часто приводило к конфликтам[2]. По этой причине старошведы старались не разговаривать на родном языке в публичных местах. Русским языком на момент прибытия в республику Коми шведы владели плохо и говорили по-украински. Коми-народ понимал их плохо. У шведов отсутствовала возможность читать на родном языке, от чего страдало взрослое поколение.

Детей школьного возраста направили на обучение в специальную школу для ссыльных поселенцев в поселок Жешарт. Обучение в школе проходило исключительно на русском языке, что стало серьезным психологическим барьером для молодого поколения ссыльных шведов. Анна Лютко (Сигалет) вспоминает, что учиться в Коми АССР было чрезвычайно трудно по причине малопонятного языка. В свое время уроженка села Старошведское, Анна Сигалет (1931 г. р.), пошла в первый класс украинской школы, открытой после закрытия школы шведской. В годы войны она обучалась в немецких школах Рейхскомиссариата Украины и Германии. За годы войны Анна, как и многие другие дети херсонских шведов, овладела стандартным немецким языком[3]. В апреле 1944 г. украинских шведов посетил в Польше шведский журналист. В своем отчете Министерству иностранных дел Швеции он отметил, что дети школьного возраста, в отличие от старшего поколения шведов, общаются между собой на немецком языке[4].

Травмирующим психику фактором был также незнакомый кириллический алфавит. Арвид Кнутас (1934 г. р.) вспоминает, что овладение новым алфавитом стало для него серьезным

---

[1] Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ // Наказанный народ. Репрессии против советских немцев. М., 1990. С. 111.

[2] Интервью с Анной Лютко (Сигалет). Ноябрь 2005 г. Село Змиевка Бериславского района Херсонской области. Запись хранится в архиве автора.

[3] Интервью с Анной Лютко (Сигалет). Ноябрь 2005 г. Село Змиевка Бериславского района Херсонской области. Запись хранится в архиве автора.

[4] Herje Granberg till Kungl. Beskickningen i Berlin. Den 15 april 1944 // Riksarkivet. Utrikesdepartementet. P. 1534. Diverse biträde r utlänningar Gammal-Svenskby-boar. Del III.

испытанием. Семья Арвида реэмигрировала в 1931 г. из Швеции в СССР. Его отца, Густава Кнутаса, в 1937 г. арестовали и приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение, однако чекисты, скрывая масштабы Большого террора, сознательно дезинформировали мать Арвида Розу Кнутас, утверждая, что ее муж осужден на 10 лет дальних лагерей без права переписки. В 1945 г. семья Кнутас могла выехать из Гамбурга в Швецию (этой возможностью воспользовались около 60 украинских шведов), однако они предпочли вернуться в СССР, надеясь разыскать отца. Вместо встречи с отцом Арвида Кнутаса и его братьев ожидало многолетнее заключение в Коми-Гулаге. Арвид принадлежал ко второму поколению репрессированных шведов. После освобождения в 1954 г. он остался в Сыктывкаре, где сделал хорошую карьеру, завершив трудовой путь начальником строительного треста. Арвид Кнутас считает, что ценой интеграции в советское общество стали полученные им в детстве травмы. Собственную идентичность он описывает в сложных словах. Шведским языком он владеет слабо из-за отсутствия практики. Знание немецкого языка сохранилось, однако его родным языком стал русский. После распада Советского Союза многие его родственники эмигрировали в Германию и Швецию. Однако сам Арвид, а также его брат Оскар, который родился в Швеции, решили остаться в России[1].

Комендатура пресекала также исполнение поселенцами религиозных обрядов. Духовная литература на шведском языке была конфискована в фильтрационных лагерях. Напомню, что индивидуальное чтение Библии и совместное распевание духовных псалмов является важной религиозной практикой лютеран. Демонстрируя свою богоборческую сущность, власть открыла главный корпус Устьвымлага на месте древнего центра православной культуры Коми. Лютеранского храма в Коми АССР не существовало, практически все лютеранские священники в СССР были уничтожены[2]. В результате депортации шведские протестанты были лишены возможности поддерживать религиозную составляющую идентичности. Отметим, что в годы нацисткой оккупации шведские колонисты имели свободу вероисповедания. Разница между старым и новым религиозным стандартом, безусловно, была не в пользу последнего и являлась еще одним фактором фрустрации.

[1] Письмо Арвида Кнутаса автору. 18.06.2007.

[2] См.: Luukkanen A. The religious policy of the Stalinist state. A Case study: the central standing commission on religious questions, 1929–1938. Helsinki, 1997; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999.

4.3. Создание новых границ

Статус специальных поселенцев определялся правовыми актами советского правительства 1945 г.: «О правовом положении спецпоселенцев» и «Положение о спецкомендатурах НКВД СССР»[1]. Формально специальные поселенцы пользовались «всеми правами граждан СССР за исключением ограничений, предусмотренных законом». Именно слово «ограничение» формировало конфигурацию гигантского подневольного мира спецпоселений ГУЛАГа. Как правило, репатрианты конвоировались войсками НКВД в отдаленные районы страны с суровыми погодно-климатическими условиями. По прибытии их изолировали от свободного населения, создавая новые режимные поселки, находившиеся под круглосуточным контролем чекистов. Самовольная отлучка из поселения рассматривалась как побег и каралась тремя годами лагерного заключения. Место местных органов советской власти занял карательный аппарат НКВД, имевший абсолютную власть над поселенцами. Спецкомендатура решала, где, когда и как будут трудиться сосланные, контролировала любые изменения в их частной жизни, определяла нормы выработки и вид наказания. Поселенцы обязаны были подчиняться «всем распоряжениям коменданта». Секретной директивой № 181 НКВД СССР от 11 августа 1945 г. НКВД были обязаны вести негласный контроль над всеми фольксдойче, которых поставили на оперативный учет[2].

Таким образом, власть в который раз изменяла положение шведов в социальной иерархии. В оккупированной нацистами Украине старошведы занимали высокое место представителей господствующей «нордической расы». Предполагалось, что в этом качестве они станут проводниками политики Гитлера на Востоке. Депортация в Коми закрепляла за старошведами одно из самых низких мест на социальной лестнице. Ниже их (фактически за ее пределами) находились только узники лагерей ГУЛАГа. Однако в действительности положение спецконтингента (эска) во многих случаях было хуже положения заключенных лагерей (зэка). Как отмечала Евгения Гинзбург, «считалось, что режим “эска” мягче нашего зэковского. Однако это было не так»[3]. Этот вывод является верным и в отношении Устьвымлага[4]. Так, поселенец Виктор Чернов писал из Коми : «...здесь не жизнь, а

---

[1] Генеральная прокуратура РФ. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск, 1999. С. 374–382.

[2] История сталинского Гулага. Собрание документов. В 7 т. Т. 5. М., 2004. С. 473.

[3] Гинзбург Е. Крутой маршрут. Л., 1990. С. 373.

[4] См., например, воспоминания переводчика Игоря Михайлова – бывшего спецпоселенца Жешарта: Михайлов И. Сквозь ненастье. СПб., 1998.

каторга <...> один выход – попасть в лагерь или бежать»[1]. Узники лагерей знали свой срок и ждали день освобождения. Шведы были высланы на Север бессрочно. Заключенным гарантировался минимум питания, отопление и рабочая одежда. Поселенцы должны были отработать минимальный паек «общественно-полезным» трудом. Рабочую одежду поселенцам не выдавали, ее приобретали в счет будущих вычетов из зарплаты. Детской одежды вообще не существовало. Эта новость стала шокирующей для шведских семей, прибывших в декабре 1945 г. из Германии в летней одежде. Сотрудники УНКВД по Коми АССР сообщали: «...чтобы довести людей живыми, нам пришлось отдать свою одежду, так как народ прибыл в большинстве своем в одних рубашках». Зимой 1945–1946 гг. на лесоповалах Коми можно было встретить ссыльных фольксдойче в «бальных туфлях»[2]. Сосланные, как «немцы», шведы были самой униженной категорией поселенцев. Слова «они все считали нас врагами» рефреном повторяются в воспоминаниях шведов о Коми. Суровая природа и практика ежедневного насилия призвана была увеличить эффект «переделки» шведов в сознательных граждан. Новая географическая реальность играла важную роль в технологии принудительной нормализации. Земледельцы – жители степной зоны южной Украины – работали в условиях Крайнего Севера на абсолютно незнакомом лесном производстве.

4.4. Насилие и стратегия коллективного сопротивления

12 декабря 1945 г. группа из 64 старошведов прибыла в поселок Жешарт, их направили на лесоперевалочную базу в соседнее Бышлыково. Так называемая лесобиржа поселка возникла в 1930 г. на месте кулацкой ссылки. Работники лесоперевалочной базы занималась сортировкой леса. К 1945 г. большинство старых обитателей вымерло, и шведские поселенцы заняли опустевшие землянки, оборудованные двухъярусными нарами и примитивными печками-буржуйками. Работали шведские женщины в бригаде под руководством Азизова.

Эмма Мальмас вспоминает:

> Когда мы приехали, было 52 градуса мороза. Мы все были легко одеты. У детей не было зимней одежды. Я сразу поняла, что мои дети должны здесь умереть. Это было ужасно, что они сделали с нами. Мы все, женщины и дети, были вынуждены жить в землянках, где раньше жили другие узники. За норму дневной выработки можно было купить только один килограмм хлеба. Дети и старики получали карточки на 300 грамм хлеба в день. Это был не настоящий хлеб, а какая-то

[1] РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 131.

[2] Там же. Оп. 3. Д. 670. Л. 70; Д. 671. Л. 51.

странная мякина. Первый раз, когда я дала этот как бы хлеб детям, мой сын Юханнес выплюнул его изо рта со словами «что это, мама»?[1]

Башлыковская лесоперевалочная база славилась в Устьвымлаге каторжными условиями труда и испытывала постоянную нехватку рабочей силы. Направление женщин на эту работу входило в стратегию власти, согласно которой рабский физический труд должен был стать основным инструментом «переделки». Анна Портье вспоминает:

> Они вели нас под конвоем в поселок Жешарт. Мы шли вдоль реки Вычегда, широкой, как Днепр. Это был кромешный ад, дорога в 53-градусный мороз. Работа была ужасной. Мы складировали лес на бирже. Летом мы работали в сапогах на плавающих бревнах, все равно что на скользящем стекле. Две наши девушки получили серьезные увечья[2].

Особому риску подвергались дети дошкольного возраста и старики, вынужденные все зимнее время проводить под землей. В условиях спецпоселений государство снимало с себя всякую ответственность за жизнь, здоровье и обеспечение едой детей поселенцев. Так, Эмма Мальмас потеряла двух малолетних детей, не переживших зиму 1945–1946 гг. Ее девятимесячная дочь Эльза Мальмас умерла 9 января 1946 г., спустя три недели после прибытия в Коми. В свидетельстве о смерти названа действительная причина гибели ребенка – истощение. Шестилетняя Анна Мальмас умерла 7 апреля 1946 г. от двустороннего туберкулеза легких. В свидетельстве о смерти шестидесятилетней Анны Утас причиной смерти цинично названа «старческая дряхлость». Всего за первый год пребывания в Коми АССР от голода и болезней скончались одиннадцать шведов[3]. Несмотря на то что комендатура была обязана «обеспечить нормальные условия существования», никто из офицеров за это преступление ответственности не понес. Чрезвычайно высокая смертность и катастрофическое падение рождаемости были характерны для всех групп спецпоселенцев, однако именно фольксдойче были лидерами этой трагической статистики[4]. Милита Прасолова (1926 г. р., девичья фамилия Портье) вспоминает:

> 6 января 1946 г. умер мой папа Фридрих Портье. Он попросил перед смертью белого хлеба и масла. Я пошла, чтобы купить это, но ничего не нашла. Папа умер без исполнения последнего желания. Тогда

---

[1] Johansson G., Turesson R. Vi ha varit med om s dant som man inte kan tala om. Intervju med Emma Malmas // Expressen. Den 30 maj 1993. S. 13–15.

[2] Tysk K.-E. Gryningsljus Gammalsvenskby i blickpunkten. Skara, 2007. S. 51.

[3] Управление записи актов гражданского состояния республики Коми. Отдел учета обработки и хранения документов. Сыктывкар.

[4] Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ. С. 95–117.

моя мама сказала нам, своим дочерям: «Вы не должны рожать здесь детей, никогда»[1].

Довольно быстро шведы осознали, что в созданных властью условиях шансов на выживание и возвращение домой нет. В критических условиях основным механизмом сопротивления стала консолидация группы на основе национального самосознания. Вопрос о функционировании и взаимоотношениях различных этнических общин в ГУЛАГе и на поселениях изучен недостаточно. Известно, что в отличие от лагерей с их интернациональным составом послевоенные специальные поселения формировались преимущественно по этническому принципу. Последнее обстоятельство существенно увеличивало роль национального фактора в ежедневной стратегии выживания узников спецпоселений. Как отмечает Н. А. Морозов, доля иностранцев в лагерях Коми всегда была заметно выше, чем в других районах страны: «...считалось, что суровый климат и каторжный труд на лесоповале, отдаленность этих мест само по себе гарантировало соблюдение тайны и изолировало граждан буржуазных стран от советского народа»[2]. Не случайно республику Коми в народе называли тюрьмой без колючей проволоки.

В 1941 г. в недрах ГУЛАГа было создано очередное предприятие подневольного труда – трест «Спецжешартстрой». Основной задачей треста являлось строительство стратегически важного завода авиационной фанеры. Первыми подневольными рабочими треста стали поволжские немцы, западные украинцы, калмыки и шведы. Так, в июне 1941 г. в ходе массовой депортации эстонского населения сюда были выселены десятки эстонских шведов[3]. На 1945 г. в лагерях Коми находилось 2476 финляндских военнопленных, многие из которых были этническими шведами[4]. Из них 246 человек пополнили число узников лагеря № 367 при тресте «Спецжешартстрой» НКВД СССР[5]. Плотником треста работал бывший гражданин Швеции Гарри Хялин (Harry Hallin). В 1941 г. как «неблагонадежный элемент» он был призван в трудовую армию и сослан в Жешарт. Должность главного механика «Спецжешартстроя» занимал швед Кнут Юнсон (Knut Jonsson). Известный в воспоминаниях шведских колонистов как «инженер Андерсон из Ленинграда», он в действительности был русским

---

[1] Tysk K.-E. Gryningsljus Gammalsvenskby i blickpunkten. S. 68–69.

[2] Морозов Н. А. Гулаг в Коми крае 1929–1956. Автореф. дисс. ... д. и. н. Екатеринбург, 2006. С. 32.

[3] Aman V. Estlandssvenskarna under andra världskriget // En bok om Estlands svenskar. Stockholm, 1961. S. 197–198.

[4] Конасов В. Б. Финские военнопленные Второй мировой войны // Север. № 11–12.

[5] РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1201. Л. 56.

шведом из Мурманской области, получившим среднее техническое образование в СССР[1]. Кнут Юнсон родился в 1912 г. в северном селе Ковда и, скорее всего, стал жертвой операции по выселению «инонациональностей» с Кольского полуострова, осуществленной в 1940 г. по приказу наркома внутренних дел Лаврентия Берии. Тогда в результате депортации из Мурманской области было выселено более шести тысяч человек, в основном этнических финнов, шведов и норвежцев[2].

Сочетание двух обстоятельств (возможность организации этнической общины и контакты с соотечественниками) явилось, на мой взгляд, секретом успешной реализации стратегии коллективного сопротивления шведских колонистов. Именно Кнут Юнсон стал ключевой фигурой в деле спасения херсонских шведов. Эмма Мальмас вспоминает о первой встрече поселенцев с влиятельным главным механиком треста:

> Однажды к нашим землянкам подошел шведский инженер Андерсон, высокий и элегантно одетый. Он услышал, что мы говорили по-шведски, и обратился к нам на шведском языке:
> – Добрый день! Вы что, шведы?!
> – Да, мы шведы.
> – Но почему вы здесь?!
> – Мы не знаем, Швеция не воевала.
> – Знаете, это несправедливо, и вы здесь явно по ошибке[3].

22 апреля 1946 г. при содействии Юнсона шведские поселенцы были сняты с работ на лесоперевалочной базе Бышлыково и переведены в распоряжение «Спецжешартстроя». На новом месте работы шведские женщины и подростки работали во внутреннем помещении цеха по производству фанеры и жили в нормально оборудованном бараке. Это позволило группе херсонских шведов без значительных потерь пережить следующую зиму 1946–1947 гг. 22 декабря 1946 г. Кнут Юнсон был снят с поселения и выехал в поселок Парфино Новгородской области. Перед своим освобождением он поддержал поселенцев в их желании написать коллективное обращение в президиум Верховного Совета СССР. В письме шведы подчеркивали, что они не немцы и направлены на спецпоселение по ошибке[4]. 28 декабря 1946 г. по указанию № 38/10149 отдела специальных поселений МВД

---

[1] Гарри Хялин. Учетная карточка. Спецконтингент. Жешартский фанерный завод; Кнут Юнсон. Учетная карточка. Спецконтингент. Жешартский фанерный завод.

[2] Поболь Н. Л., Полян П. М. Сталинские депортации 1928–1953 гг. С. 17–18.

[3] Johansson G., Turesson R. Vi ha varit med om s dant som man inte kan tala om. Intervju med Emma Malmas // Expressen. Den 30 maj 1993. S. 13–15.

[4] В своих воспоминаниях автором письма старошведы иногда называют главного механика треста. Думаю, что в действительности Юнсон не пошел бы на такой риск в ожидании собственного освобождения.

СССР херсонские шведы были сняты с поселения в связи «с выездом на Родину»[1]. Важно отметить, что шведские семьи, находившиеся на тот момент в других районах Коми, не были освобождены и оставались на поселении до 1954 г.

5 мая 1947 г. в арендованном в Воркуте за собственные деньги товарном вагоне старошведы выехали из Коми АССР на родину. После месяца пути в июне 1947 г. поселенцы вернулись в родное село[2]. Однако там их никто не ждал. Советская власть начала заселение Старошведского сельсовета украинскими эмигрантами из Польши – жертвами послевоенного передела границ. Старошведское было переименовано и получило новое, типично украинское название – *Вербивка.* Большой террор, Вторая мировая война, Холокост и послевоенные политические репрессии радикально изменили этнографическую карту Херсонского края. Новыми жителями шведской колонии стали около 500 украинских крестьян из Польши. Соседи-евреи были уничтожены Холокостом. Немецкие соседи (около 2000 человек) оставались на поселениях Севера и Сибири до 1954 г., постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1958 г. им было запрещено возвращаться в родные места на Украине. Запрет действовал до 1972 г.[3]

Неожиданное освобождение старошведов было редким, однако не уникальным случаем в практике сталинского ГУГАГа. Так, в 1945 г. в Коми АССР были освобождены и получили право на выезд в Польшу этнические поляки – жители Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединенных к СССР в 1939 г.[4] В 1946 г. из-за нехватки рабочей силы с просьбой об освобождении с поселений латышей и грузин обратились лидеры соответствующих союзных республик. 13 августа 1946 г. по указу Сталина за героизм, проявленный в годы войны, были сняты с поселений 23 тысячи русских крестьян – бывших кулаков[5]. 26 января 1946 г. в результате нормализации отношений между СССР и Финляндией с поселений были освобождены финны-ингерманландцы. Правда, в отличие от шведов им запретили возвращаться в родные места, за исключением участников войны, имеющих правительственные награды[6].

---

[1] Архив Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». За возможность использовать эти материалы выражаю свою признательность председателю правления фонда Михаилу Рогачеву.

[2] Hedman J. Svenskbybornas den i Gulag-arkipelagen 1945–1947 // Svenskbyborna 70 r i Sverige, 1929–1999. S. 45–52.

[3] Айсфельд А. Административные переселенцы // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 29–31.

[4] РГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 281–282.

[5] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. М., 2003. С. 49.

[6] Там же. С. 137–138.

4.5. Заключительные замечания

Два обстоятельства делают историю освобождения украинских шведов с поселения уникальным. Во-первых, это единственный известный мне случай, когда коллективное освобождение со спецпоселения произошло по инициативе снизу. Вновь, как и во многих других случаях, старошведы использовали отработанную веками практику коллективной юридической защиты[1]. Как минимум в двух более ранних коллективных обращениях к власти шведские поселенцы делали акцент на ненемецком происхождении. Первый известный случай относится к периоду Первой мировой войны, когда правительство России издало закон об ограничении и лишении землевладения в России иностранцев из воюющих держав. Под действие закона подпадала часть немецких колонистов (поселенцев-собственников). Тогда 27 января 1915 г. от общества села Старошведское было направлено прошение на имя министра внутренних дел Российской империи. В своем обращении шведы выражали беспокойство относительно слухов об изъятии земли у выходцев из Германии и подчеркивали, что в отличие от соседей-немцев они являются верными Российской короне шведами:

> Мы не немцы, как соседи наши, а шведы, ничего общего не имеющие с нынешним врагом нашей дорогой матушки Руси, приютившей нас более века тому назад[2].

Второй случай произошел весной 1919 г., когда вооруженные формирования крестьянской армии Нестора Махно совершали нападения на немецкие колонии Херсонской губернии. Махновцы считали колонистов «чужим элементом на украинской земле» – пособниками австрийских оккупантов и Белого движения. В обстановке грабежей и убийств неславянского населения в марте 1919 г. делегация шведской общины во главе с двумя учителями, бывшими прапорщиками царской армии Кристоффером Хуасом и Петтером Мальмасам, выехала в деревню Великая Лепетиха на встречу с махновцами. Местный отряд возглавлял Кирилл Ивдиенко, бывший учитель и тоже бывший прапорщик царской армии. Шведскую делегацию принял начальник штаба отряда Повстанческой армии Украины Павловский, в прошлом георгиевский кавалер и фельдфебель царской армии. Старошведы объяснили бывшему боевому товарищу, а ныне

---

[1] Koit J. De svenska dag b ndernas kamp f r sin fri- och rättigheter 1662–1685 // Svio-Estonica. 1951. № 10. S. 50–153; Котлярчук А. С. Немцы Украины в судьбах шведской колонии на Днепре. 1805–2007. С. 27–35. Всего сохранилось около 20 коллективных обращений старошведского населения в органы центральной власти различных государств.

[2] Шрадер Т. А. Очерки жизни шведских колонистов в России. С. 249–252.

украинскому атаману, что жители их волости – шведы, а не немцы. Более того, колонисты – прямые потомки солдат Карла XII, которые сражались вместе с казаками гетмана Мазепы за свободу Украины. Принимая во внимание 200-летний союз украинских казаков и Швеции, Павловский пообещал не совершать в шведском селе убийств и ограничиться грабежом[1]. Не исключено, что обращение 1946 г., в котором шведы вновь акцентировали внимание на своем ненемецком происхождении, было инспирировано событиями 1915 и 1919 г.

Во-вторых, украинские шведы были не просто освобождены со спецпоселения. Власть разрешила им вернуться в родные дома, с них не взяли подписки о запрете проживания в центральных районах страны. Таким образом, советская власть опять признала старошведов полноценными советскими гражданами. Более того, она полностью реабилитировала шведов в их собственных глазах. Полученное «коллективное прощение», безусловно, ускорило процесс интеграции этнических шведов в советское общество, одновременно табуируя опыт социализации гитлеровской Германии и демократической Швеции.

После распада СССР оставшиеся в Коми шведы эмигрировали из России в ФРГ. Так называемый немецкий поселок села Усть-Вымь прекратил свое существование. Лесопункт Башлыково исключен из учетных данных и на современных топографических картах обозначен как нежилой. В опустевших деревнях района сегодня живут старики. Газопровода нет, несмотря на то что в республике добывается газ. В поселке Вожаёль сохранились уникальные лагерные бараки и дом культуры Устьвымлага. Невзирая на протесты «Мемориала», решением администрации поселок Вожаёль подлежит закрытию и уничтожению. Уже сегодня туда не ходит рейсовый автобус, не работают магазины. Здание бывшего управления Устьвымлага разрушено. Страница трагической истории страны исчезает из пространства и памяти людей[2].

---

1 Utas J. Op. cit. S. 150–152. Не соответствующее действительности утверждение о прямой связи украинских шведов с солдатами Карла XII является интересным примером мифологизации этнической группой своего происхождения в политических целях.

2 Сокращенный журнальный вариант этой главы был опубликован ранее на шведском языке: Kotljarchuk A. Tv ngsnormaliseringens teknik och kollektivt motst nd. Ukrainasvenskar i Gulagarkipelagen // Historisk Tidskrift. 2011. № 1. S. 3–24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Депортация в Коми способствовала ускорению процессов нормализации шведских колонистов по предложенному сталинской диктатурой образцу. Фрагментация группы, искусственно созданный в годы ссылки демографический и культурный кризис общины привели к тому, что большинство шведов по возвращению на Украину быстро ассимилировались в среде славянского населения. Шведская церковь, которая интегрировала различные группы общины и способствовала консолидации самосознания, после войны не функционировала. Дети украинских шведов были лишены возможности изучать родной язык в школе. Употребление родного языка было ограничено и свелось к кратковременным речевым практикам в тех семьях, где оба родителя были шведы. Однако из-за малочисленности шведской общины после войны в деревне все более частыми становились смешанные браки. Постепенно русский и украинский языки заменили шведский язык в повседневном общении колонистов. Родившееся после депортации дети имели, как правило, славянские имена, получили антирелигиозное воспитание и не знали истории шведской общины[1]. Небольшая группа советских шведов была вынуждена принять новый стандарт идентичности. Единицы из членов общины, не согласных с угрозой потери собственной культуры, эмигрировали в 1963–1966 гг. в Швецию[2]. Изменения в коллективной идентичности привели к тому, что большинство членов старошведской общины усвоило ментальные и культурные стандарты *Homo sovieticus*. Количество шведского населения в УССР было ниже статистической границы в 500 человек и не отражалось в переписи населения 1959 и 1989 г. О существовании единственного в стране скандинавского поселения не подозревали даже лингвисты из академических центров Москвы и Ленинграда. Только в 1981 г. Академия наук Эстонии организовала единственную научную экспедицию в село[3].

---

[1] Проведенный анализ социальных отношений послевоенной жизни общины херсонских шведов сделан автором на основе многочисленных интервью с жителями села в 2004–2006 гг.

[2] Например, эмигрировавшая в 1965 г. из СССР в Швецию Матильда Нурберг сознательно дала своим детям шведские имена и самостоятельно научила их родному языку. Интервью автора с Матильдой Нурберг. Швеция, г. Рума. 1.08.2008 г.

[3] Juhkam E., Joalaid M. Reigi rootslaste järeltulijad Ukrainas // Keel ja Kirjandus. 1982. № 5. S. 240–245.

Процесс передачи шведской идентичности был прерван еще накануне войны. Посетивший в 1959 г. деревню корреспондент шведской коммунистической газеты «Ny Dag» Бертиль Вагнер отметил высокие темпы ассимиляции молодого поколения шведов в славянском окружении[1]. В 1981 г. журналист шведской коммунистической газеты «Norrskensflamman» Свен Бьельф констатировал распространение среди херсонских шведов смешанных браков и полную ассимиляцию молодого поколения, «едва говорившего по-шведски»[2].

Эксперименты тоталитарных режимов разрушили некогда сплоченную общину. В результате послевоенного передела границ из Польши в дома шведских и немецких колонистов были переселены «бойки» – представители западно-украинской этнографической группы. Отношения между украинскими переселенцами и шведскими старожилами складывались сложно[3]. Государственное насилие деформировало межличностные связи, оставив после себя страх и недоверие друг другу. Община херсонских шведов утратила главное, что выгодно отличало ее от других групп сельского населения, – солидарность. Характерный для шведской общины механизм защиты своих прав через коллективную акцию был утерян. Утрата солидарности была одним из факторов ускорения процессов ассимиляциии и усвоения херсонскими шведами нового стандарта идентичности[4]. Произошла, по словам Арсения Рогинского, «атомизация общества». Консолидированная этническая община разделилась на жертв Большого террора и тех, кто сотрудничал с НКВД; на бойцов Красной армии и солдат Вермахта; на тех, кто в 1945 г. прошел фильтрацию органов госбезопасности и вернулся из Германии домой, и тех, кто был сослан в Коми АССР.

В 1963 г. по доносу шведских соседей за сотрудничество с нацистским режимом был арестован и приговорен к длительному заключению ветеринар колхоза Эмиль Нурберг (1923–2005). Несмотря на протесты шведских граждан, направленные в Верховный совет СССР, приговор остался в силе. Вспоминая годы советского заключения, Эмиль Нурберг отмечал: «...я сидел 10 лет, затем 5 лет на поселении в Сибири. 15 лет – это, в принципе, немного. В любом случае мне было

[1] Wagner B. P bes k i Gammalsvenskby. Artikelserie // Ny Dag. 8.08.1959; 10.08.1959; 14.08.1959; 17.08.1959.

[2] Bjelf S. Anna, Erika, Ture och andra svenskar i Sovjetunionen. Moskva, 1984. S. 26–30.

[3] Кузовова Н. Документи з історії українських переселенців із Польщі у фонді Херсонського обласного комітету КП(б)У (1944–1947) // Архіви України. № 4. 2005. С. 219–226; Кабачій Р. Долі західних бойків в Україні // Наше слово. 7 мая 2006 г. № 19.

[4] Hann C. M. A village without solidarity. New-Haven; London, 1985. P. 109–115; 145–150.

не так тяжело, как в 1937 г., когда они забрали мою маму»[1]. В период правления Н. С. Хрущева между украинскими старошведами и их родственниками, живущими в Швеции, вновь возобновилась переписка, из которой жители села узнали, что десятки односельчан смогли в 1945 г. перебраться в Швецию. В 1959 г. Оскар Аннас жаловался шведскому корреспонденту на укрывшихся в Швеции служивших в местной полиции земляков, виновных в гибели его отца Юлиуса Аннаса: «... они все удрали вместе с немцами, живут теперь в Швеции и являются там почетными членами какого-то августовского комитета»[2]. В 1983 г. в деревню на один день заехал московский корреспондент шведского телевидения (*SVT*) Малькольм Дикселиус (Malcolm Dixelius). Власти произвели отбор подходящих для такой встречи собеседников, исключив родственников жертв Большого террора. Тем не менее шведский журналист все-таки стал свидетелем тлеющих в общине конфликтов. Одна шведская семья сообщила гостю, что их сосед Юханнес Портье после войны якобы работал в Скандинавии на советскую разведку. Вдова Дарья Утас передала через шведского журналиста письмо к правительству Швеции с требованием выдать СССР Эмиля Хермана, Юхана Хинаса и Юханнеса Кнутаса. Она обвинила проживающих в Швеции односельчан в службе в СС и Гестапо и в смерти в 1942 г. ее мужа Петтера К. Утаса[3]. Таким образом, травмы прошлого способствовали разжиганию в некогда консолидированной национальной общине межличностных конфликтов.

Из-за страха продолжения массовых репрессий шведы покидали родную деревню[4]. Альвина Утас (1918 г. р.), сестра пропавшего в 1938 г. председателя колхоза Юханнеса Утаса, уехала из Старошведского в 1939 г. Ей удалось выйти замуж по переписке за офицера Красной армии, проходившего службу на Дальнем Востоке. Переезд позволял замаскировать от окружающих «опасное» этническое происхождение. Однако избежать контроля тоталитарной власти, вторгавшейся в личную жизнь граждан, было невозможно. Валентина Утас вспоминает:

> Моя мама (Альвина Утас. – *А. К.*) в жизни очень много страдала от того, что была шведской национальности (нацменкой, как у нас называли), и боялась, что мне тоже придется много страдать. Она ведь была женой военного и работала в частях поваром. Поэтому чужим

---

1 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 418–420.

2 Wagner B. P bes k i Gammalsvenskby // Ny Dag. 10.08.1959; Августовский комитет (Augustikommitt n) – созданный правым шведским политиком Ярлом Йельмарсоном (Jarl Hjalmarson) антисоветский комитет, сорвавший запланированный на январь 1959 г. государственный визит в Швецию Н. С. Хрущева.

3 Hedman J., Åhlander L. Op. cit. S. 418–420.

4 Hinas N. Vi vände tillbaka // Svenskbyborna. 25 r i hemlandet. Visby, 1954. S. 86–95.

людям она не рассказывала, кто она по национальности, хотя в паспорте стояла национальность – шведка <...> В стране существовала цензура, во всяком случае, ей не разрешили писать письма родственникам на шведском языке. Пригласили в милицию и в назидательной форме попросили писать письма на русском языке[1].

Полученная в юности психологическая травма стала причиной закрытости жертв репрессий, которые не делились своими воспоминаниями с детьми. Дочь и внучка репрессированных советских шведов Надежда Попопа (урожденная Кнутас) подчеркивает:

Я сейчас понимаю, что страх присутствовал всегда у папы (Арвида Кнутаса. – *А. К.*), может, он в этом и не признается. Его можно понять теперь, когда открыты все архивы. Без слез эту жизнь вспоминать не получается. Папа до сих пор не хочет даже во дворе завести собаку, помнит, как травили в лагере собаками, и уговорить его не можем, так глубоко осталось это в памяти[2].

В конце 1963 г. одними из последних в Херсонской области жители села Змиевка обратились в прокуратуру с запросом о судьбе исчезнувших в 1930-х гг. родственников[3]. В своем обращении Эмма Утас спрашивала: «...мой муж Густав Утас работал в 1938 г. на комбайне на уборке хлеба и был выслан неизвестно куда, до сего времени я не имею его места жительства или его нет в живых?»[4] Христина Сигалет осторожно выясняла: «...мой муж Сигалет Семен Семенович 1899 г. р. по национальности швед. В 1937 г. он был арестован и репрессирован. И я с того времени не имею никаких известий о моем муже. Был ли он в чем виновен? За что его забрали? Может, что не так написала, я малограмотная»[5].

Дело по реабилитации шведских жертв вел военный трибунал Одесского военного округа. Следователи вызвали для допроса десятки свидетелей преступления, подтвердивших полную невиновность жертв. Председатель сельсовета и член партии Макар Шурдук отказался от своих показаний 1937–1938 гг. и заявил, что его подпись в материалах дела, в том числе на характеристиках на арестованных, подделана[6]. Следствие не обнаружило сведений о причастности колонистов к шведской разведке. 21 апреля 1964 г. генерал-майор юстиции В. Даньшин отменил постановление особой тройки УНКВД Ни-

---

[1] Письмо Валентины Утас (1955 г. р.) автору. 21.05.2007.

[2] Электронное письмо Надежды Поповой автору. 18.06.2007.

[3] Голобородько Ю. Гіркий біль правди // Реабілітовані історією. Херсонська область / ред. А. О. Бабич. Херсон, 2005. С. 305.

[4] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 17. Л. 158.

[5] Там же. Оп. 4. Д. 359. Л. 263.

[6] Там же. Оп. 5. Д. 364. Л. 47.

колаевской области от 27 сентября 1938 г. «за отсутствием состава преступления»[1]. Дактилоскопической экспертизы по заявлению Шурдука не проводилось. Никто из бывших работников органов госбезопасности и прокуратуры к пересмотру дела не привлекался и не понес наказания за массовые убийства невинных граждан.

Главный исполнитель массовых репрессий в колонии, начальник Бериславского отдела НКВД Д. А. Давиденко-Эдвабник еще в 1939 г. был уволен из органов с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования»[2]. Заместитель начальника следственной части МГБ СССР Б. В. Родос, начинавший свою службу на посту секретаря Бериславского ГПУ, был расстрелян в 1956 г. Однако большинство молодых «сталинских соколов» избежало наказания и сделало после войны стремительную карьеру. Многие из них достигли высоких постов. Так, прокурор Бериславского района в 1937 г. Р. А. Руденко с 1953 по 1981 г. занимал должность генерального прокурора СССР. Прокурор Николаевской области в 1938 г. И. Д. Ланчуковский работал на посту заместителя прокурора Одесской области. Начальник Херсонского городского отдела НКВД старший лейтенант П. И. Катков дослужился до заместителя начальника МГБ по Николаевской области. Наличие высокопоставленных фигурантов, по-видимому, стало главной причиной вялого расследования дела по реабилитации старошведов.

Как бывшие фольксдойче, шведы оставались до конца 1980-х гг. под негласным контролем КГБ, манипулировавшего судьбами людей. Так, в 1971 г. начальник особого отдела воинской части 44259 подполковник Нефедов обратился к начальнику 10 отдела управления КГБ по Херсонской области с просьбой «в связи с оперативной надобностью <...> выслать архивные компрматериалы № 8966 на Утаса Ивана Ивановича 1927 года рождения, уроженца Бериславского района Херсонской области для ознакомления»[3].

Родственники жертв Большого террора в СССР и Швеции не узнали всей правды. Скрывая масштабы репрессий, в СССР фальсифицировали юридические документы. Как известно, с конца 1950-х гг. государственные органы выдавали родственникам справки и свидетельства о смерти с указанием фальшивой причины, даты и места смерти граждан, расстрелянных в ходе массовых репрессий[4]. У жертв

[1] Там же. Д. 17. Л. 182.

[2] Ответ начальника архива СБУ Украины С. Кокина на запрос автора книги. 18.06.2010.

[3] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 1. Д. 1276. Л. 178. Учетное дело на Утас Ивана Ивановича.

[4] Кузнецов И. Н. История политических репрессий: термины, понятия, определения // Гістарычны Альманах. № 9. 2004. С. 77–91.

не было могил, их не хоронили, а прятали в неизвестных местах, забросав землей. Однако по версии органов безопасности, все они умерли своей смертью в лагерях ГУЛАГа, в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Преступления сталинской власти против человечества стали главным табу позднего СССР. Узнать правду о расстрелянных родственниках стало возможно только после появления приказа КГБ СССР № 33 от 30.03.1989 г. 2 октября 1990 г., выполняя директиву начальства, управление КГБ по Херсонской области в ответе на запрос семьи Кнутас из Сыктывкара о судьбе отца Густава Кнутаса признало:

> Ваш отец расстрелян 1 ноября 1938 года, по всей вероятности в Херсоне. Место его захоронения неизвестно. В 1966 г. при регистрации смерти Кнутаса Г. Х. в отделе Загса Бериславского райисполкома допущена неточность <...> указано, что Кнутас Г. Х. умер 17 ноября 1943 года в местах лишения свободы от крупозной пневмонии[1].

К сожалению, тема Великой Отечественной войны все еще продолжает использоваться в политических целях. Сегодня на юге Украины, так же как в России и Беларуси, память о Великой Отечественной войне зачастую вытесняет память о годах террора. Между тем, как писал Варлам Шаламов, «разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедший в психологию каждой семьи? Этот вопрос много важнее темы войны»[2].

Полная реабилитация жертв и возвращение запрещенной памяти стали возможными только после распада СССР. Многие потомки старошведов узнали о трагической судьбе своих родителей в XXI в. от автора этих строк. Житель Камышина Андрей Утас так отреагировал на информацию о смерти своего деда:

> Получил Ваше письмо, из которого узнал, как и когда погиб мой дед Утас Юлиус Андреевич. К сожалению, мой отец умер, так и не узнав об этом <...>. В 1937 г. после повторного «раскулачивания» и ареста моего деда были конфискованы дом, хозяйство, а всю семью выслали на остров на выживание. К сожалению, такая же судьба постигла миллионы людей в сталинский период. Андрей, спасибо, что благодаря Вам хотя бы нам, внукам, стали известны обстоятельства гибели нашего деда, ведь нам это тоже небезразлично[3].

В начале этого века в селе Змиевка на деньги шведских организаций был установлен памятный крест и памятник с именами жертв Большого террора. Одновременно украинской общественностью в

---

[1] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 364. Л. 77.

[2] Цит. по: Шаламов В. Т. Колымские рассказы. Стихотворения. М., 2008. С. 26.

[3] Письмо Андрея Утаса автору. 08.06.2007.

селе было открыто несколько национальных памятников, среди них мемориал «Борцам за волю Украины», посвященный бойцам Украинской народной республики и Украинской повстанческой армии, и памятный знак, установленный в 50-летнюю годовщину переселения польских украинцев. Сегодня в селе Змиевка действуют униатский и православный украинские приходы (последний в здании шведской кирхи). Таким образом, в результате послевоенных миграций населения и перестройки культурно-исторического ландшафта бывшая шведская колония превратилась в один из центров украинской культуры Херсонской области.

Обилие мемориалов, выставок и программ, обширная историография сталинских репрессий на Украине помогает современному обществу глубже анализировать собственное прошлое. Тем не менее отсутствие правовой оценки политики Большого террора по-прежнему размывает моральные нормы. Невзирая на протесты общественности, в Херсоне по-прежнему стоят памятники Ленину и Дзержинскому, а улица, ведущая к областному управлению службы безопасности, называется «ул. Чекистов». В 2002 г. увидело свет юбилейное издание службы безопасности Украины с предисловием В. Ф. Януковича. В посвященной молодым работникам СБ книге предпринята попытка оправдать массовые репрессии 1930-х гг.:

> В годы первых пятилеток и коллективизации сельского хозяйства враг уже не мог открыто выступать с оружием в руках, как это было в начале 20-х годов. Теперь он маскировался под советского служащего, активиста, профсоюзного деятеля, специалиста народного хозяйства. И распознать его было нелегко. Но чекисты умели находить классового противника, под какой бы личиной он ни скрывался <...> Сегодняшние ветераны – живая память истории органов госбезопасности в Донбассе. Приняв эстафету от чекистов 20–30-х годов, они передают ее молодому поколению сотрудников Службы безопасности, воспитывая их в духе патриотизма и беззаветного служения своей Родине[1].

Не понесшие наказания палачи стали воспитанниками руководящего состава правоохранительных органов позднего СССР, передавших свой «опыт» молодому поколению сотрудников постсоветских стран. 7 сентября 1938 г. прокурор Николаевской области И. Д. Ланчуковский составил очередное согласование на направление в Особое совещание при НКВД СССР дела по обвинению Густава Кнутаса. По мнению прокурора, швед Г. Х. Кнутас, обвиненный следователями

[1] Зуєв В., Кулага І. Органи державної безпеки в Донецькій області: спогади, факти, документи. Донецьк, 2002. Цит. по: Рябчук, Микола. Зона відчуження. Українська олигархія між Сходом і Заходом. Київ, 2004. С. 189–191.

НКВД в участии в организации второй эмиграции шведов в Швецию, являлся «организатором эмиграционного движения немецкого населения по выезду немцев из СССР»[1]. Посылая невинного человека на верную смерть, Ланчуковский даже не удосужился прочитать следственное дело. В наши дни это не помешало прокурору Николаевской области Н. С. Стоянову поставить сталинского прокурора в пример молодым сотрудникам. В юбилейном интервью по случаю 70-летия областной прокуратуры, созданной в приснопамятном 1937 г., он заявил следующее: «Мы склоняем головы перед легендарными фигурами первых прокуроров, без которых невозможно представить день сегодняшней нашей прокуратуры – Ланчуковского, Грешнова <...> и других»[2].

Рецидивы сталинизма будут сотрясать Украину до тех пор, пока государство не даст правовую оценку действиям конкретных лиц из сталинского аппарата, пока не будет осуществлена эксгумация и перезахоронение всех жертв массовых репрессий, пока власть не возместит моральный и материальный ущерб жертвам коллективизации, Голодомора, Большого террора и послевоенных депортаций. До тех пор пока это не сделано, современное украинское государство остается на стороне советского диктаторского режима, а не его жертв. Отсутствие судебных решений, безнаказанность тех, кто от имени государства совершал массовые убийства, подрывает перспективы демократического развития Украины.

История шведской колонии показывает, что практически каждый из экспериментов тоталитарной власти имел шанс на успех. С этой точки зрения, речь идет не просто об «истории сталинизма», а об «истории сталинизмов». При всей вариативности сталинской политики технология принудительной нормализации совпадает с практиками, описанными Мишелем Фуко и Альберто Мелуччи. Исходным моментом всех экспериментов по изменению коллективной идентичности шведских колонистов было формирование нового исторического канона и нового видения будущего. Направленная в первую очередь на исполнителей эксперимента концепция позже внедрялась в массовое сознание шведских крестьян. Стартовой площадкой эксперимента было создание новых административных и социальных границ. С помощью нового стандарта идентичности, системы привилегий и микро-штрафов власть стремилась создать из самобытной общины херсонских шведов удобную для нее людскую массу. Особое внимание уделялось созданию новой социальной лестницы внутри

---

[1] ДАХО. Ф. Р-4033. Оп. 5. Д. 364. Л. 26–29.

[2] 70 лет под прокурорским надзором // Николаевские новости. 17.10.2007. № 125.

общины. Тоталитарный характер реформ не предоставлял колонистам выбора. Интересно, что в этом политика сталинского режима мало чем отличалась от политики нацистской Германии.

Микроисторический подход и устные свидетельства позволили проанализировать стратегию коллективного сопротивления шведской общины – наименее изученную часть процесса принудительной нормализации. В своих первых экспериментах власти не учли способности шведских колонистов к коллективной юридической защите и использованию внешнеполитических связей со Швецией. Отработанная колонистами в Шведском королевстве и Российской империи стратегия сопротивления сработала и в советский период. Добиваясь от власти уступок, херсонская община шла в том числе и на радикальные акции протеста, такие как отказ от земли или петиция к правительству капиталистической Швеции. Эксперименты советской власти под эгидой украинских национал-коммунистов и международного коммунистического движения предполагали сохранение национального сознания колонистов. В 1937–1938 гг. очередным проектом центрального правительства предусматривалась насильственная ассимиляция шведских колонистов и ликвидация национальных институтов села Старошведское. Сделать это без этнических чисток и репрессий было невозможно. Открытое насилие и изоляция колонии от внешнего мира в годы Большого террора подавили всякую способность колонистов к сопротивлению, проложив дорогу к их окончательной советизации. Депортация старошведского населения на север России закрепила успех последнего сталинского проекта.

Принудительная нормализация как выработка, в понимании Мишеля Фуко, формулы сосуществования власти и общества достигла своего результата. Ценой нормализации стала утрата шведским меньшинством Украины этнического самосознания. Только 18 из 111 зарегистрированных на сегодня в Херсонской области граждан шведской национальности владеют шведским языком[1]. Молодое поколение северочерноморских шведов идентифицирует себя с украинским этносом и православным вероисповеданием[2]. Шведская колония на берегах Днепра доживает последние дни своей удивительной и трагической истории.

---

[1] Всеукраинская перепись населения 2001 года. URL: www.ukrcensus.gov.ua

[2] Dolinski W. Mniejszo szwedzka na Ukrainie: Dylematy to samo ciowe przedstawicieli trzech pokole Szwed w we wsi Zmijivka na Cherso szczy nie // Sprawy narodowo ciowe. Oryginalne badania własne student w / red. Z. Kurcz. Wrocław, 2003. S. 233–253.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР – Автономная советская социалистическая республика

БССР – Белорусская советская социалистическая республика (бел. *Беларуская савецкая сацыялістычная рэспубліка*)

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков

ВУЦИК – Всеукраинский центральный исполнительный комитет (укр. ВУЦВК – *Всеукраїнський центральний виконавчий комітет*)

ГДА СБУ – *Галузевий державний архів Служби безпеки України*

ГПУ – Главное политическое управление

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения

ДАОО – *Державний архів Одеської області*

ДАХО – *Державний архів Херсонської області*

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала

КГБ – Комитет государственной безопасности

КНС – *Комітет незаможних селян*

КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины (укр. *Комуністична партія (більшовиків) України*)

КУНМЗ – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Мархлевского

МГБ – Министерство государственной безопасности

МТС – Машинно-тракторная станция (укр. *Машинно-трак торна станція*)

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НП – *Наддніпрянська Правда*

ОСОВИАХИМ – Общество содействия авиационным и химическим частям

РГАОПДФ – Республиканский архив общественно-политических движений и формирований Коми

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия (укр. РСЧА – *Робітничо-Селянська Червона Армія*)

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СБУ – *Служба безпеки України*

СНК	– Совет Народных Комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
США	– Соединенные Штаты Америки
ТАСС	– Телеграфное агентство Советского Союза
УНКВД	– Управление народного комиссариата внутренних дел
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика (укр. УРСР – *Українська радянська соціалістична республіка*, до 1937 г. – УСРР, *Українська соціалістична радянська республіка*)
ЦДАГО	– *Центральний державний архів громадських об›єднань України*
ЦК	– Центральный комитет
ЦКНМ	– Центральная комиссия национальных меньшинств (укр. *Центральна комісія національних меншин*)
ШКПК	– Шведская коммунистическая партия секция Коминтерна (швед. *Sveriges kommunistiska parti, sektion av Komintern*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список старошведов – жертв Большого Террора 1937–1938 гг.[1]

	Фамилия, имя отчество Namn	Год рождения	Дата ареста	Приговор, дата исп.
1	**Анос** Андрей Петрович (*Annas Andreas Petersson*)	1870	16.07.38	Расстрел 15.10.38
2	**Анос** Христофор Андреевич (*Annas Kristoffer Andreasson*)	1889	17.02.38	4 года 18.04.39
3	**Белио** Мери Янсовна (*Belio-Knutas Maria Johansdotter)*	1899	30.06.37	Расстрел 17.11.37
4	**Геренберг** Готлиб Семенович (*Hernberg Gottlieb Simonsson*)	1881	29.09.38	Расстрел 15.10.38
5	**Герман** Карл Вильгельмович (*Herman Karl Wilhelmsson*)	1905	10.12.37	10 лет
6	**Герман** Христиан Андреевич (*Herman Kristian, Andreasson*)	1878	13.10.37	Расстрел 27.11.37
7	**Герман** Якуб Андреевич (*Herman Jakob Andreasson*)	1882	16.07.38	Расстрел 15.10.38
8	**Гинас** Альвина Вильгельмовна (*Hinas Alvina Wilhelmsdotter*)	1896	13.10.37	Расстрел 27.11.37
9	**Гинас** Иван Христанович (*Hinas Johan Kristiansson*)	1891	16.07.38	Расстрел 15.10.38
10	**Кнутас** Густав Христианович (*Knutas Gustav Kristiansson*)	1898	13.02.38	Расстрел 01.11.38
11	**Кнутас** Иван Петрович (*Knutas Johannes Petterson*)	1912	16.07.38	Освобожден 16.09.38
12	**Кнутас** Иван Петрович (*Knutas Johannes Petterson*)	1911	12.07.38	Расстрел 15.10.38
13	**Кнутас** Отто Петрович (*Knutas Otto Petterson*)	1904	12.07.38	Расстрел 25.10.38
14	**Кнутас** Петр Генрихович (*Knutas Petter Hindriksson*)	1882	05.11.37	Расстрел 20.01.38

[1] Русский вариант имен и фамилий в приложении передается в искаженной форме согласно следственным делам НКВД. Шведская форма имен и фамилий передается согласно метрическим книгам старошведского лютеранского прихода. В шведском языке отчество не употребляется, однако в старошведской колонии отчество использовалось по причине совпадения у ряда жителей фамилии и имени.

	Фамилия, имя отчество Namn	Год рождения	Дата ареста	Приговор, дата исп.
15	**Кнутас** Петр Иванович (*Knutas Petter Johansson*)	1894	13.10.37	Расстрел 27.11.37
16	**Мальмас** Петр Семенович (*Malmas Petter Simonsson*)	1888	05.11.37	Расстрел 20.01.38
17	**Нурберг** Иван Петрович (*Norberg Johan Petterson*)	1878	13.10.37	Расстрел 27.11.37
18	**Нурберг** Матвей Матвеевич (*Norberg Mattias Mattsson*)	1898	13.10.37	Расстрел 27.11.37
19	**Нурберг** Семен Григорьевич (*Norberg Simon Greisson*)	1887	13.10.37	Расстрел 27.11.37
20	**Нурберг** Маргарита Андреевна (*Norberg Margareta Andreasdotter*)	1891	16.07.38	Освобождена 16.09.38.
21	**Сигалет** Анна Петровна (*Sigalet Anna Pettersdotter*)	1898	16.07.38	Освобождена 16.09.38.
22	**Сигалет** Семен Семенович (*Sigalet Simon Simonsson*)	1899	13.10.37	Расстрел 27.11.37
23	**Спичак** Альвина Петровна (*Spichak-Knutas Alvina Pettersdotter*)	1910	16.07.38	Освобождена 16.09.38.
24	**Утас** Владимир Васильевич (*Utas Woldemar Wilhelmsson*)	1891	05.11.37	Расстрел 20.01.38
25	**Утас** Генрих Андреевич (*Utas Hindrik Andreasson*)	1881	1937	Расстрел ?
26	**Утас** Густав Эдуардович (*Utas Gustav Edvardsson*)	1901	16.07.38	Расстрел 15.10.38
27	**Утас** Иван Иванович (*Utas Johannes Johansson*)	1909	16.07.38	Расстрел 15.10.38
28	**Утас** Петр Эдуардович (*Utas Petter Edvardsson*)	1907	13.10.37	Расстрел 27.11.37
29	**Утас** Юлиус Андреевич (*Utas Julius Andreasson*)	1883	14.12.37	Расстрел 29.12.37

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список сотрудников НКВД и прокуратуры, ответственных за организацию Большого террора в селе Старошведское Украинской ССР в 1937–1938 гг.

	Фамилия, имя, отчество	Звание	Должность	Дальнейшее прохождение службы
1	Гончаренко		оперуполномоченный Бериславского РО НКВД	неизвестно
2	Гордин		следователь УНКВД по Николаевской области	неизвестно
3	Давиденко-Эдвабник Давид Борисович	мл. лейтенант госбезопасности	начальник Бериславского РО НКВД (1937) начальник 3 отделения Херсонского ГО НКВД (1938)	уволен в 1939 г. из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования»
4	Катков Павел Иванович	ст. лейтенант госбезопасности	начальник Херсонского ГО НКВД (1938)	1939–1940: в. р. и. д. начальника УНКВД по Николаевской области 1942–1944: СМЕРШ 1944–1950: зам. начальника НКГБ–МГБ Николаевской области
5	Козарь		помощник оперуполномоченного Херсонской межрайонной опергруппы	неизвестно
6	Колюжный	сержант милиции	милиционер Бериславского РО НКВД	неизвестно
7	Крюковский	лейтенант госбезопасности	комендант УНКВД по Николаевской области (1938)	неизвестно
8	Ланчуковский И. Д.		прокурор Николаевской области	1942–1944: прокурор Ивановской области 1957: зам. прокурора Одесской области
9	Матвеенко	лейтенант госбезопасности	оперуполномоченный Херсонского ГО НКВД	неизвестно

	Фамилия, имя, отчество	Звание	Должность	Дальнейшее прохождение службы
10	Меркулов	лейтенант госбезопасности	оперуполномоченный Бериславского РО НКВД	неизвестно
11	Павленко		и. о. коменданта УНКВД по Николаевской области (1937)	1941: начальник УНКВД Днепропетровской области
12	Пастухов	сержант милиции	милиционер Бериславского РО НКВД	1946: начальник Бериславского РО МВД
13	Подгора	ст. лейтенант госбезопасности	начальник Бериславского РО НКВД (1938)	неизвестно
14	Шейнберг Самсон Моисеевич	мл. лейтенант госбезопасности	секретарь особой тройки УНКВД Николаевской области	1941–1942: сотрудник особого отдела НКВД Юго-Западного фронта

SUMMARY IN ENGLISH

In the Forge of Stalin. Swedish Colonists of Ukraine in Totalitarian Experiments of the Twentieth Century

The Swedish colony of Gammalsvenskby (*Старошведское*) was founded 1782 on the lands of New Russia (*Новороссия*) by fishermen from the island of Dagö/Hiiumaa in the Baltic Sea. Villagers had frequent contacts with Sweden and the Grand Duchy of Finland throughout the nineteenth century. A number of Swedish cultural institutes (school, new church, library, chorus etc.) were built due to the Scandinavian aid in the village and as consequence the colonists received "an inoculation" of modern Swedish nationalism.

During the first half of the 20th century the Swedish community near the Black Sea became the subject of the series of social experiments on the part of the different political regimes. The aim was to change the collective identity of the colonists and creation of loyalty of Swedes towards the new authorities. In 1923–1929 in the village under the guidance of the Ukrainian Central Commission for the National Minorities (*ЦКНМ*) the politics of the indigenization was provided with the aim of transforming former foreign colonists of the Russian Empire into a loyal ethnic minority of the Soviet Ukraine. However in 1929 the whole village (888 persons) emigrated to Sweden after negotiations between the Swedish and Soviet governments.

In the historic fatherland a new large scale experiment was undertaken under the control of the specially created Committee (*Gammalsvenskbykommittén*). The aim of this experiment was to fully integrate the «archaic» Ukrainian Swedes into the modern Swedish society through their transformation into the successful Swedish farmers. The emigrants were denied a separate settlement in Sweden and newcomers were dissolved throughout the country to undergo «instruction of the Swedish norms of economic and every day activities». Appointed by the Committee inspectors were monitoring all the aspects of the integration of the old Swedes into the Swedish society.

About 300 Swedish colonists who were not agree with the policy of Sweden voluntarily returned to the Soviet Union according to their own will. There in *Röda Svenskby* during five years under the guidance of the Comintern and rule of the Swedish Communist Party led by Hugo Sill én the experiment on the implementing the first Swedish kolkhoz and Swedish intentional community in the Soviet Union took place.

The Soviet Union was unlike many other states in the world. This difference concerns not only the abolishment of private property and the dictatorship of the Communist Party, but also a nationalities policy based on internationalism. While ethnic minorities faced discrimination across Europe, the Soviet Union proclaimed in 1923, and then realized, a policy of full support of cultural and linguistic rights for ethnic minorities. However this policy changed dramatically when, in 1937, the Soviet government and the secret police (NKVD) started a mass operation in order to execute members of several ethnic minorities. For fourteen months in 1937 and 1938 roughly 250,000 people representing some 25 ethnic minorities from Finns to Iranians were executed by NKVD. The mass arrests did occur in *Gammalsvenskby* in 1937–1938 and included 22 individuals from 41 Swedish families. The promotion of the Swedish culture was fully stopped simultaneously with the era of terror. In 1938 the Swedish school was closed, the national village council was dismissed and the administrative positions there were taken by non-locals.

During World War II Swedish colonists accepted the status of *Volksdeutsche*. In 1943 all villagers together with their German neighbours were evacuated to Germany by the Nazi occupation forces. In 1945 about a hundred of the returning Ukrainian Swedes were deported by the Soviet secret police (NKVD) to the Komi autonomous republic – a Finno-Ugric region in northern Russia. The government decided to settle all former *Volksdeutsche* in the Gulag area alongside other enemies of the Soviet state «until further notice». The main purpose of the displacement and isolation of this «special contingent» was «to make them true Soviet citizens».

Within the theoretical framework provided in the works of Michel Foucault and Alberto Melucci the author analyzes the techniques of forced normalization used by the Stalinist totalitarian state in order to reorient the cultural and linguistic identity of a Swedish ethnic group. The book is based on the archival sources in the repositories of Ukraine, Sweden and Russia.

Keywords: *forced normalization, collective resistance, nationalities policy, Soviet Union, Swedish minority, Great terror, Stalin's leadership, deportation.*

SAMMANFATTNING PÅ SVENSKA

I Stalins smedja. Ukrainasvenskar i 1900-talets totalitära experiment

B nderna i Gammalsvenskby har en historia som erbjuder en unik m öjlighet att studera de totalitära mekanismernas inverkan på människan under 1900-talet. Inom ramen f r Michel Foucaults och Alberto Meluccis teorier analyseras i boken den sovjetiska tv ngsnormaliseringens tekniker. Dessa användes framg ngsrikt av myndigheterna för ideologisk och lingvistisk omst pning av Ukrainasvenskarna, men boken visar ocks hur de senare gjorde kollektivt motst nd.

År 1782 grundades en svensk koloni i Nya Ryssland i nuvarande s dra Ukraina. Från 1800-talet och fram t hade svenskbyborna täta kontakter med Sverige och beh ll sin svenska identitet och kultur. Kolonin anlades efter en ukas av Katarina den stora, och åren 1790–1791 skickades även krigsfångar från det svensk-ryska kriget till Gammalsvenskby. Den svenska byn vid stranden av Dnjepr, inte l ngt fr n dess utfl de i Svarta havet, är den enda skandinaviska bosättningen i Eurasien ster om Finland. N got som vid 1900-talets b rjan var utmärkande f r svenskbyborna var den h ga graden av etnisk självmedvetenhet. Svenskbyborna s g sig som svenskar och behärskade sitt modersm l b de i dialektformen (svenskbym l) och standardformen (rikssvenska). Vid mitten av 1800-talet hade svenskbyborna etablerat fasta kontakter med Konungariket Sverige och svenskarna i Storfurstend met Finland. Tack vare dessa kontakter kunde man i byn bygga upp svenska institutioner: en skola, en f rsamling, ett bibliotek samt en k r. P s sätt stadkoms en inympning av den moderna nationalismen. Religi st sett var byborna svenska lutheraner. Kyrkan i Gammalsvenskby var den f rsta lutherska helgedomen i Nya Ryssland och f rsamlingen var aktiv mellan 1782 och 1929. I socioekonomiskt och juridiskt hänseende var b nderna i det Svenska distriktet utländska bosättare i tsarens imperium, och fram till de borgerliga reformerna hade man l ngtg ende privilegier samt visst politiskt självstyre.

Under den stalinistiska regimen (1923–1953) blev den svenska bosättningen vid Svarta havet f rem l f r ett antal experiment. M let f r experimenten var att göra svenskbyborna mer lojalt inställda till den nya regimen genom att förändra deras kollektiva identitet. Åren 1923–1929 genomf rdes i Sovjetunionen en stark nationell politik av etnisk anpassning, som innebar att man starkt gynnade de sm minoriteternas spr k. Samtidigt prioriterade man dessa minoriteter vid rekrytering till offentliga tjänster. I Ukraina implementerades politiken under ledning av

Centralkommissionen f r nationella minoriteter. M let var att av dessa tidigare utländska bosättare i det ryska imperiet skapa en lojal etnisk minoritet i Ukraina, men troligen p grund av ekonomiska och kulturella sv righeter valde svenskbyborna i stället att utvandra till Sverige.

Efter det att nästan hela byn (888 personer) hade utvandrat, genomf rdes ytterligare ett omfattande projekt, denna g ng i Sverige under kontroll av Gammalsvenskbykommitt n, en särskild myndighet upprättad av den svenska regeringen. Experimentet gick ut p en fullständig integration av de «forntida» svenska kolonisterna i det moderna svenska samhället genom att f rvandla dem till «framg ngsrika svenska b nder». De emigrerade svenskbyborna tilläts inte att bilda en separat bosättning, utan de spreds ut ver hela landet f r att «lära sig de svenska reglerna inom ekonomi och vardagsliv». De flesta svenskbyborna fick svenskt medborgarskap relativt omg ende. Särskilda av kommitt n utsedda inspekt rer kontrollerade olika aspekter av integreringen av denna «svenskarnas f rlorade stam».

En del av svenskbyborna (ca 300 personer) teremigrerade genom ren till Sovjetunionen av ideologiska skäl samt som ett uttryck f r sin ovilja att underordna den svenska politiken. Efter deras terkomst till R da Svenskbyn (*Красношведское*) genomf rdes där ren 1930–1936 ett experiment administrerat av Komintern och under ledning av kommunister fr n Sveriges kommunistiska parti. Experimentet gick ut p att bygga upp den f rsta svenska kolchosen och byr det i Sovjetunionens historia.

Under «NKVD:s nationella operationer» ren 1937–1938 arresterades och arkebuserades 22 svenskbybor, anklagade f r att ha byggt upp en «svensk kontrarevolutionär spionorganisation». Mellan augusti 1937 och november 1938 avrättades totalt 247 000 sovjetiska medborgare fr n omkring 25 olika etniska nationaliteter i «de nationella operationerna». Bland dem fanns tyskar, polacker, finnar, samt letter och grekar. Avrättningarna beslutades utan inblandning av domstolsväsendet av en s kallad trojka, best ende av den lokala chefen f r NKVD, partisekreteraren och klagaren. Offren d dades nattetid p särskilda platser, bevakade av hemliga polisen, som sedan fick d lja alla sp r. Efter den massiva terrorv gen avskaffades 1938 alla nationella administrativa, ekonomiska och kulturella institut – det nationella byr det, den svenska kolchosen, den svenska skolan, den lutherska f rsamlingen och studiecirkeln om svensk kultur. Detta assimileringsprojekt, som gick ut p att med terror «normalisera» den svenska minoriteten, avbr ts av andra världskriget.

Den tyska ockupationen av Ukraina 1941–1943 medf rde att svenskbyborna blev offer f r ännu ett experiment, denna g ng i form av nazisternas germanisering av den svenska befolkningen. Med utg ngspunkt i svenskarnas rastillh righet erbj d den nazistiska regimen dem ställning som *Volksdeutsche*. Byn fick namn *Altschwedendorf* och stod under

Schutzstaffelns (SS) särskilda bevakning och kontroll. Det ppnades en tysk skola och det fanns ocks en aktiv avdelning av Hitlerjugend samt en hemvärnsstyrka i byn. Ungdomar massrekryterades till tjänstg ring inom polisen och arm n. Vid samma tid (1941) utpl nades den judiska befolkningen i grannbosättningarna Novyberyslav och Lvovo av SS:s Einsatz-grupper i syfte att stadkomma ett «rasmässigt rent livsrum f r Volksdeutsche». Efter det att byns befolkning deporterats till Tredje riket i oktober 1943, fortsatte germaniseringspolitiken gentemot de ukrainska svenskarna. I Tyskland fick svenskbyborna tyskt medborgarskap och rätt till sociala bidrag och f rm ner.

Den deportation av svenskbyborna fr n Tyskland till sovjetrepubliken Komi som f ljde h sten 1945, innebar en fortsättning p Stalins normaliseringsprojekt och fick särskild betydelse med tanke p att svenskarna under s l ng tid hade p verkats av nazipropagandan. Efter att ha vistats i filtrationsläger f rvisades svenskbyborna i egenskap av Volksdeutsche till norra Ryssland med uppgift som gavs till säkerhetspolisen f r deportationsärenden: «att av op litliga element skapa medvetna byggare av det socialistiska samhället».

Den stalinistiska staten f rs kte vid flera tillfällen f rändra svenskbybornas kollektiva identitet. De skulle «normaliseras» och bli goda sovjetukrainska medborgare, medlemmar av internationella kommunistiska r relsen, medvetna byggare av det socialistiska samhället o.s.v. Boken representerar ett f rs k att belysa svenskbybornas de i Sovjetunionen genom det prisma som erbjuds av Michel Foucaults begrepp «tv ngsnormaliseringens teknik» och Alberto Meluccis «f rändringar i den kollektiva identiteten». Det är inte meningsfullt att i regimens handlingar s ka tydliga ekonomiska eller andra m l av logisk art. Varje politisk regim har sin egen teknologi, men det finns bara en enda metod – v ld. Denna bok handlar om människornas m te med en makt som aldrig riktigt accepterade deras identitet.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

История сталинизма

Котлярчук Андрей

«В КУЗНИЦЕ СТАЛИНА»: шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *А. В. Голубцова*

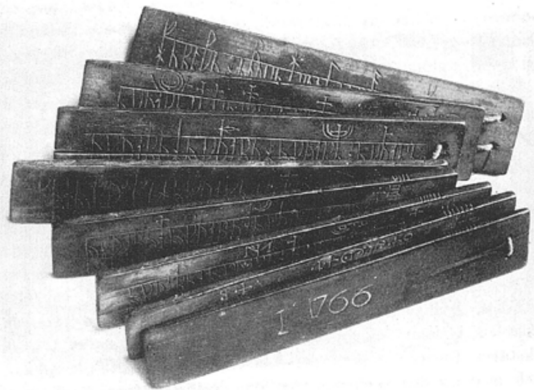
ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.07.2012.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция),
334-82-42 (отдел реализации)

Введение

Шведская карта южной части СССР 1930 г. Фрагмент. Размещение на карте старошведской деревни (Gammalsvenskby) свидетельствует о значении колонии в национальном дискурсе Швеции.
Источник: Svensk världsatlas. Stockholm. 1930

Рунический календарь из дерева, изготовленный шведскими колонистами в 1766 г. и вывезенный ими с острова Даго в Новороссию.
Источник: Северный музей, Швеция

Шведы острова Даго.
Источник: Гравюра Германа Шлихтинга. 1855 г.

«Старая» деревянная кирха старошведской колонии возведенная в 1787 г.
Источник: рисунок Матса Утаса

Могильный камень с надписью на шведском языке. 1892 г. Надпись на памятнике: Här vilar Matson Johan/F d 1857/D d 1892. S v i Fred/Den som tror p mig skall leva om han än d r (Johannes 11:25-26).
Источник: Кладбище села Змиевка. Фото Андрей Котлярчук. 2006 г.

«Новый» каменный храм старошведского лютеранского прихода Св. Юханнеса возведенный в 1885 г. на пожертвования Швеции. Современный вид, после перестройки 1989 г. в православный храм. *Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2007 г.*

Групповое фото старошведских колонистов. Около 1900 г.

Старший унтер-офицер российской императорской армии Вольдемар Кнутас с женой Аделиной и Эльзой Утас. 1917 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции (Förening Svenskbyborna).

Свадебное фото. Юсеф Кнутас и Кристина Нурберг. 1885 г.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом (Arvid Norberg): www.gammalsvenskby.se

М. В. Д.

СТАРО-ШВЕДСКАГО
ВОЛОСТНОГО СУДА
Херсонскаго уѣзда
и губерніи.

Декабря 11 дня 190 0 г.

№ 40

Его Высокоблагородию
Господину Приставу Гр.
Берислава

Рапортъ.

Рапорт старошведского волостного суда приставу Берислава. 1900 г. *Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)*

Фотография неизвестного мальчика на игрушечной лошадке. Старошведская колония. До 1917 г. *Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом*

Петтер Нурберг и Мария Кнутас. Свадебное фото. 1919 г.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом

Кристоффер Хуас – пастор старошведской лютеранской церкви.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Эмма Скарстедт Хуас – жена пастора Кристоффера Хуаса.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Рождественский вечер 1922 г. в доме вдовы Марии Нурберг. Один из редких видов интерьера старошведского дома, украшенного традиционной ёлкой и веночками, шведскими флажками и репродукциями. Слева направо: неизвестный сотрудник советской власти, представитель шведского Красного Креста, офицер Ёста Седергрен (G sta Cedergren), Кристина, Мария, Юлия и Анна Нурберг, представитель шведского Красного Креста Вальтер Хеббель (Walter Hebbel), Якоб Кнутас, Кристина Мутас, Эмма Скарстедт Хуас и Кристоффер Хуас. Дети: Оскар Нурберг, Эмиль и Сигфрид Хуас.
Источник: Svenskbyborna 60 år i Sverige 1929-1989. Red. Jan Andréasson-Utas. Visby. 1989. S. 97

Петер Бускас – староста села Старошведское в царское время.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом

Юван Бускас – церковный староста старошведского прихода.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом

Жители села Старошведское. Фото 1929 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Одна из мельниц села Старошведское. Фото 1920-х гг.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Колонист
Кристоффер
Утас с семьёй у
собственного дома.
Фото 1929 г.
Источник:
Svenskbyborna 60 år
i Sverige 1929-1989.
Red. Jan
Andréasson-Utas.
Visby. 1989. S. 94

Рождественская служба
для детей старошведского
лютеранского прихода.
Фото 1922 г.
Источник: Svenskbyborna 60
år i Sverige 1929-1989. Red. Jan
Andréasson-Utas. Visby. 1989.
S. 105

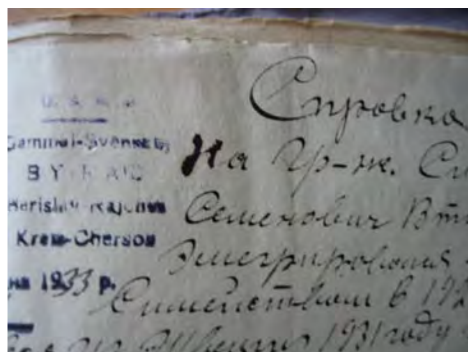

Похороны на
старошведском
кладбище.
Фото 1920-х гг.
Источник:
Предоставлено
обществом
старошведов
Швеции (Förening
Svenksbyborna)

Советский плакат с текстом Интернационала на французском и украинском языках

Штамп Старошведского национального сельсовета с легендой на шведском языке. *Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)*

Значок украинской молодёжной организации «Аерохем» – республиканского отделения Авиахима

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ
Авиационной и Химической Обороны
и Промышленности РСФСР
(Авиахим РСФСР).

.... организации.

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 1211188

Фамилия Нурберг
Имя Петр
Отчество Петрович
Время вступления ....

Председатель Авиахима РСФСР

Секретарь

„16“ VII 1926 г.

Уплата членских взносов

1926 год.

1927 год.

1928 год.

Членский билет Петтера Нурберга – члена Авиахима. 1926 г.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом (Arvid Norberg)

Андреас Утас – солдат РККА
в Туркестане. 1928 г.
Источник: Предоставлено
Арвидом Нурбергом (Arvid Norberg)

Здание старошведской школы. Современный вид. *Источник: Андрей Котлярчук. Фото 2006 г.*

Учительница Юлия Бускас со своими учениками, детьми старошведов. Йенчепинг, Швеция. Фото 1929 г. *Источник: Svenskbyborna 60 år i Sverige 1929-1989. Red. Jan Andréasson-Utas. Visby. 1989. S. 152*

Урок в еврейской школе колонии Ново-Берислав. 1920-е гг.

Старошведский хор. 1929 г. *Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом*

Советский агитационный плакат 1925 г.
Авторы И. П. Макарычев и С. Б. Раев

Новая советская женщина.
Альвина Херман с мужем
Густавом и сыном Нильсом.
Фото 1930-х гг.
Источник: Предоставлено
Арвидом Нурбергом

Отправление старошведов в Швецию. Херсон 22 июля 1929 г. *Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции*

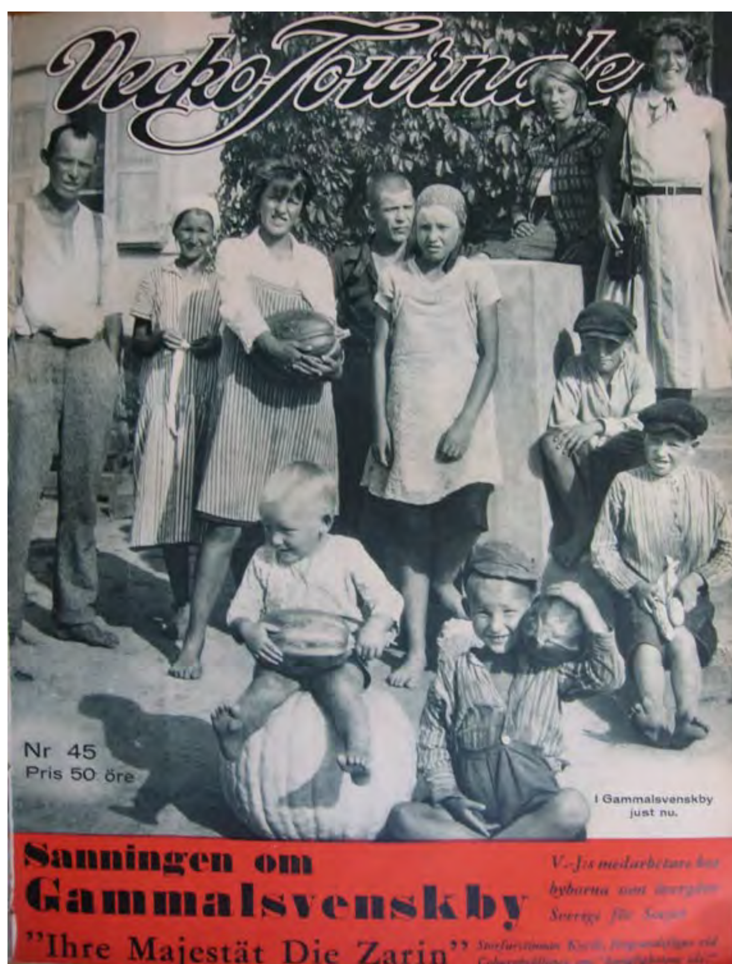

Прибытие старошведов в Швецию. 1 августа 1929 г. *Источник: Предоставлено обществом старошведов*

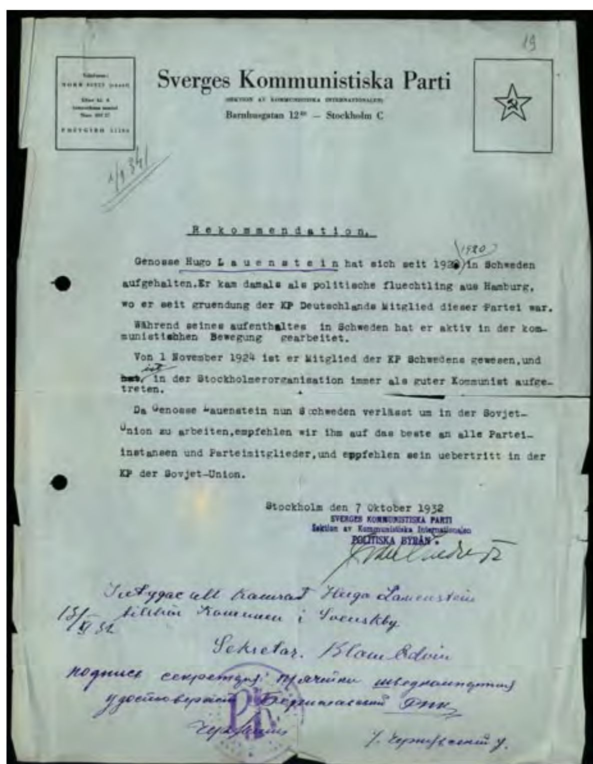
Прибытие в Швецию. 1 августа 1929 г. Торжественное обращение принца Карла, герцога Вестеръётландского, председателя шведского Красного Креста. *Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции*

План села Старошведское на 1929 г.
Авторы Ян Утас и Вильгельм Хуас. 1959 г.
Источник: Utas, Jan. Svenskbyborna. Visby. 1959

Члены Красно-Шведской коммуны на обложке шведского журнала «Vecko-Journalen». 1932. Крайний слева шведский коммунист Эдвин Блюм, в центре шведский коммунист Карл Туре Грээс. Крайняя справа шведский корреспондент Альма Браатен. *Источник: Vecko-Journalen. 1932. № 45*

Характеристика политбюро ШКПК на товарища Хюго Лаунштейна выданная 7 октября 1932 г. и заверенная Эдвином Блюмом. *Источник: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*

Sverges Kommunistiska Parti

Barnhusgatan 12 – Stockholm C

Rekommendation.

Genosse Hugo L a u e n s t e i n hat sich seit 1920 in Schweden aufgehalten. Er kam damals als politische fluechtling aus Hamburg, wo er seit gruendung der KP Deutschlands Mitglied dieser Partei war.

Während seines aufenthaltes in Schweden hat er aktiv in der kommunistischen Bewegung gearbeitet.

Von 1 November 1924 ist er Mitglied der KP Schwedens gewesen, und ist in der Stockholmerorganisation immer als guter Kommunist aufgetreten.

Da Genosse Lauenstein nun Schweden verlässt um in der Sovjet-Union zu arbeiten, empfehlen wir ihm auf das beste an alle Parteiinstansen und Parteimitglieder, und empfehlen sein uebertritt in der KP der Sovjet-Union.

Stockholm den 7 Oktober 1932

SVERGES KOMMUNISTISKA PARTI
Sektion av Kommunistiska Internationalen
POLITISKA BYRÅN.

Sekretar. Blom Edvin

Билет члена ШКПК Хюго Лаунштейна изъятый в 1932 г. отделом кадров ИККИ после его исключения из партии. *Источник: РГАСПИ*

SVERGES KOMMUNISTISKA PARTI
(Sektion av Kommunistiska Internationalen)
Banhusgatan 12III - Stockholm
Telefon: Norr 303 95 (växel)
Telegramadress: KOMINTERNPARTI Stockholm
Postgirokonto 51180 Stockholm

PARTIETS HUVUDORGAN ÄR
NY DAG
(utkommer dagligen utom helgdagar)

Sverges Kommunistiska Parti
(Sektion av Kommunistiska Internationalen)
MEDLEMSBOK
för
Lauenstein. Hugo
Född d. 20/1 1886 Inträdde i partiet
d. 1/11 1924
Tillhör
(Kommunens stämpel)
fr. o. m. d. 1/11 1924 N:r i kommunens
matrikel 450
Stockholms Kommunistiska Arbetarekommun SÖDERKRETSEN
(Kassör)

Первая поставка колхозного зерна в Херсонском округе. Лето 1930 г.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

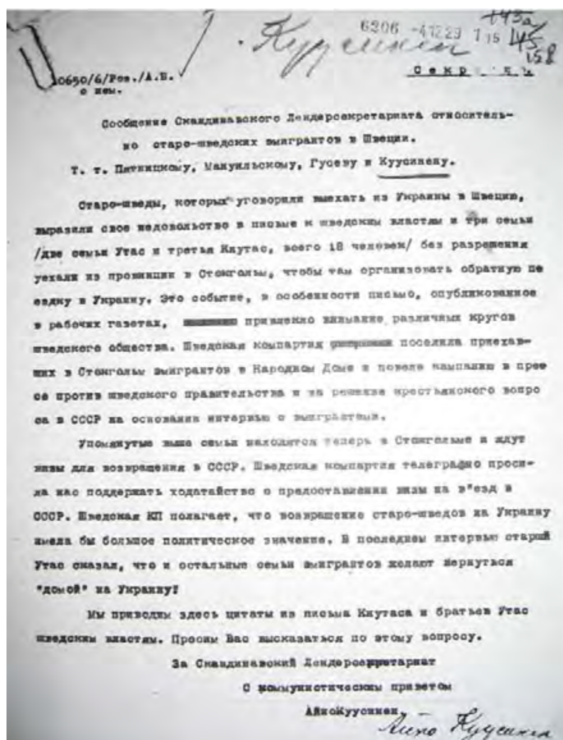

Обложка книги «Два года в Европе. Почему крестьяне села Старошведского вернулись из Швеции» Ленинград. Издательство «Прибой». 1931 г.
Источник: Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург)

Кинотеатр «Коминтерн» в Херсоне. Открыт в 1930 г. Современный вид. *Источник: Андрей Котлярчук. Фото 2006 г.*

«Сообщение Скандинавского лендерсекретариата относительно старо-шведских эмигрантов в Швеции» подготовленное референтом секретариата скандинавских стран Айно Куусинен. 1930 г. *Источник: РГАСПИ*

0650/6/Рос./А.В.
с нем.

Секретно

Сообщение Скандинавского Лендерсекретариата относительно старо-шведских эмигрантов в Швеции.

Т. т. Пятницкому, Мануильскому, Гусеву и Куусинену.

Старо-шведы, которых уговорили выехать из Украины в Швецию, выразили свое недовольство в письме к шведским властям и три семьи /две семьи Утас и третья Кнутас, всего 18 человек/ без разрешения уехали из провинции в Стокгольм, чтобы там организовать обратную поездку в Украину. Это событие, в особенности письмо, опубликованное в рабочих газетах, [redacted] привлекло внимание различных кругов шведского общества. Шведская компартия [illegible] поселила приехавших в Стокгольм эмигрантов в Народном Доме и повела кампанию в прессе против шведского правительства и за решение крестьянского вопроса в СССР на основании интервью с эмигрантами.

Упомянутые выше семьи находятся теперь в Стокгольме и ждут визы для возвращения в СССР. Шведская компартия телеграфно просила нас поддержать ходатайство о предоставлении визы на в"езд в СССР. Шведская КП полагает, что возвращение старо-шведов на Украину имела бы большое политическое значение. В последнем интервью старший Утас сказал, что и остальные семьи эмигрантов желают вернутся "домой" на Украину!

Мы приводим здесь цитаты из письма Кнутаса и братьев Утас шведским властям. Просим Вас высказаться по этому вопросу.

За Скандинавский Лендерсекретариат

С коммунистическим приветом

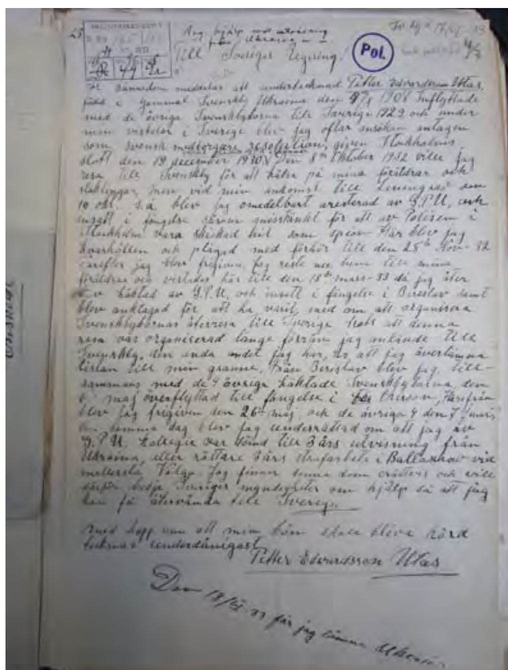
АйноКуусинен.

Шведские коммунисты Эдвин Блюм и Карл Туре Грээс в центре села Старошведское. Август 1932 г.
Источник: Vecko-Journalen. 1933. № 19

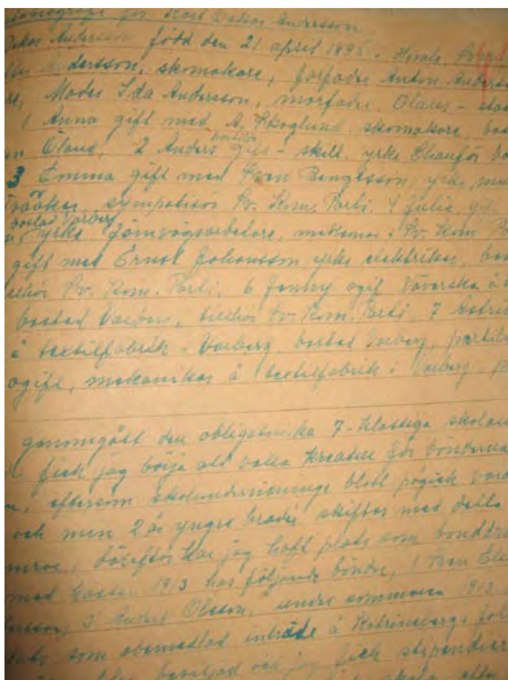
У. С. Р. Р.
ЕРЖАВНЕ ПОЛІТИЧНЕ УПРАВЛІННЯ
ЧТЕНО в 1962 году
СПРАВА
№
о обвин.
ечеві докази №
ПОЧАТО 192 р.
СКІНЧЕНО 192 р.
НА АРКУШАХ
Здано в архив

Следственное дело ГПУ УССР по обвинению ряда жителей с. Старошведское в организации повторной эмиграции в Швецию. 1933 г.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

Till Sveriges Regering!

Petter Edvardsson Utas

Письмо Петтера Эдвардсона Утаса к правительству Швеции с просьбой о дипломатической помощи. 17 июня 1933 г.
Источник: Государственный архив Швеции (Riksarkivet)

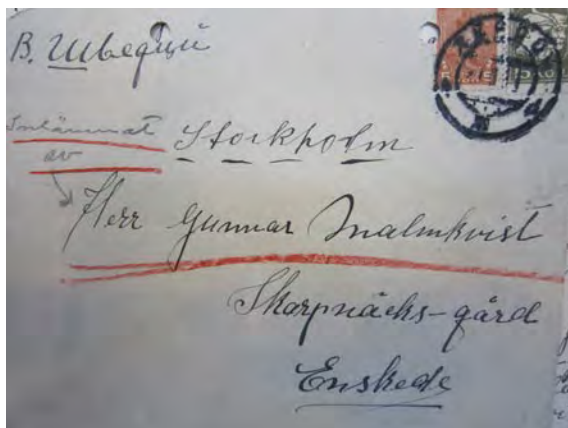
Фрагмент автобиографии составленной в херсонской тюрьме ГПУ шведским коммунистом Карлом Андерссоном. 1933 г.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

Очередь в Торгсин Харькова. 1933 г. *Источник: Фото Андреас Вининберг (Andreas Winenberg).*

Сталин раздает директивы руководству компартии Швеции. Карикатура шведской буржуазной прессы 1930-х гг.

Письмо в Швецию о помощи от голодающего населения с. Старошведское. 1933 г. *Источник: Государственный архив Швеции (Riksarkivet)*

Построенный в 1931 г. Херсонский зерновой элеватор. Отсюда в разгар голода из морского порта Херсона уходило на экспорт зерно.
Источник: www.mycity.kherson.ua

Коммунист Петтер Кнутас – один из организаторов артели имени шведской компартии. Фото 1929 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Фрагмент статьи Альмы Браатен о жизни Красно-шведской коммуны.
Источник: Vecko-Journalen. 1932. № 45

Шведские эмигранты-коммунисты в сельскохозяйственной коммуне Карелии. Крайний слева с детьми – секретарь Красно-Шведской партийной ячейки Эдвин Блюм. 1926 г.
Источник: Предоставлено Ларсом Гугманом

Tillbaka till Sovjet-Unionen

Föredrag hålles

Torsdagen den 14 maj kl. 4 e. m.
(Kristi Himmelsfärdsdag)

i Spånga Folkets Park

av sveuskbybon

JOHAN KNUTAS

Dessutom föredrag av **FRITJOF LAGER**
över ämnet:

Sovjet-Unionens diktatur eller Sverges demokrati

Diskussion.

Spånga Kommunistiska Arbetarkommun.

«Назад в СССР» Афиша выступления на рабочем митинге г. Спонга (Sp nga) шведского колониста Ювана Кнутаса. 1931 г.
Источник: Архив рабочего движения Швеции (ARAB)

ARBETAR-KVINNORNAS TIDNING

Nr 2 1933 Majnummer Pris 15 öre

Inter-nationalen.

Передовая страница шведской коммунистической газеты для женщин «Arbetar-Kvinnornas Tidning». На страницах газеты превозносилось социалистическое строительство в СССР, в том числе в Красно-Шведской коммуне. *Источник: Arbetar-Kvinnornas Tidning. 1933. № 2*

Sovjetringen – отличительное кольцо членов шведского общества «Друзья Советского Союза». 1930-е гг.

I Sovjet-Unionen avlöses hästarna . . .

. . . av traktorerna

Agronom Andersson och Röda Svenskby

Фрагмент статьи «Агроном Андерссон и Красношведское». Перевод надписи к иллюстрациям: «В Советском Союзе трактора заменили лошадей».
Источник: Sovjetnytt. 1933. № 10

4 Gammal-Svenskbybor ha deporterats av Sovjet!

Tjekans process mot svenskättlingarna ny Vickers-affär.

En av de häktade, som frigivits, åter i Sverige på torsdag f. m.

Fullt ljus över tjekans metoder — den undkomne skildrar processen för N. D. A.

Ohyggliga interiörer från tjekans fängelser.

Petter Knutas och Karl Andersson anklagades för att vara Stockholmspolisens spioner.

Karl Andersson heter en man, som på torsdagen återkom till Stockholm i fullkomligt utblottat tillstånd efter de märkligaste upplevelser och äventyr i Gammalsvenskby. Till yrket är Andersson lantbrukare. Han är bördig från Spannarp i Halland, och han har genomgått Katrinebergs lantbruksskola. I 16 år har han beklätt poster i Danmark som förvaltare vid större jordegendomar. På sommaren 1930 återvände han till Sverige för att söka plats här, vilket dock icke lyckades honom. Efter en längre tids arbetslöshet kom han förra våren i kontakt med en del kommunister, vilka förestållde honom, att Sovjetryssland just var det land, där en jordbrukskunnig person kunde göra sina talanger fruktbringande. De rådde honom att tillskriva chefen för de till Sovjetryssland återvända svenskbyborna, en rikssvensk kommunist vid namn Edvin Blom.

Om sina upplevelser i Sovjetryssland och sina erfarenheter från "lyckolandet" har Andersson vid ankomsten till Stockholm för Nya Dagligt Allehanda avgivit följande i hög grad märkliga berättelse.

Andersson for glad till Sovjet.

Efter skriftliga förhandlingar med Blom uppgjordes, att Karl Andersson skulle anställas som agronom vid det svenska kollektivjordbruket i Gammalsvenskby. [illegible] hade han skyldighet att biträda grannkolonien, den tyska byn Klosterdorf, med råd och dåd. En förutsättning för inresetillstånd var dock, att Andersson lät enrollera sig i det svenska kommunistpartiet.

Så for Andersson till Sovjet, glad över att ha fått ett arbete. I Leningrad stannade han ett par månader, medan hans anställning definitivt klarades upp med de ryska myndigheterna. Under denna tid ingick han äktenskap med Maria Edvardsdotter Utas, som tillhör en av de till Sovjet återvända familjerna. I november anlände Andersson med sin hustru till Gammalsvenskby.

Nödvinter kostade människoliv.

Det första Andersson kunde konstatera i Gammalsvenskby var, att full hungersnöd rådde. Sovjetmyndigheterna hade visserligen lovat gammalsvenskarna, att de vid återkomsten till sin gamla by skulle återfå sina jordegendomar mot lösen på lång amorteringstid. Därav hade emellertid blivit intet. Myndigheterna dekreterade kort och gott, att gammalsvenskarna finge bilda ett kollektiv efter modernaste ryska recept. De finge sig förelagda en odlingsplan, enligt vilken de skulle leverera ett visst kvantum spannmål per år. [illegible]

Agronomen *Karl Andersson*, som sluppit ut ur Rysslands fängelsehålor.

maskinerna. Andersson berättar, att bykollektivet visserligen erhållit en sovjetrysk traktor, men den gick ideligen sönder och man hade inga reservdelar att återställa den i stånd med.

Nöden blev [illegible] så stor, att två svenskbybor praktiskt taget svulto ihjäl. På grund av kraftlöshet kunde befolkningen blott med stor svårighet fullgöra de nödvändigaste sysslorna. Kläder funnos icke, och om kvällarna vågade man icke gå ut av fruktan för överfall. Det hände nämligen ofta, att en person, som hade ett par hela stövlar, kunde få halsen avskuren av någon, som önskade ett par hela stövlar. [illegible]

(Forts. å sid. två.)

Фрагмент статьи «Жители Старошведского депортированы Советами! Процесс ЧеКа против потомков шведов это новый процесс Виккерс» крупнейшей газеты Швеции «Nya Dagligt Allehanda» Фотография агронома Карла Андерссона.
Источник: Nya Dagligt Allehanda. 3.08.1933

Андреас и Анна Утас. Село Красно-Шведское. 1932 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Бригадир колхоза имени шведской компартии Юханнес Кнутас. Середина 1930-х гг.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

2

Тільки радвлада й компартія—наші друзі

Шведські емігранти вернулись до Старошведська

Цими днями в Бериславський район на місце свого мешкання, в село Старошведське, повернулися з Швеції три родини, в складі 21 чоловіка.

З цього приводу у приміщенні колишньої Старошведської церкви, яку тепер переселенці взяли під будинок культури, влаштовано інтернаціональний вечір, присвячений зустрічі шведів, що вернулись.

Була сила присутніх, що прийшли на інтернаціональний вечір почути щиру правду, що скажуть прибулі шведи.

Присутніх вітав представник шведської компартії тов. Ліндрус, що прибув із Швеції. В своїй промові він сказав, що шведські капіталісти, за допомогою духівництва та куркулів, омяною вивезли у Швецію людність колонії. Тепер шведські емігранти з СРСР перебувають у Швеції під тяжким ярмом експлоатації та надзвичайно тяжких умов життя. Пастор роз'їжджав по всій Швеції, агітуючи проти СРСР, розказуючи, ніби тут робиться щось надзвичайне: голод, розруха, розстріли. Але робітники Швеції не повірили цим контрреволюційним виступам. Робітники пильно стежать за мирним соціалістичним будівництвом радянської країни—батьківщини всесвітнього пролетаріату, де кується нове життя та нова соціалістична держава, що є маяк для трудящих капіталістичних країн. Комуністичний інтернаціонал своєю більшовицькою роботою та керівництвом дав шведській компартії багато цінного для її роботи.

Німці—колоністи та євреї, що виступали, говорили про дійсну правильну національну політику партії та радвлади, про те, що Радянський Союз є справжня батьківщина різних національностей, які раніше були пригнічені і тільки завдяки правильній національній політиці радвлади, національні меншості дістали широку можливість розвиватися й будувати свою культуру.

Від шведів, що вернулись назад, виступив тов. Утас (це той, що виступав у Швеції на зібраннях компартії). Він сказав:

— „Ми проїхали кілька капіталістичних держав, але не бачили ніде такої країни, як СРСР, де б робітникам та селянам можна було б вільно жити і працювати. В Швеції є дуже мало селян, які не працюють на поміщика, а то всі виключно працюють на поміщика; там панує надзвичайно велика експлуатація. Гектар землі в Швеції коштує тисячу крон (50 коп.).

Робітники Швеції теж залежать від фабриканта капіталіста. І ми переконалися, що тільки в Радянському Союзі робітники та селяни будують нову країну, де їм можна вільно працювати і керувати своєю країною. Ми раніш не вірили заходам радвлади, а були цілком під впливом агітації пастора на ґрунті релігійного задурманювання. А тепер, коли ми побували в Швеції і побачили на власні очі дійсне тамошнє становище, то визнаємо, що зробили величезну помилку, попавши на вудочку пастора, а не послухавши представників влади.

За короткий час перебування у Швеції, ми на своїх плечах відчували тягар капіталістичної експлуатації. Тепер ми дійсно зрозуміли, що тільки радянська влада та компартія є наші друзі, які бажають нам кращого життя. І ми, з свого боку, прикладемо всіх зусиль, щоб допомогти їй і виправити свою помилку, яку ми зробили. Вважаємо стати в трудові лави працівників. Надалі будемо вести боротьбу з агітацією пасторів і викриватимемо їхню роботу. Остальні шведські родини, що залишилися ще в Швеції, теж незабаром повернуться на свою дійсну батьківщину, бо в Швеції їм робити нічого, там залишається саме куркульство.

* * *

Після цього секретар партосередку тов. Дедечко зробив доповідь про національну політику.

Після художньої частини інтернаціональний вечір закрився.

* * *

Шведи у товариських розмовах широко інформували про становище у Швеції.

Випадок із шведами повинен стати за добру науку для інших колоністів—менонітів.

Юагштурм.

Одна из статей о возвращении шведских колонистов на Родину: «Тільки радвлада й компартія – наши друзі. Шведські емігранти вернуліся до Старошведська». *Источник: Наддніпрянська Правда. 21 января 1930*

Возвращение в СССР. В отличие от взрослых у детей шведских колонистов не было выбора.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Активисты сносят с помощью трактора крест на башне Старошведской церкви. Рисунок неизвестного автора.
Источник: Utas, Jan. Svenskbyborna. Visby. 1959

Интерьер Красно-Шведского клуба (бывшей лютеранской церкви). 1932 г.
Источник: Vecko-Journalen. 1932. № 45

Бригада колхоза имени шведской компартии в поле. Справа на земле – шведский корреспондент Альма Браатен. 1932 г.
Источник: Vecko-Journalen. 1932. № 45

Суд над кулаками Херсонского округа. 1931 г.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

1936 г. Семья Утас у гроба Розалии Утас. Через год власть лишит старошведов возможности хоронить погибших родственников.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

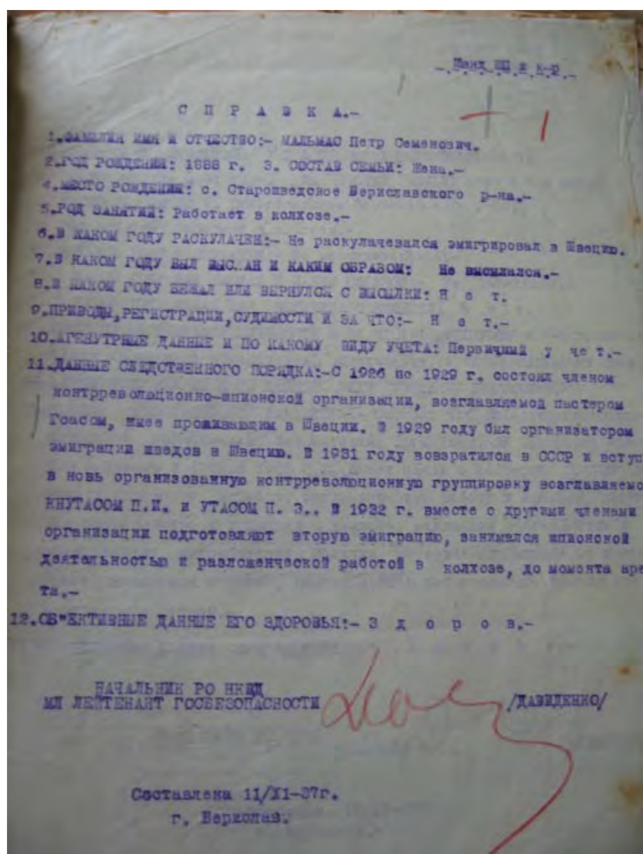
Девушки из старощведской колонии. Фото 1930-х гг.
Источник: Предоставлено Арвидом Нурбергом

Бывшее управление Херсонского НКВД. Современный вид.
Источник: Андрей Котлярчук. Фото 2006 г.

Почётный знак
«XV лет В.Ч.К.-Г. П. У.»

-.Швнд.ШП.и.к-р.-

С П Р А В К А.-

1.ФАМИЛИЯ ИМЯ И ОТЧЕСТВО:- МАЛЬМАС Петр Семенович.
2.ГОД РОЖДЕНИЯ: 1888 г. 3. СОСТАВ СЕМЬИ: Жена.-
4.МЕСТО РОЖДЕНИЯ: с. Старошведское Бериславского р-на.-
5.РОД ЗАНЯТИЙ: Работает в колхозе.-
6.В КАКОМ ГОДУ РАСКУЛАЧЕН:- Не раскулачевался эмигрировал в Швецию.
7.В КАКОМ ГОДУ БЫЛ ВЫС..АН И КАКИМ ОБРАЗОМ: Не высылался.-
8.В КАКОМ ГОДУ БЕЖАЛ ИЛИ ВЕРНУЛСЯ С ВЫСЫЛКИ: Н е т.
9.ПРИВОДЫ,РЕГИСТРАЦИИ,СУДИМОСТИ И ЗА ЧТО:- Н е т.-
10.АГЕНТУРНЫЕ ДАННЫЕ И ПО КАКОМУ ВИДУ УЧЕТА: Первичный у че т.-
11.ДАННЫЕ СЛЕДСТВЕННОГО ПОРЯДКА:-С 1926 по 1929 г. состоял членом контрреволюционно-шпионской организации, возглавляемой пастером Гоасом, ныне проживающим в Швеции. В 1929 году был организатором эмиграции шведов в Швецию. В 1931 году возвратился в СССР и вступ в новь организованную контрреволюционную группировку возглавляемо КНУТАСОМ П.И. и УТАСОМ П. З., В 1932 г. вместе с другими членами организации подготовляют вторую эмиграцию, занимался шпионской деятельностью и разложенческой работой в колхозе, до момента аре та.-
12.ОБ"ЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ ЕГО ЗДОРОВЬЯ:- З д о р о в.-

НАЧАЛЬНИК РО НКВД
МЛ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ДАВИДЕНКО/

Составлена 11/XI-37г.
г. Берислав.

Справка на Петтера Мальмаса составленная начальником Бериславского РО НКВД младшим лейтенантом госбезопасности Д. Э. Давиденко-Эдвабник. 1937 г. Сокращение в правом верхнем углу «Швнд ШП и к-р» означает Шведская националистическая диверсионная шпионская и контрреволюционная организация. *Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)*

Петтер Мальмас. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1937 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Симон Нурберг. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1937 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

С Л У Ш А Л И	ПОСТАНОВИЛИ
Дело [illegible], [illegible] НКВД № [illegible], по обвинению: НУРБЕРГА Семена Григорьевича – 1887 года рождения, урож. с. [illegible], шведа, [illegible]. Обвиняется в том, что занимался шпионской деятельностью, собирал сведения [illegible], передавал их [illegible]. В 1929 г. был организатором эмиграции. Возвратившись в СССР из Швеции, был активным членом к-р группировки, участвовал в подготовке [illegible] эмиграции, занимался [illegible] к-р провокационной работой. Виновным себя признал. Арестован 5 ноября 1937 г., содержится под стражей в тюрьме г. Херсона.	НУРБЕРГА Семена Григорьевича РАССТРЕЛЯТЬ.

Постановление тройки НКВД по Николаевской области о расстреле Симона Нурберга.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

Выписка из протокола №

заседания тройки при УНКВД по Николаевской области

СЛУШАЛИ | ПОСТАНОВИЛИ

УТАСА

РАССТРЕЛЯТЬ

Верно: Секретарь Тройки

Постановление тройки НКВД по Николаевской области о расстреле Вольдемара Утаса.
Источник: Государственный архив Херсонской области (ДАХО)

Вольдемар Утас. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1937 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Альвина Хинас с детьми и её муж Юван Хинас. Альвина Хинас была расстреляна НКВД в 1937 г. Её муж Юван расстрелян в 1938 г. Четверо детей остались сиротами.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Юван Хинас.. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1938 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Симон Сигалет. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1937 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Маттиас Нурберг. . Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1937 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Густав Утас. Фото 1929 г.
Расстрелян НКВД в 1938 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Херсонский городской парк имени Ленинского комсомола, напротив управления НКВД. Место массовых расстрелов в 1937–1938 гг.
Источник: Андрей Котлярчук. Фото 2006 г.

Пороховой склад 18 века. Херсонский городской парк имени Ленинского комсомола. Место массовых расстрелов в 1937–1938 гг.
Источник: Андрей Котлярчук. Фото 2006 г.

Новое руководство колхоза имени Шведской компартии. 1939 г.
Источник: Ny Dag. 8.08. 1959

Почтовая марка Рейхкоммисариата Украина с изображением Гитлера. Оккупационный режим уделял особое внимание популяризации образа фюрера

Группенфюрер Эвальд Оппперманн (слева) на фоне юношей – членов организации «Гитлерюгенд». 1944 г. *Источник: Национальный цифровой архив Польши (Narodowe Archiwum Cyfrowe). URL: http://www.nac.gov.pl*

Б. А. Старчиков «Доставка вагонного парка водой». Устьвымлаг.
Б. А. Старчиков (1921–1999), художник. В 1945-1953 гг. – узник Устьвымлага.
Источник: Всероссийское генеалогическое древо. URL: http://www.vgd.ru

Бараки Гулага.
Источник: Национальный музей республики Коми

Учетная карточка Кнут Юнсон. 1945 г. Спецконтингент Жешартского фанерного завода.
Источник: Предоставлено Николаем Морозовым (Сыктывкар)

Учетная карточка Эмма Мальмас. 1946 г. Спецконтингент Жешартского фанерного завода.
Источник: Предоставлено Николаем Морозовым (Сыктывкар)

LANDSARKIVET
I
VADSTENA
FOLKBOKFÖRINGSSEKTIONEN

UTDRAG
2007-08-29

Dnr: **VALA 422-2007/06096**

Utdrag ur födelse- och dopbok för Ljungarums församling, Jönköpings län

Reg. FDB 1930:3

Alla förnamn:	Oscar Erik---
Födelsedatum:	14 januari 1930
Nedkomstort:	Jönköpings Sofia församling (BB)
Fader:	Knutas, Gustaf Kristiansson, född den 18 januari 1898 (1898-01-18)---
Moder:	Busch, Rosina, hans hustru, född den 11 maj 1895 (1895-05-11)---
Övrigt:	Oscar Erik döpt den 17 januari 1930.--- Fadern rysk undersåte.---

Landsarkivet i Vadstena
I tjänsten

Thomas Stellrot
Thomas Stellrot
förste arkivarie

Obs! Uppgifterna i detta utdrag är hämtade ur kyrkobok, i vilken inga anteckningar gjorts efter 1991-06-30. För uppgifter om eventuella ändringar och tillägg, som kan ha gjorts efter detta datum, hänvisas till Skatteverket.

Postadress Box 126 | Besöksadress | Telefon | Telefax | E-Post | Plusgiro | Org.nr

Шведское свидетельство о рождении Оскара Кнутаса, в будущем малолетнего спецпоселенца Коми-Гулага.
Источник: Представлено Оскаром Кнутасом

Роза Кнутас с детьми. Фото 1929 г. *Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции*

Изолятор Устьвымлага. Фото 1989 г. Источник: *Виртуальный музей Гулага: www.gulagmuseum.org*

Окрестности п. Жешарт

Памятник жертвам политических репрессий Устьвымлага. Бывший пересыльный пункт Вогваздино. Дата открытия: 2000 г. Фрагмент.
Источник: Центр имени Андрея Сахарова. Компьютерная база данных «Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР»: www.sakharov-center.ru

Руины Старошведской лютеранской церкви. 1950-е гг.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Мария Утас (1937 г. р.) на месте захоронения своего отца Андреаса Утаса умершего в Коми-Гулаге в 1947 г. Фото 2011 г.
Источник: Предоставлено Марией Утас

Страница из семейного альбома Утас.
Источник: Предоставлено Олегом Утасом (Владивосток)

Луиза Кнутас на шведском кладбище села Змиевка. 1953 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Эмма Мальмас – лидер общины украинских шведов в 1945–2001 гг.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Табличка на могиле Эммы Мальмас. Первая надпись на местном кладбище на шведском языке после 1937 г. Перевод на русский язык: «Наша Эмма Мальмас, 1918–2001. Она с большим личным обаянием призывала нас к христианской вере, шведскому языку и шведским традициям. Огромное сердечное спасибо»!
Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2006 г.

Последние шведоязычные жители села. Слева направо: Эмма Утас, Эльза Козенко, Мария Нурберг, Анна Аннас, Лилья Хансас.
Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2004 г.

Старошведы вместе с королем Швеции Карлом XVI Густавом и королевой Швеции Сильвией во время официального визита королевской четы в Украину. Змиевка. 2 октября 2008 г.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Памятник В. И. Ленину напротив областной администрации Херсонской области. В ночь с 8 на 9 августа 2008 г. неизвестные нарушители нанесли на памятник несколько надписей, среди них призыв «Украина имеет своих героев». Херсон. Фото 9 августа 2008 г.

Памятник Ф. Э. Дзержинскому в Херсоне.
Фото 2005 г.
Источник: www.mycity.kherson.ua

Современная «Улица чекистов» ведущая к зданию управления СБУ. Херсон. *Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2004 г.*

Памятник «жертвам коммунистического режима». Херсон. Дата открытия: 1992 г. *Источник: www.mycity.kherson.ua*

”Svenskbyg rden” – музей и культурный центр общества херсонских шведов в г. Рума, Швеция. Здание музея – точная копия старошведского колонистского дома.
Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции

Дорожный указатель населенного пункта у въезда в село Змиевка. Официальный герб поселения и надпись на четырех языках, в том числе на шведском. 2008 г.
Источник: Бібліотечка Просвіти Херсонщини

Памятник шведским колонистам – жертвам Большого Террора. Перевод текста памятника на русский язык: « В память невинных шведских колонистов, схваченных и исчезнувших в 1937–1938 гг.». Дата открытия: 2004 г. *Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2006 г.*

Памятный крест около здания бывшей кирхи в честь 220-летней годовщины основания шведской колонии. Дата открытия: 2002 г. *Источник: Фото Андрей Котлярчук. 2006 г.*

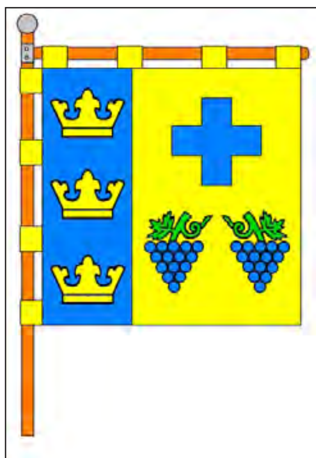
Памятный знак, установленный в память 50-летней годовщины переселения в село Старошведское польских украинцев. Дата открытия: 2004 г. *Источник: Предоставлено обществом старошведов Швеции*

Мемориал «Борцам за волю Украины». Установлен у входа в бывшее здание Старошведской лютеранской кирхи – ныне православный храм Украинской православной церкви (Киевский патриархат). Дата открытия: 2010 г. *Источник: Меморіал «Борцям за волю України» у Змiївцi. Википедия: http://uk.wikipedia.org*

Школьница Лилия Мальмас с бабушками Эммой Мальмас и Анной Утас. Змиевка. Фото 1983 г.
Источник: Предоставлено Лилей Мальмас

Флаг села Змиевка. Утвержден в 2007 г.
Источник: Прапор Змiївки. Википедия: http://uk.wikipedia.org